М.В.Родзянко

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

М. В. РОДЗЯНКО

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

ГЖ1
Р 713 2

Г 1176-2
сем

ПРИБОЙ

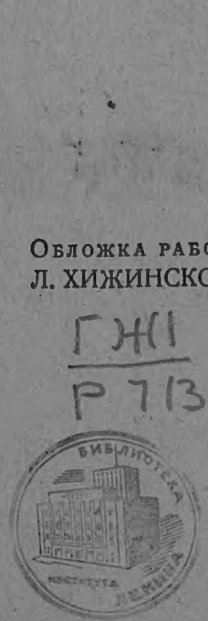
М. В. РОДЗЯНКО

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПРИБОЙ. ЛЕНИНГРАД 1929

Обложка работы
Л. ХИЖИНСКОГО



ГЖ1
Р 713 2

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

67404 У 088/21

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

Ленинградский Областлит № 20292.
17 л. Тираж 7000 (С. 52. 28891/Пр.).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Приступая к изложению событий, предшествовавших революции, и обстоятельств, при которых или, вернее, в силу которых появился при Дворе императора Николая II Григорий Распутин[1] и получил столь пагубное влияние на ход государственных дел, я отнюдь не имею в виду стремление набросить тень на личность мученически погибшего русского царя. Жизнь его, несомненно, была полна лучших пожеланий блага и счастья своему народу. Однако, он не только ничего не достиг, благодаря своему безволию, мягкости и легкому подчинению вредным и темным влияниям, а, напротив, привел страну к царящей ныне смуте, а сам со своей семьей погиб мученической смертью.

Мне, как близко стоявшему к верхам управления Россией, кажется, что я не в праве сохранять втайне эти темные страницы жизни русского царства, страницы, раскрывшиеся во время такой несчастливой для нас мировой войны. Потомство наше себе в назидание должно знать все прошлое своего народа во всех его подробностях и в ошибках прошлого черпать опыт для настоящего и будущего. Поэтому всякий, знающий более или менее интимные детали, имеющие исторический интерес и государственное значение, не имеет права скрывать их, а должен свой опыт и осведомленность без всякого колебания оставить потомству.

С этой точки зрения и я прошу читателей отнестись к настоящим запискам. Быть об'ективным в своем изложении — моя цель, резкого же или пристрастного отношения к рассматриваемой эпохе я буду тщательно избегать.

Так или иначе, но начало разложения русской общественности, падение престижа царской власти, престижа и обаяния самой личности царя роковым образом свя-

заны с появлением при русском Дворе и его влиянием на жизнь Двора Григория Распутина. И виновным в том, что его влияние имело гибельные последствия для всего государства, нельзя считать, однако, императора Николая II, но, несомненно, и, главным образом, тех государственных деятелей и приближенных к императорскому Двору лиц, которые не поняли или не хотели понять в своих личных выгодах и расчетах глубину той пропасти, в которую могут быть ввержены не только императорская семья, но и вся Россия. Обаяние царского престола было замарано наличием вблизи его безнравственного и грязного проходимца. Эти лица должны были, не щадя себя, если им интересы и судьбы родины были выше личных выгод и соображений, мужественно сплотиться во имя блага родины и спасти ее от могущих быть страшных потрясений. На деле этого не было. Люди, долг которых заключался в упорной борьбе с нарождающимся злом, этого долга перед Россией не исполнили. Они, напротив, в личных выгодах поддерживали тлетворное влияние Распутина на царскую семью, видя в нем верное орудие для достижения своих тщеславных и корыстных целей.

Я самым решительным и категорическим образом отбрасываю появившиеся в последние дни царствования Николая II недостойные и грязные инсинуации на царскую чету, все те памфлеты бульварного характера, которые принимались легко на веру взбудораженной, легковерной толпой. Долгом совести я считаю заверить, что причины влияния Распутина лежат более глубоко. Они относятся к области болезненного мистицизма императрицы Александры Феодоровны, мистицизма, который постоянно и искусственно поддерживался Распутиным и его приспешниками, но ни в какой степени не основывались на интимных отношениях.

В своем изложении я буду базироваться на многих документах, имеющихся у меня, и на сохранившихся личных записках. Мне придется, однако, иногда приводить и бродившие в русском обществе слухи и рассказы, которые дают прямое отражение настроения умов описываемой эпохи.

I.

Мистицизм царицы и „пророки" с Запада. — Епископ Феофан и появление Распутина. — В чем сила его влияния на царицу. — Столкновение с Гермогеном и Илиодором и обер-прокурор синода Саблер.

К тому времени, когда после японской войны я по избранию екатеринославского губернского земства сделался членом Государственного Совета, относится и знакомство мое, более или менее близкое, с высшими правящими сферами, а, следовательно, сделались доступными многие интимные подробности быта этих сфер, недоступные и неизвестные широкой русской публике.

Общее мнение, и несомненно правильное, заключалось в том, что императрица Александра Феодоровна еще с малых лет имела склонность к мистическому миросозерцанию; это свойство ее природы, по мнению многих, — наследственное, крепло и усиливалось с годами, а в описываемый мною период достигло религиозной мании, скажу даже, религиозного экстаза — вера в возможность предсказаний будущего со значительной долей суеверия.

Причины такого ее душевного состояния об'яснить, конечно, трудно. Было ли это последствием частого деторождения, упорной мысли о желании иметь наследника, когда у нее рождались все дочери, или крылось ли это настроение в самом ее душевном существе — определить я не берусь.

Но факт ее болезненного мистического и склонного к вере в сверх'естественные явления настроения, даже к оккультному, — вне всякого сомнения.

Это обстоятельство было немедленно учтено дальновидными политиками Западной Европы, изучавшими

всегда более внимательно нас, русских, и особенно придворные настроения. Чтобы иметь сильную руку при Дворе русском, быстро ориентировавшись в создавшемся положении, они немедленно решили использовать это настроение.

В начале 1900 года стали появляться при императорском русском Дворе несколько загадочные апостолы мистицизма, таинственные гипнотизеры и пророки будущего, которые приобретали значительное влияние на мистически настроенный ум императрицы Александры Феодоровны. В силу доверия, которое оказывалось этим проходимцам царской семьей, вокруг них образовывались кружки придворных, которые начинали приобретать некоторое значение и даже влияние на жизнь императорского Двора.

В этих кружках тайное, незаметное участие принимали, без сомнения, и агенты некоторых иностранных посольств, черпая, таким образом, все необходимые для них данные и интимные подробности о русской общественной жизни. Так, например, за это время появился некий Филипп. Он отвечал, как нельзя лучше, тому типу людей, которые, пользуясь своим влиянием на психологию царственной четы, готовы служить всякому делу и всяким целям за достаточное вознаграждение.

Ко двору этот господин был введен двумя великими княгинями. Но вскоре агент русской тайной полиции в Париже Рачковский [2] донес в Петербург, что Филипп темная и подозрительная личность, еврей по национальности и имеет какое-то отношение к масонству и обществу «Гранд Альянс Израелит». Между тем Филипп приобретает все большее и большее влияние. Он проделывал какие-то спиритические пассы и сеансы, предугадывал будущее и убеждал императрицу, что у нее непременно явится на свет в скором будущем сын, наследник престола своего отца. Филипп приобретает такую силу при Дворе, что агент Рачковский был сменен за донос его на Филиппа. Но как-то загадочно исчез и Филипп при своей поездке в Париж.

Не успел он исчезнуть с петербургского горизонта, как ему на смену появился в высшем обществе такой

же проходимец, якобы его ученик, некий Папюс, который в скором времени и тем же путем был введен ко Двору.

Не могу не отдать справедливости тогдашним руководителям русской внутренней политики и высшим иерархам церкви. Они были озабочены столь быстро приобретаемым влиянием приезжающих, а может быть, и подсылаемых загадочных суб'ектов.

Власти светские были озабочены возможностью сложных политических интриг, так как в силу доверия, оказываемого им царями, вокруг них образовывались кружки придворных, имевших, конечно, в виду только свои личные дела, но способные и на худшее.

Власть духовная, в свою очередь, опасалась возникновения в высшем обществе сектантства, которое могло бы пойти из придворных сфер и которое пагубно отразилось бы на православной русской церкви, примеры чему русская история знает в царствование императора Александра I.

Совокупными ли усилиями этих двух властей, или в силу других обстоятельств и происков, но Папюс вскоре был выслан, и его место занял епископ Феофан[3], ректор СПБ Духовной академии, назначенный к тому же еще и духовником их величеств. По рассказам, передаваемым тогда в петербургском обществе, верность которых документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашение высших церковных иерархов в том смысле, что на болезненно настроенную душу молодой императрицы должна разумно влиять православная церковь, стоя на страже и охране православия, и, всемерно охраняя его, бороться против тлетворного влияния гнусных иностранцев, преследующих, очевидно, совсем иные цели.

Личность преосвещенного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый, твердый и христианской веры в духе истого православия и христианского смирения человек. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки иметь места не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служи-

тель алтаря господня, чуждый политики и честолюбивых запросов.

Тем более непонятным и странным покажется то обстоятельство, что к императорскому Двору именно им был введен Распутин.

Надо полагать, что епископ Феофан глубоко ошибся в оценке личности и душевных свойств Распутина. Этот умный и тонкий, хотя почти неграмотный, мужик ловко обошел кроткого, незлобивого и доверчивого епископа, который по своей чистоте душевной не угадал всю глубину разврата и безнравственности внутреннего мира Григория Распутина. Епископ Феофан полагал, несомненно, что на болезненные душевные запросы молодой императрицы всего лучше может подействовать простой, богобоязненный, верующий православный русский человек ясностью, простотой и несложностью своего духовного мировоззрения простолюдина. Епископ Феофан, конечно, думал, что богобоязненный старец, каким он представлял себе Распутина, именно этой ясной простотой вернее ответит на запросы государыни и легче, чем кто другой, рассеет сгустившийся в душе ее тяжелый мистический туман. Но роковым образом честный епископ был жестоко обморочен ловким пройдохой и вспоследствии сам тяжко поплатился за свою ошибку.

Кто же был по существу своему Григорий Распутин? Его curriculum vitae до появления его на государственной арене установлено документально.

Крестьянин села Покровского, Тобольской губернии, Распутин, повидимому, мало чем отличался от своих односельчан, был рядовым мужиком среднего достатка.

Из следственного о нем дела видно, что с молодых лет имел наклонности к сектантству; его недюжинный пытливый ум искал какие-то неизведанные религиозные пути. Ясно, что прочных христианских основ в духе православия в его душе заложено не было, и поэтому и не было в его мировоззрении никаких соответствующих моральных качеств. Это был, еще до появления его в Петербурге, суб'ект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до

нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели.

Таков нравственный облик Григория Распутина на основании следственного о нем дела, бывшего у меня в руках. Из этого же дела я почерпнул и следующие сведения. Местный священник с. Покровского стал замечать странные явления во дворе Григория Распутина.

Была возведена в глухом углу двора какая-то постройка без окон, якобы баня. У Распутина с сумерками стали собираться какие-то таинственные сборища. Сам Распутин часто стал отлучаться в Абалакский монастырь [4] вблизи Тобольска, где содержались разные лица, сосланные туда за явную принадлежность к разным религиозным сектам. Пока местный священник выслеживал подозрительные обстоятельства, происходящие во дворе Распутина, этот последний решил испытать счастье вне родного села и махнул прямо в Петербург. Документально установить, каким образом Распутин сумел втереться в доверие к епископу Феофану, мне не удалось. Слухов было так много, что на точность всех этих разговоров полагаться нельзя. Указывали, как на посредника между епископом Феофаном и Распутиным, на священника Ярослава Медведя, духовника одной из русских великих княгинь, ездившего почему-то в Абалакский монастырь или туда сосланного, где он будто бы познакомился с Распутиным и привез его с собой. Эта версия наиболее вероятная, но были и другие. Но как бы там ни было, в начале 1900-х годов, еще до китайской войны, мы видели уже Распутина в большой близости к епископу Феофану, духовнику их величеств; недальновидный архипастырь ввел его и ко Двору в качестве старца и начетчика, которыми еще при московских царях кишмя кишели терема цариц московских.

Распутин на первых порах держал себя очень осторожно и осмотрительно, не подавая виду о своих намерениях. Естественно, что он осматривался, изучал придворный быт и придворных людей, придворные нравы и своим недюжинным умом делал из своих наблюдений надлежащие для своей дальнейшей деятельности выводы. Этим он не только укрепил веру в себя

своего покровителя епископа Феофана, но приобрел еще влиятельного сторонника в лице епископа саратовского Гермогена [5], впоследствии члена св. синода, сознавшего, в конце концов, свое заблуждение и много за него пострадавшего. Сторонником же Распутина явился и небезызвестный иеромонах Илиодор [6], но про последнего определенно говорили, что это карьерист и провокатор, хотя своим пылким темпераментом и горячим красноречием был одно время в Саратове идолом толпы, народным трибуном и, несомненно, пользовался огромным влиянием на народные массы в Саратове и Царицыне, имея там могучего покровителя в лице местного епископа Гермогена.

В этот период времени Распутин не выходил из роли богобоязненного, благочестивого старца, усердного молитвенника и ревнителя православной церкви Христовой. Во время тяжелого лихолетия японской войны и революции 1905 года он всячески утешал царскую семью, усердно при ней молился, заверял, что-де при его усердной молитве с царской семьей и наследником цесаревичем не может случиться никакой беды, незаметно приобретал все большее и большее влияние и, наконец, получил звание «царского лампадника», т. е. заведывающего горевшими перед святыми иконами неугасимыми лампадами.

Таким образом, он получил беспрепятственный вход во дворец государя и сделался его ежедневным посетителем по должности своей, вместо спорадических его там появлений по приглашению. Надобно приэтом заметить, что император Николай II был большой любитель, знаток и ценитель святых икон древнего письма и обладал редкой и высокоценной коллекцией таковых, которую очень бережно хранил. Надо полагать, что, вверяя попечению Распутина столь чтимое им собрание икон, государь, несомненно, проявлял к новопожалованному царскому лампаднику известное доверие, считая проявляемое им благочестие искренним и правдивым, а его самого достойным хранителем св. ликов.

Почувствовав, таким образом, под собою твердую почву, Распутин постепенно меняет тактику, отдаваясь

мало-по-малу своим безнравственным наклонностям и сектантским побуждениям.

По мере того, как затихали революционные волны и жизнь государства входила исподволь в нормальное русло, стали ходить, сначала неопределенно, неясно, слухи о проделках этого пройдохи. Потом определеннее и точнее стали указывать на то, что Распутин основывает хлыстовские корабли[7] с преобладанием в них молодых женщин и девиц. Стали поговаривать, что Распутина часто видят в отдельных номерах петербургских бань, где он предавался дикому разврату. Стали называть имена лиц высшего общества, якобы, последовательниц хлыстовского вероучения Распутина. Мало-по-малу гласность росла, стали говорить уже громко, что Распутин соблазнил такую-то, что две сестры, молодые девицы, им опозорены, что в известных квартирах происходят оргии, свальный грех. В моем распоряжении находилась целая масса писем матерей, дочери которых были опозорены наглым развратником. В моем же распоряжении имелись фотографические группы так называемого «хлыстовского корабля». В центре сидит Распутин, а кругом около сотни его последователей: все как на подбор молодые парни и девицы или женщины. Перед ним двое держат большой плакат с избранными и излюбленными хлыстами изречениями св. писания. Я имел также группу гостиной Распутина, где он снят в кругу своих поклонниц из высшего общества и, к удивлению своему, многих из них узнал. Мне доставили два портрета Распутина: на одном из них он в своем крестьянском одеянии с наперсным крестом на груди и с поднятой, сложенной трехперстно, рукою, якобы, для благословения. На другом он в монашеском одеянии, в клобуке и с наперсным крестом. У меня образовался целый том обличительных документов. Если бы десятая доля только того материала, который был в моем распоряжении, была истиной, то и этого было бы довольно для производства следствия и предания суду Распутина. Ко мне, как к председателю Гос. Думы, отовсюду неслись жалобы и обличения преступной деятельности и развратной жизни этого господина.

Наконец, дело перешло на страницы повседневной

печати. Цензурный комитет и министерство внутренних дел переполошились не на шутку, конечно, имея через департамент полиции и его агентуру гораздо более точные сведения и неопровержимые доказательства справедливости бродящих в обществе слухов. Положение государственной власти было донельзя трудное. Она не могла не понимать, в какую бездну влечет Распутин царскую чету, а с другой стороны, влияние на последнюю отвратительного сектанта становилось все сильнее и могущественнее.

Чем же об'яснить это роковое влияние, несомненно, положившее начало русской революции, ибо оно первое поколебало веру в престиж царской власти и растлило народную совесть?

Вне всякого сомнения, Григорий Распутин, помимо недюжинного ума, чрезвычайной изворотливости и ни перед чем не останавливающейся развратной воли, обладал большой силой гипнотизма. Думаю, что в научном отношении он представлял исключительный интерес. В этом сходятся решительно все его сколько-нибудь знавшие, и силу этого внушения я испытал лично на себе, о чем буду говорить впоследствии.

Само собой разумеется, что на нервную, мистически настроенную императрицу, на ее мятущуюся душу, страдавшую постоянным страхом за судьбу своего сына, наследника престола, всегда тревожную за своего державного мужа, — сила гипнотизма Григория Распутина должна была оказывать исключительное действие. Можно с уверенностью сказать, что он совершенно поработил силою своего внушения волю молодой императрицы. Этою же силою он внушил ей уверенность, что, пока он при Дворе, династии не грозит опасности. Он внушил ей, что он вышел из простого серого народа, а потому лучше, чем кто-либо, может понимать его нужды и те пути, по которым надо итти, чтобы осчастливить Россию. Он силою своего гипнотизма внушил царице непоколебимую, ничем непобедимую веру в себя и в то, что он избранник божий, ниспосланный для спасения России.

Вдобавок, по мнению врачей, в высшей степени нервная императрица страдала зачастую истерически

нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутин применял в это время силу своего внушения и облегчал ее страдания. И только в этом заключался секрет его влияния. Явление чисто патологическое и больше ничего. Мне помнится, что я говорил по этому поводу с бывшим тогда председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным [8], который прямо сказал мне: «C'est une question clinique». *

Тем отвратительнее было мне всегда слышать разные грязные инсинуации и рассказы о каких-то интимных отношениях Распутина к царице. Да будет грешно и позорно не только тем, кто это говорил, но и тем, кто смел тому верить. Безупречная семейная жизнь царской четы совершенно очевидна, а тем, кому, как мне, довелось ознакомиться с их интимной перепиской во время войны, и документально доказана. Но тем не менее Григорий Распутин был настоящим оракулом императрицы Александры Феодоровны, и его мнение было для нее законом. С другой стороны, императрица Александра Феодоровна, как натура исключительно волевая, даже деспотическая, имела неограниченное, подавляющее влияние на своего, лишенного всякого признака воли и характера, августейшего супруга. Она сумела и его расположить к Распутину и внушить ему доверие, хотя я положительно утверждаю на основании личного опыта, что в тайниках души императора Николая II до последних дней его царствования все же шевелилось мучительное сомнение. Но, тем не менее, Распутин имел беспрепятственный доступ к царю и влияние на него.

Мне говорил следующее мой товарищ по Пажескому корпусу и личный друг, тогда дворцовый комендант, генерал-ад'ютант В. Н. Дедюлин. [9] «Я избегал постоянно знакомства с Григорием Распутиным, даже уклонялся от него, потому что этот грязный мужик был мне органически противен. Однажды после обеда государь меня спросил: «Почему вы, В. Н., упорно избегаете встречи и знакомства с Григорием Ефимычем?». Я чистосердечно ему ответил, что он мне в высшей степени

* Это клинический вопрос.

антипатичен, что его репутация далеко нечистоплотная, и что мне, как верноподданному, больно видеть близость этого проходимца к священной особе моего государя. «Напрасно вы так думаете, — ответил мне государь, — он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно».

Вот какое влияние через императрицу имел Распутин на императора Николая II. Удивляться поэтому, что всякие честолюбцы, карьеристы и разные темные аферисты окружали толпою Распутина, видя в нем доступное орудие для проведения личных корыстных целей, — нечего. И в этом обстоятельстве заключалась затруднительность государственной власти, обязанной свято хранить и блюсти неприкосновенность ореола и престижа власти верховной. Не надо забывать приэтом, что в кружке Распутина были весьма влиятельные сановники, как, например: Штюрмер [10], обер-прокурор св. синода Саблер ,[11] митрополит Питирим [12] и др.

Как я уже сказал, разговоры о похождениях Распутина перешли на страницы печати. Толки эти пока концентрировались в столичной прессе, а провинция еще не ознакомились с ними, и время упущено не было. Разгоревшийся пожар возможно было легко потушить. Но, вместо того, чтобы понять весь ужас создавшегося положения, чреватого самыми мрачными последствиями, вместо того, чтобы, дружно сплотившись, в корне пресечь возраставшую вокруг царского престола грозную опасность, в размерах и значении которой император и императрица, очевидно, не отдавали себе отчета, — высшие государственные чины разделились на два враждебных лагеря — распутинцев и антираспутинцев. К сожалению, была и третья группа сановников — нейтральная, которая хотя и понимала положение и скорбела искренно о нем, но, имея возможность противостоять беде, из малодушия, а может быть, и личных расчетов, — упорно безмолвствовала, не противясь злу. К группе, которая открыто держала сторону Распутина, надо отнести: обер-прокурора св. синода В. К. Саблера, его товарища Даманского, законоучителя царских

детей, протоиерея Васильева,[13] генерала Воейкова,[14] митрополита Питирима, гофмейстера Танеева,[15] его дочь, Вырубову,[16] Б. В. Штюрмера и многих им подобных. Во главе второй группы стоял до своей смерти П. А. Столыпин,[17] со своими сотоварищами-министрами, митрополит петербургский Антоний,[18] сознавшие свои ошибки епископы Гермоген и Феофан и многие другие. Ясно, что такое деление высших сановных лиц только облегчало действие распутинских сторонников. Пользуясь его влиянием, последние просто устраняли своих противников интригою и происками, очищая последовательно все препятствия на своем пути, усиливая этим значение и удельный вес своего предстателя. Нельзя забывать приэтом, что постепенное возвышение и успех в своих начинаниях сторонников Распутина создавали соблазн для инако верующих, и случаи перебежки из антираспутинского лагеря в распутинский стали учащаться. Даже в нейтральной группе чувствовалось колебание... Но, несомненно, что если бы высшие слои русского общества дружно сплотились и верховная власть встретила серьезное, упорное сопротивление ненормальному положению вещей, если бы верховная власть увидала ясно, что мнение о Распутине одинаковое у всех, что ей не на кого опираться, — то от Распутина и его клики не осталось бы и следа. Если бы все без исключения болели душой за нарастающую угрозу монарху, даже монархии, и глубокий патриотизм, а не личный эгоизм был бы их политическим символом веры, то не было бы двух мнений, двух лагерей, один из которых верховная власть могла взять себе для опоры, пренебрегая неразумно другим, антираспутинским, искренно преданным царю и России. Распутинцы положили вместе с крайне правыми течениями начало русской революции, отчуждая царя от народа и допуская умаление ореола царского престола. Император Николай II, видя раскол мнений среди людей, его окружающих, находясь под влиянием своей августейшей супруги и не чувствуя иной опоры себе, не мог по существу своему избрать иной путь на почве антитезы распутинству. Вот почему я и позволил себе определенно утверждать, что вина за начавшуюся разруху не

может быть отнесена исключительно на ответственность императора Николая II, но всею тяжестью должна лежать на той части правящих классов, которая, одержимая исключительно честолюбием, карьеризмом и преследованием личных выгод, ослепленная этими побуждениями, забыла про громадную опасность для царя и России.

Как только Распутин почувствовал под собой твердую почву, он стал постепенно изменять свою тактику из пассивной в агрессивную и наглел с каждым днем, не видя препон своим изуверским выходкам. Тем не менее, надо удивляться, как быстро Распутин приобрел последователей и учеников среди общества. Последних он имел значительный круг и преимущественно женщин, которые льнули к нему, как мухи к меду.

Вот что мне рассказывали про силу внушения, которою обладал Распутин. Одна дама, наслышавшись в провинции про влияние Распутина при Дворе, решила поехать в Петроград хлопотать через него о повышении по службе своего горячо любимого мужа. Эта дама была счастливой и образцовой семьянинкой. Приехав в Петербург, она добилась приема у Распутина, но тот, выслушав ее, сурово и властно сказал ей: «Хорошо, я похлопочу, но завтра явись ко мне в открытом платье, с голыми плечами. Да иначе ко мне и не езди», причем пронизывал ее глазами, позволяя себе много лишнего в обращении. Дама эта, возмущенная словами и обращением Распутина, покинула его с твердым намерением прекратить свои домогательства. Но, вернувшись домой, она стала чувствовать в себе непреоборимую тоску, сознавала, что она что-то непременно должна выполнить, и на другой день добыла платье декольте и в назначенный час была в нем у Распутина. Муж ее повышение получил впоследствии. Этот рассказ документально точен.

Легко себе представить, какое отталкивающее впечатление производила эта женско-распутинская вакханалия на окружающую этих лиц прислугу, для которой не существует альковных тайн, да и вообще на простолюдинов. Какое в них должно было подниматься презрение к «господам», предающимся цинично позорному

разврату? Какими же соображениями религии и искания высшей правды можно это оправдать? Ясно было всем, что только самые низменные цели руководили искателями покровительства Распутина и ничего другого. Характерно то, что на серых людей, обслуживающих прихоти этого развратника: извозчиков, возивших его с женщинами в баню, банщиков, отводивших ему банные номера, половых в трактирах, служивших ему во время его пьяных оргий, городовых и агентов тайной полиции, охранявших драгоценную его жизнь и мерзнувших ночами на улицах для этой цели, и т. д., — Распутин вовсе не импонировал своей святостью, ибо вся повседневная, видимая его жизнь говорила совсем о другом. Их суждения сводились к выражению: «господа балуются». Но ведь Распутин находился в приближении и под покровительством высочайших особ. Какие же делались отсюда выводы — судите сами.

Развертывающаяся безнравственность и цинизм Распутина открыли, наконец, глаза его первородному покровителю епископу Феофану на то, что такое в сущности его детище. Епископ стал к нему в открытую оппозицию, старался убедить молодую царицу, что мнимый праведный старец не заслуживает того внимания и почета, которые ему оказываются, что присутствие его компрометирует Двор и что он должен быть удален, — но было уже поздно. Недостойный старец оказался сильнее праведного святителя. Борьба оказалась неравная. Епископ Феофан был довольно быстро отрешен от звания царского духовника и от ректорства петербургской Духовной академии и был переведен на епископскую кафедру в таврической епархии в Симферополе.

Распутин победил и, почувствовав легкость своей победы, сознав окончательно силу своего влияния, стал сначала истреблять лиц, не поклонявшихся ему при высочайшем Дворе, а засим перенес этого рода деятельность в ряды высших духовных иерархов, а позднее обратил свое внимание и на высших государственных деятелей и сановников. Судьбу епископа Феофана разделил и другой покровитель его, епископ Гермоген, тоже, наконец, убедившийся в мнимой святости реко-

мендованного им сгоряча старца, но удаление или, вернее, падение преосвященного Гермогена сопровождалось уже общественным скандалом. Преосвященный Гермоген, не имевший доступа ко Двору, решил повести дело иным образом. Убедившись в безнравственности Распутина и огромной опасности для царской семьи, которая грозила ей от близости этого проходимца, он вызвал последнего к себе и, в присутствии иеромонаха Илиодора, войскового старшины Родионова (автора небезызвестной книги «Наше преступление»), келейника епископа и странника Мити,[19] — стал обличать все его грязные дела и увещевать его, убеждая добровольно покаяться и уйти от царского дома.

«Ты обманщик и лицемер, — говорил епископ Гермоген Распутину (рассказ привожу со слов Родионова), — ты изображаешь из себя святого старца, а жизнь твоя нечестива и грязна. Ты меня обошел, а теперь я вижу, какой ты есть на самом деле, и вижу, что на мне лежит грех — приближения тебя к царской семье. Ты позоришь ее своим присутствием, своим поведением и своими рассказами, ты порочишь имя царицы, ты осмеливаешься своими недостойными руками прикасаться к ее священной особе. Этого нельзя терпеть дальше. Я заклинаю тебя именем бога живого исчезнуть и не волновать русский люд своим присутствием при царском Дворе».

Распутин дерзко и нагло возражал негодующему епископу. Произошла бурная сцена, во время которой Распутин, обозвав площадными словами преосвященного, наотрез отказался подчиниться требованию епископа и пригрозил ему, что разделается с ним по-своему и раздавит его. Тогда, выведенный из себя, епископ Гермоген воскликнул: «Так ты, грязный развратник, не хочешь подчиниться епископскому велению, ты еще мне грозишь! Так знай, что я, как епископ, проклинаю тебя!» При этих словах осатаневший Распутин бросился с поднятыми кулаками на владыку, причем, как рассказывал Родионов, в его лице исчезло все человеческое. Опасаясь, что в припадке ненависти Распутин покончит с владыкой, Родионов, выхватив шашку, поспешил с остальными присутствующими на

выручку. С трудом удалось оттащить безумного от владыки, и Распутин, обладавший большой физической силой, вырвался и бросился наутек. Его, однако, нагнали Илиодор, келейник и странник Митя и порядочно помяли. Все же Распутин вырвался и выскочил на улицу со словами: «Ну, погоди же ты, будешь меня помнить», что он и исполнил с точностью, воспользовавшись следующими привходящими обстоятельствами.

Мне рассказывал епископ, член синода, что в одном из секретных заседаний синода обер-прокурор Саблер, один из наиболее влиятельных сторонников Распутина, предложил синоду рукоположить Распутина в иереи. Св. синод с горячим негодованием отверг это предложение, и, несмотря на настояние Саблера, указывавшего на высокий источник этого предложения, склонить ему на свою сторону синод не удалось. Приэтом епископ Гермоген произнес в заседании громовую речь, изобличая всю грязную жизнь и деятельность мнимого святого старца. Конечно, Распутину это стало известно через Саблера.

К тому же времени относятся следующие обстоятельства. Великая княгиня Елизавета Феодоровна,[20] сестра императрицы, возбудила ходатайство об учреждении первых веков христианства общества дьяконисс. Эти общины полумонашеские имели в древние времена целью молитвенные собрания, устройство общежитий с приютами при них, устройство приютов для детей и богаделен, а также уход за больными и калеками. Дело это было на рассмотрении синода приблизительно одновременно с инцидентом по вопросу о рукоположении Распутина в иереи. В заседании синода по этому вопросу возникли ожесточенные прения. Душою оппозиции ходатайству великой княгини оказался тот же Гермоген. Возражая по существу ходатайства, он доказывал, что учреждение общин дьяконисс противоречило бы каноническим правилам, ибо такие общины первых веков христианства были уничтожены постановлением одного из вселенских соборов.

Одновременно с предложением великой княгини Саблер, видя, что синод неумолим в вопросе о рукоположении Распутина, придумал новую комбинацию.

Он предложил возвести в сан епископа викарного каргопольского некоего архимандрита Варнаву[21], сторонника Саблера и Распутина, малообразованного монаха, бывшего до пострижения своего простым огородником. Саблер рассчитывал, что этот послушный обер-прокурору епископ исполнит его волю и рукоположит Распутина в священнический сан. Надо отдать справедливость синоду: он и против этого восстал единодушно и ответил отказом. Но Саблер не смутился. Он об'яснил иерархам, что лично он тут не при чем и что это — воля лиц, повыше его стоявших, и синод заколебался. Первоприсутствующий в синоде петербургский митрополит Антоний был так потрясен этой интригой, что после заседания слег в постель и проболел всю зиму, не принимая участия в заседаниях синода. В конце концов, Саблер уломал-таки большинство членов синода: под председательством епископа Сергия финляндского,[22] который замещал митрополита Антония, вопрос о возведении Варнавы в епископы был разрешен большинством голосов в утвердительном смысле. Епископ Гермоген остался верен себе; он не унимался, громя и обер-прокурора и малодушных членов синода и, наконец, вызывающе покинул заседание, заявив, что не желает принимать никакого участия в этом нечестивом деле и грозя участникам постановления церковной анафемой за отсутствие в них ревности к достоинству православной церкви. По странной игре судьбы все эти интриги совпали по времени. Результат обличительной речи епископа Гермогена был совсем неожиданный: последовало высочайшее повеление, безотлагательно приказывавшее ему вернуться в свою епархию с исключением из числа членов синода. Одновременно был выслан из столицы и иеромонах Илиодор, бывший совершенно не при чем в решении синода. Этот остракизм в отношении двух ярых врагов старца ясно показывает, кто руководил этим действием и кто мстил и устранял со своего пути противников.

Распутин с образовавшимся уже тогда кружком начал проявлять себя. Однако, строптивый владыка Гермоген отказался подчиниться постигшей его опале. Он написал государю горячее искреннее письмо, умоляя

его вырвать выросшие вокруг трона плевелы, доказывая силою неопровержимых доводов все малодушие синода и всю кривду возникшего гнусного дела. Всей мощью своего красноречия он молил императора поберечь себя, наследника и всю царскую семью от того ужасного вреда, который им приносится, требовал суда епископов над собой, который только и может по каноническим правилам отстранить его от участия в синоде. Письмо это осталось без ответа, но обер-прокурор Саблер уведомил епископа Гермогена, что за ослушание царскому приказу он ссылается на покой в Жировецкий монастырь и, если не уйдет туда добровольно, то будет выслан силой. Владыка серьезно заболел, но оправившись, смирился, подчинился приказу и добровольно отправился в ссылку.

Иеромонах Илиодор, однако, иначе использовал свою высылку, подняв по этому поводу шумиху вокруг своего имени. Он помещал, где мог, откровенные интервью, прямо указывая на Распутина, как на инициатора и вдохновителя всего происшедшего. Затем он таинственно исчез, отправившись в Саратов пешком. Корреспонденты гнались за ним по пятам, описывая это путешествие, превратившееся, таким образом, в триумфальное шествие. В конце концов, Илиодор был арестован и водворен в предназначенное ему место ссылки. Общественный скандал получился изрядный. Выражения сочувствий летели к епископу Гермогену со всех сторон, и возмущение было всеобщее. Я помню хорошо, как член Г. Думы В. М. Пуришкевич [23] в то время пришел ко мне в кабинет в возбужденном состоянии и с ужасом и тоской в голосе говорил мне: «Куда мы идем? Последний оплот наш стараются разрушить — св. православную церковь. Была революция, посягавшая на верховную власть, хотели поколебать ее авторитет и опрокинуть ее, — но это не удалось. Армия оказалась верной долгу, — и ее явно пропагандируют. В довершение темные силы взялись за последнюю надежду России, за церковь. И ужаснее всего то, что это как бы исходит с высоты престола царского. Какой-то проходимец, хлыст, грязный неграмотный мужик играет святителями нашими. В какую пропасть нас ведут?

Боже мой! Я хочу пожертвовать собой и убить эту гадину, Распутина»... А ведь Пуришкевич принадлежал к крайне правому крылу Думы. Но он был честный, убежденный человек, чуждый карьеризма и искательства, и горячий патриот. Насилу удалось мне успокоить взволнованного депутата, убедив его, что не все пропало, что Дума еще может сказать свое слово и, быть может, верховная власть внемлет голосу народных избранников.

Характерно приэтом, что император Николай II лично ничего не имел против сосланного владыки. Последний, по прибытии на свое новое местожительство, прислал ко мне своего секретаря с письмом, в котором призывал меня к исполнению моего долга в том отношении, чтобы я раскрыл всю правду царю и со своей стороны предостерег его величество от надвигающейся опасности.

В одном из ближайших моих всеподданнейших докладов я доложил всю подноготную инцидента в св. синоде и просил смягчить участь невинно пострадавшего владыки. Государь ответил мне буквально следующее: «Я ничего не имею против епископа Гермогена. Считаю его честным, правдивым архипастырем и прямодушным человеком, способным стойко и бесстрашно отстаивать правду и непоколебимым в служении истине и достоинству православной церкви. Он будет скоро возвращен. Но я не мог не подвергнуть его наказанию, так как он открыто отказался подчиниться моему повелению».

Но прощения все же не последовало. Вероятно, иные воздействия оказались сильнее и поколебали слабую волю императора.

Для расследования дела Илиодора государем был послан в Царицын флигель-ад'ютант Мандрыка.[24] Попутно он узнал многое и о преступной деятельности Распутина. Вернувшись в Петербург, Мандрыка, как честный человек, решил довести обо всем до сведения государя и в присутствии императрицы, сильно волнуясь (он так волновался, что ему сделалось дурно, и государь сам приносил ему стакан воды), рассказал, что он узнал о хлыстовской деятельности Распутина в Цари-

цыне. Это подтверждает, что в сущности государь не был в неведении относительно Распутина.

Общественная совесть была возмущена и требовала правды. В печати появились мельчайшие подробности этого дела. Газеты платили большие штрафы в цензуру, но все же статьи свои помещали. И в самом деле, с какой бы стороны ни подходить к этому делу, правда все же останется на стороне Гермогена. Какое преступление совершил он в сущности, что навлек столь жестокую кару? Как человек без страха и упрека, он считал долгом высказаться прямо и честно; согласно велению своей пастырской совести он, смело и не боясь никаких возмездий, боролся за правое дело, отстаивая высокое достоинство церкви. Где же состав его преступления? И все же он пал в угоду низких проходимцев.

Вот какое могучее влияние уже тогда, в конце 1911 г., имел Распутин и его кружок. Могло ли русское общество оставаться спокойным, равнодушным зрителем происходящего? Но кто же боролся против развивающегося зла?

II

П. А. Столыпин о Распутине. — Инцидент с нянюшкой царских детей. — Опала петербургского митрополита Антония. — Запрос о Распутине в Г. Думе. — Разговор с вдовствующей императрицей о Распутине.

Возвращаясь несколько назад, а именно к 1908 — 1910 гг., я должен сказать, что председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин уже тогда был не мало озабочен неожиданным и последовательно упорным возрастанием значения и влияния Распутина при императорском Дворе. На той же точке зрения стояли и обер-прокуроры св. синода за время премьерства Столыпина — П. П. Извольский [25] и Лукьянов. [26] Столыпин неоднократно указывал императору Николаю II на гибельные последствия, могущие произойти от близости к царской чете несомненного сектанта. Но Распутин в период 1905 — 1909 гг. держал себя сравнительно в тени, подготовляя себе твердую почву медленно и методично. Чувствуя все возрастающую свою силу, этот изувер мало-по-малу распоясы-

вается. Похождения эротического характера делаются все наглее и отвратительнее, число его жертв все увеличивается и захватывается им все больший круг последователей и поклонниц. В виду такого обстоятельства тогдашний обер-прокурор св. синода Лукьянов совместно с председателем Совета министров П. А. Столыпиным предприняли обследование документальных данных, имевшихся в наличности о Распутине, чтобы пролить свет на загадочную и неясную еще тогда личность этого проходимца. Истина не замедлила вылиться во всем своем неприглядном виде. Имея в своем распоряжении все секретные дела архива синода, обер-прокурору Лукьянову было легко приступить к расшифровке личности «великого старца». Документы, на основании которых это обследование производилось, были впоследствии в моем обозрении и изучении. Результаты обследования оказались довольно убедительными, и на основании этого обильного следственного материала председателем Совета министров П. А. Столыпиным был составлен исчерпывающий всеподданнейший доклад, приведший, однако, к совершенно неожиданному результату. Император Николай II внимательно выслушал доклад премьера, не принял, однако, по нему определенного решения, но поручил Столыпину вызвать к себе Распутина и лично убедиться в том, каков он есть человек. Об этом повороте дела мне лично говорил при моем докладе о том же деле государь император Николай II. От самого Столыпина я слышал, что он действительно вызывал к себе Распутина. Последний немедленно, войдя в кабинет министра, стал испытывать над ним силу своего гипнотического свойства: «Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, — говорил Столыпин, — произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из священного писания, как-то необычайно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей против меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза, и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него и, сказав ему прямо, что, на

основании документальных данных, он у меня в руках, и я могу его раздавить в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах, в виду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург и вернуться в свое село и больше сюда не появляться».

Это было в начале 1911 года. Премьер оказался сильнее гипнотизера, который понял, что дело грозило принять очень невыгодный для него оборот, и, действительно, очень быстро и неожиданно исчез с петербургского горизонта и долгое время на нем не появлялся. Но надо приэтом заметить, что если на такого железной воли человека, каким был по существу своему Столыпин, Григорий Распутин все же оказывал скрытой в нем силой гипноза известное влияние, то какой же силы влияние могло быть на натурах, менее крепких нервами и самообладанием?

Однако, несмотря на кажущееся безмолвное согласие государя на изгнание Распутина по настоянию Столыпина, дело приняло несколько иной оборот. В скором времени после от'езда «старца» в родное село, следом за ним отправилась одна из приближенных к императрице Александре Феодоровне дам, А. А. Вырубова, и с нею он вернулся, но не в Петербург, а в Киев, куда прибыла царская семья на торжества введения земских учреждений в юго-западном крае. Надо приэтом помнить, что положение Столыпина сильно поколебалось в это время при Дворе. Закон о введении земства в юго-западном крае, принятый в Г. Думе, был отклонен в Г. Совете. П. А. Столыпин заявил государю императору, что он выходит в отставку. Но состоялся компромисс, в силу которого законодательные палаты были распущены на три дня, и в это время закон о введении земства в юго-западном крае был обнародован по 87 ст., в точной редакции принятого Г. Думой законопроекта, и П. А. Столыпин взял свою отставку обратно. Негодованию членов Г. Совета не было границ, но и в придворных кругах поднялась по этому поводу сильная агитация против председателя Совета министров.

Много было толков в обществе о том, что уже сформировавшийся тогда кружок Распутина принимал в

этой кампании деятельное участие. Как бы то ни было, но факт поездки Вырубовой в с. Покровское, очевидно, за Распутиным, до некоторой степени подтверждал эти разговоры. Определенно уже говорилось тогда, что Распутин успел убедить царскую чету в том, что, пока он при ней в наличности, никакого несчастья ни с ней, ни в особенности с наследником цесаревичем случиться не может. Императрица Александра Феодоровна, души не чаявшая в своем сыне, дрожавшая за него постоянно, в силу своего мистического настроения вполне подчинилась этим внушениям ловкого гипнотизера. Ей казалось, что она обязана принимать все меры, не брезгать ничем, лишь бы оберечь и охранить своего обожаемого сына. Поэтому в ее мировоззрении, естественно, сложилось твердое убеждение, что Распутин должен находиться неотлучно при царской семье и в Киеве, где предстоял ряд торжеств и многочисленные появления царской четы среди народа. Во всяком случае, Распутин был привезен Вырубовой в Киев, а затем отправился вслед за императорской фамилией в Крым, в Ливадию, где жил в Ялте в гостинице «Эдинбург», но под именем Никонова. Когда это обстоятельство дошло до сведения тогдашнего градоначальника города Ялты генерала Думбадзе,[27] этот честный человек немедленно выслал Никонова (Распутина) из Ялты административным порядком, не считаясь с опасностью для своей карьеры. По возвращении царской семьи в Петербург Распутин был уже там и вновь занял прежнюю позицию при Дворе.

Таким образом, кажущаяся победа Столыпина и обер-прокурора Лукьянова была лишь временной им уступкой, и все вошло в прежнюю колею. В Киеве во время торжеств Столыпин был предательски убит во время парадного спектакля, и на его место был назначен Коковцов.[28] Лукьянов понял, что ему без Столыпина не сохранить своего поста, вышел в отставку и был заменен В. К. Саблером, убежденным сторонником Распутина, при котором уже и разыгрались все, описанные мною выше, инциденты в синоде, окончившиеся опалой еп. Гермогена и Илиодора.

Последовательные политические победы все более и более окрыляли Распутина, и он закусил удила.

Стало известно, что он соблазнил нянюшку царских детей, воспитанницу императорского воспитательного дома. Мне известно, что в этом она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре была об'явлена ненормальной, нервно-больной, и ее отправили для излечения на Кавказ. Побывав у лечившегося там митрополита Антония, она чистосердечно призналась ему в своем грехе и обрисовала во всех подробностях преступную деятельность Распутина в царском дворце, умоляя владыку митрополита спасти из когтей этого «чорта» наследника цесаревича.

Вернувшись в начале 1911 года в Петербург, митрополит Антоний, испросив всеподданнейший доклад, подробно доложил императору о всем ему известном. Государь с неудовольствием возразил ему, что эти дела его, митрополита, не касаются, так как эти дела его — семейные. Митрополит имел твердость ответить: «Нет, государь, это не семейное дело только, но дело всей России. Наследник цесаревич не только ваш сын, но наш будущий повелитель и принадлежит всей России». Когда же царь вновь остановил владыку, сказав, что он не позволит, чтобы кто-либо касался того, что происходит в его дворце, митрополит, волнуясь, ответил: «Слушаю, государь, но да позволено будет мне думать, что русский царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных».

Государь сухо отпустил митрополита, с которым вскоре после этого сделался нервный удар, от которого он уже не оправился.

Очевидно, влияние Распутина крепло, а число его апологетов росло. К нему уже начали обращаться за помощью и покровительством со всех сторон. У него завелось несколько секретарей, он, как высокопоставленное лицо, имел приемные часы и сделался даже

малодоступным. Явиться перед его ясные очи сделалось уже делом довольно сложным: записывались в очередь и все же шли со всякого рода возможными и невозможными просьбами в полном убеждении, что «всемогущий» старец все сделает. Повидимому, и Распутин убедил себя в том же. По крайней мере, еще председатель Совета Министров П. А. Столыпин, а впоследствии и другие высшие должностные лица стали получать от него безграмотно написанные записки в довольно императивной редакции, на «ты»: «помоги такому-то» или «сделай то, что просит такой-то», «я его знаю, он хороший человек».

К сожалению, надо сказать, что отказ эти домогательства встречали редко. Лично я один раз тоже получил такую записку, но, конечно, ничего не сделал по ней, и после принятых мною довольно суровых и решительных мер этого больше не повторялось. Просители, видя, что заступничество Распутина помогает, рассказывали о нем другим, и слава его росла. Приезжали даже специально из далекой провинции ходатайствовать о помощи пресловутого Григория Ефимовича.

Итак, безграмотный, безнравственный, развратный мужик, сектант, человек порочный, явился как бы в роли всесильного временщика, которого к сожалению часть общества поддерживала и окружила организованным кружком. Что хорошего могло сулить России такое мрачное явление? Как назвать психологию тех, кто являлись апологетами «старца», как не низкопробным карьеризмом, сервилизмом низкой марки, корыстью и преследованием узких личных выгод? Этим людям не было дела до величия и ореола верховной власти, основы которой явно ими колебались. Им не было никакого дела и до России.

В это время в силу исключительного положения, занятого Распутиным, вокруг него стали образовываться темные деловые кружки сомнительного финансового свойства, чаявшие через влиятельного «старца» втихомолку обделать свои делишки, и было фактически известно, что своих целей эти люди достигали. Г. Дума, конечно, не могла остаться в стороне от всех толков о значении для государства создавшегося соблазна.

Среди членов Думы царило немалое беспокойство. Но Г. Дума была в известной степени бессильна что-либо предпринять для успокоения общества по самому существу круга своей деятельности. Наконец, члены Думы донельзя опасались гласного признания с думской кафедры, что проходимец и хлыст является как бы в исключительной роли царского советника и взял такую силу, что целое законодательное учреждение оказалось вынужденным вступить с ним в борьбу. К прискорбию, однако, избежать этого не удалось. Воздерживаясь до поры до времени от вмешательства в дело Распутина, члены Г. Думы, тем не менее, не могли не быть озабочены все возрастающим его влиянием.

Если бы дело ограничивалось исключительно увлечением императрицы Александры Феодоровны воображаемым даром пророчества этого человека и гипнотической его силой, облегчавшей ее нервное страдание и умерявшей ее страхи и опасения за свою семью, в особенности за жизнь наследника, — то, конечно, это особой тревоги возбудить бы не могло. Но Распутин, завладев неограниченным доверием царской семьи, организовал (или вокруг него был другими организован) плотно спаянный кружок единомышленников, который сначала преследовал личные цели, а засим мало-по-малу стал вмешиваться сначала в церковные, а затем весьма основательно и в государственные дела, устраняя популярных деятелей и заменяя их своими ставленниками. Наконец, подрастал наследник престола. Всем было известно, что Распутин вмешивается в интимные семейные дела царской семьи, и, не без основания, являлось опасение, что постоянная проповедь сектантства может оказать влияние на впечатлительную детскую душу и что этой проповедью наследник престола может быть совращен из лона православной церкви, а фанатическая проповедь изувера мало-по-малу привьет его миросозерцанию вредный мистицизм и может сделать из него в будущем нервного и неуравновешенного человека. Наконец, близость к царскому престолу заведомо безнравственного и развратного, безграмотного мужика, слава о безобразных похождениях которого гремела,

очевидно, способна была в корне подорвать высокое чувство уважения и почитания верховной власти. Были темные слухи о том, что именно это и входило в план вдохновителей распутинского кружка, причем дело, якобы, не обходилось без зарубежных влияний из других стран. По крайней мере, когда я собирал материал для предстоящего мне всеподданнейшего доклада, я имел в своем распоряжении вырезки из иностранных газет. В них говорилось, что на масонском с'езде в Брюсселе, кажется, в 1909 или 1910 г., проводилась мысль, что Распутин удобное орудие для проведения в России лозунгов партии и что под разлагающим его влиянием династия не продержится более двух лет. Видя и оценивая общее настроение, я понял, что председателю Г. Думы не избежать подробного доклада государю о нарастающих общественных настроениях. События, однако, развернулись быстрее, чем я думал.

Когда в конце 1910 года разыгралось нашумевшее по всей России дело епископа Гермогена и Илиодора, приват-доцент Московской Духовной академии Новоселов, специалист по делам сектантства, выпустил в свет брошюру, в которой он, шаг за шагом следя за деятельностью Распутина, документально изобличает его в хлыстовстве. Новоселов резко обвинял в своем труде высшую церковную иерархию в попустительстве сектантству. Брошюра эта была немедленно из'ята из продажи, конфискована, и за выдержки из нее в горячей статье того же автора, помещенной им в газете «Голос Москвы», [29] газета заплатила большой штраф, и номер был полицией конфискован. Эти репрессии имели, однако, обратное действие: брошюра Новоселова и номер газеты в уцелевших экземплярах стали покупаться за баснословные деньги, а в газетах всех направлений появлялись статьи о Распутине и незаконной конфискации брошюры; печатались во всеобщее сведение письма его бывших жертв, прилагались фотографии, где он изображен в кругу своих последователей. И чем больше усердствовала цензура и полиция, тем более писали и платили штрафы. Дело епископа Гермогена не могло не возбудить волнения среди членов Г. Думы, а появившаяся брошюра Новоселова и начавшаяся газетная

кампания только подлили масла в огонь. В виду таких обстоятельств я решил безотлагательно испросить всеподданнейший доклад. Но совершенно неожиданно для меня, без предварительных со мной переговоров некоторыми членами Думы был пред'явлен запрос по поводу незакономерных действий предержащих властей по конфискации брошюры Новоселова и номера газеты «Голос Москвы».

На основании наказа Г. Думы я не имел права не поставить на обсуждение запрос, внесенный в порядке спешности. Но так как можно было ожидать и по поводу обсуждения спешности его большого скандала в Думе, я предварительно собрал лидеров отдельных думских фракций. Я старался убедить первого, подписавшего запрос, А. И. Гучкова,[80] обождать с запросом в целях охраны верховной власти от страстного осуждения во время прений. Мне казалось, что еще не настало время выносить все мрачные явления на суд общества и страны, что подобное широкое предание дела всеобщей гласности преждевременно. Я находил, что было бы целесообразнее и осторожнее, имея в руках обильный материал, попытаться путем доклада председателя Г. Думы ясно показать государю императору всю опасность для него же развертывающихся событий и добиться удаления совсем от Двора вредного лжеучителя.

А. И. Гучков возразил на это, что общее настроение донельзя повышенное и задержка запроса умеренных партий повлечет к тому, что таковой будет пред'явлен социалистами, которые не поскупятся внести такие мотивы, которые не разрядят, но еще сгустят атмосферу. При пред'явлении же запроса центральными партиями можно достигнуть соглашения и скандала в Думе избежать. Гучков полагал, что путем запроса в настоящих обстоятельствах можно избежать обсуждения распутинства при рассмотрении сметы св. синода: сейчас прения могут ограничиться рамками дела еп. Гермогена и брошюры Новоселова, тогда как при обсуждении сметы св. синода прения развернутся во всю ширь. Мнение Гучкова одержало верх, и запрос по вопросу о спешности был поставлен на обсуждение.

Надо отдать справедливость Г. Думе, что все ее члены держали себя во время обсуждения запроса вполне корректно, и никакого скандала не произошло. Говорили по вопросу о спешности А. И. Гучков и В. Н. Львов[31]. Спешность запроса была принята единогласно.

Здесь не лишне упомянуть о том, как относилась государственная власть к создавшемуся положению.

Министром внутренних дел был тогда А. А. Макаров.[32] Когда пред'явлен был запрос по поводу конфискации брошюры Новоселова, я обратился к нему с письмом, в котором просил сделать распоряжение о присылке мне экземпляра брошюры, в виду необходимости изучить дело и знать, как вести прения. Макаров ответил, что у него брошюры Новоселова в распоряжении нет и что он, вообще, не видит надобности в ее распространении. Меня такое отношение взорвало, и я поехал к нему лично. Макаров, очевидно, не ожидал моего приезда. Когда я вошел к нему в кабинет, то к немалому моему удивлению увидел на его письменном столе несколько экземпляров брошюры Новоселова. Таким образом, и такой порядочный человек, как Макаров, был не чужд известной доли сервилизма во имя спасения Распутина. Произошла бурная сцена между нами, после чего я все же брошюру получил. Вот еще яркий пример, как силен был Распутин, если государственная власть считала необходимым его защищать вместо того, чтобы заниматься более важными государственными делами.

В сущности, запрос вынес целиком дело на суд общества. Статья в «Голосе Москвы», за которую номер был конфискован, приведенная полностью в тексте запроса, попала в стенографические отчеты и была напечатана поэтому во всех газетах. Вот что в статье этой говорилось: «В № 19 „Голоса Москвы“ было помещено письмо в редакцию под заглавием: „Голос православного мирянина“, за подписью редактора-издателя „Религиозно-Философской Библиотеки“ Михаила Новоселова следующего содержания: «„Quo usque tandem!“. Эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных людей по адресу хитрого заговорщика

против святыни церкви государственной, растлителя чувств и телес человеческих — Григория Распутина, дерзко прикрывающегося этой святыней — церковью. «Quo usque» — этими словами вынуждаются со скорбью и с горечью взывать к синоду чада русской церкви православной, видя страшное попустительство высшего церковного управления по отношению к названному Григорию Распутину. Долго ли, в самом деле, синод, перед лицом которого несколько лет уже разыгрывается эта преступная комедия, будет безмолвствовать и бездействовать? Почему безмолвствует и бездействует он, когда божеская заповедь блюсти стадо от волков, казалось, должна была с неотразимой силой сказаться в сердцах иерархов русских, призванных править словом истины?

«Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя? Почему молчат и стражи Израилевы, когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого лжеучителя — лжехлыстом, эротоманом, шарлатаном? Где его святейшество, если он по нерадению или малодушеству не блюдет чистоты веры церкви божией и попускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света? Где его правящая десница, если он пальцем не хочет шевельнуть, чтобы низвергнуть дерзкого растлителя и еретика из ограды церковной? Быть может, ему недостаточно известна деятельность Григория Распутина? В таком случае прошу прощения за негодующие дерзновенные слова и почтительнейше прошу меня вызвать в высшее церковное учреждение для представления данных, доказывающих истину моей оценки хлыстовского обольстителя».

Таким образом, появлением в печати брошюры Новоселова и запроса в Г. Думе по поводу ее конфискации, все разговоры, слухи и сведения о деятельности и значении при высочайшем Дворе Григория Распутина были поставлены на твердую почву документа, и уже ни в ком не могло быть сомнений в истине циркулирующих о нем слухов. Пред'явлением документального запроса в Г. Думе верховная власть была поставлена лицом к лицу с необходимостью решить безотлагательно во-

прос: быть или не быть Распутину? Всякому было ясно, что борьба распутинского кружка с Россией должна была разрешиться победой или поражением той или другой стороны. Силы, однако, были неравные. На стороне Распутина стояла волевая и властная императрица Александра Феодоровна, имевшая подавляющее влияние на своего августейшего супруга и поддерживаемая придворной камарильей, хорошо знавшей, чего она хочет. А в лагере противников царила нерешительность, опасение энергичным вмешательством разгневать верхи и отсутствовало об'единение, потому что не помнили главного — блага России.

Император Николай II колебался и искал таких обстоятельств, которые бы поставили его в положение, вынуждающее в силу вещей удалить Распутина. В этот период он еще смутно отдавал себе отчет о значении всех переживаемых событий, но склонялся перед более сильной волей своей августейшей супруги.

Таким образом, вся тяжесть борьбы легла на Г. Думу, и это обстоятельство подало повод в некоторых общественных кругах обвинить ее в революционных тенденциях; на самом же деле Дума боролась за неприкосновенность царского престижа.

После запроса в Думе председатель Совета Министров Коковцов был вызван к государю. Он мне говорил, что императрица Александра Феодоровна требовала непременно роспуска Думы. Если до запроса я колебался, ехать ли мне с докладом о Распутине или нет, то после запроса я уже бесповоротно решил, что поеду с докладом и будут говорить с государем о Распутине.

Я целый месяц собирал сведения; помогали Гучков, Бадмаев [33], Родионов, гр. Сумароков [34], у которого был агент, сообщавший сведения из-за границы. Через кн. Юсупова же мы знали о том, что происходит во дворце. Бадмаев сообщил о Гермогене и Илиодоре в связи с Распутиным. Родионов дал подлинник письма императрицы Александры Феодоровны к Распутину, которое Илиодор вырвал у него во время свалки, когда они со служкой били его в коридоре у Гермогена. Он

же показывал и три письма великих княжен: Ольги, Татьяны и Марии.

В феврале 1912 года кн. Юсупов сказал мне, что императрица Мария Феодоровна очень взволнована тем, что ей пришлось слышать о Распутине, и что, по его мнению, следовало бы мне поехать ей все доложить.

Вскоре после того ко мне явился генерал Озеров, состоявший при императрице Марии Феодоровне [85], по ее поручению.

Он говорил, что императрица Мария Феодоровна желала бы меня видеть и все от меня узнать. Императрица призвала кн. Юсупова и у него расспрашивала, как он думает, какой я человек и может ли председатель Думы ей все откровенно сказать. Кн. Юсупов ответил: «Это единственный человек, хорошо осведомленный, на которого вполне можно положиться, он вам скажет лишь святую правду».

Вся царская фамилия с трепетом ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутине, и какое впечатление произведет мой доклад. В. к. Ольга Александровна [86] говорила кн. В. М. Волконскому [87], что она очень надеется, что председатель Думы будет говорить с государем.

За несколько дней до моего доклада позвонил телефон, и мне сообщили, что императрица Мария Феодоровна ждет меня на другой день в одиннадцать часов утра. Я взял с собой все материалы и поехал. Немедленно был введен в ее маленький кабинет, где она уже ожидала. Императрица обратилась ко мне со словами:

— Не правда ли, вы предупреждены о мотиве нашего свидания? Прежде всего, я хочу, чтобы вы об'яснили мне причины и смысл запроса. Не правда ли, в сущности цель была революционная, почему же вы тогда этого не остановили? *.

Я ей об'яснил, что хотя я сам был против запроса, но что я категорически должен отвергнуть, будто тут была какая-нибудь революционная цель. Напротив, это

---

* Разговор передается в переводе с французского, на котором происходил.

было необходимо для успокоения умов. Толки слишком далеко зашли, а меры правительства только увеличивали возмущение.

Она пожелала тогда осмотреть все документы, которые у меня были. Я ей прочел выдержки из брошюры Новоселова и рассказал все, что знал. Тут она мне сказала, что она только недавно узнала о всей этой истории. Она, конечно, слышала о существовании Распутина, но не придавала большого значения.

— Несколько дней тому назад одна особа мне рассказала все эти подробности, и я была совершенно огорошена. Это ужасно, это ужасно, — повторяла она.

«Я знаю, что есть письмо Илиодора к Гермогену (у меня действительно была копия этого обличительного письма) и письмо императрицы к этому ужасному человеку. Покажите мне», — сказала она.

Я сказал, что не могу этого сделать. Она сперва требовала непременно, но потом положила свою руку на мою и сказала:

— Не правда ли, вы его уничтожите?

— Да, ваше величество, я его уничтожу.

— Вы сделаете очень хорошо.

Это письмо и посейчас у меня: я вскоре узнал, что копии этого письма в извращенном виде ходят по рукам, тогда я счел нужным сохранить у себя подлинник.

Императрица сказала мне:

— Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине государю. Не делайте этого. К несчастью он вам не поверит, и к тому же это его сильно огорчит. Он так чист душой, что во зло не верит.

На это я ответил государыне, что я, к сожалению, не могу при докладе умолчать о таком важном деле. Я обязан говорить, обязан довести до сведения моего царя. Это дело слишком серьезное, и последствия могут быть слишком опасные.

— Разве это зашло так далеко?

— Государыня, это вопрос династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать. Я счастлив, ваше величество, что вы предоставили мне счастье видеть вас и вам говорить откровенно об этом деле. Вы меня видите крайне взволнованным мыслью об ответствен-

ности, которая на мне лежит. Я всеподданнейше позволяю себе просить вас дать мне ваше благословение.

Она посмотрела на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положив свою руку на мою:

— Господь да благословит вас.

Я уже уходил, когда она сделала несколько шагов и сказала:

— Но не делайте ему слишком больно.

Впоследствии я узнал от князя Юсупова, что после моего доклада государю императору императрица Мария Феодоровна поехала к государю и об'явила: «Или я, или Распутин», что она уедет, если Распутин будет здесь.

Когда я вернулся домой, ко мне приехал князь В. М. Волконский, кн. Ф. Ф. и З. Н. Юсуповы, и тут же князь мне сказал: «Мы отыгрались от большой интриги».

Оказывается, что в придворных кругах старались всячески помешать разговору императрицы М. Ф. со мной, и когда это не удалось, В. Н. Коковцов поехал к императрице Марии Феодоровне, чтобы через нее уговорить меня не докладывать государю. Между тем, у меня уже все было готово для доклада, и я просил меня принять.

III

Аудиенция по делу о Распутине. — Доклад о Распутине. — Документы о Распутине. — Разговор с царским духовником. — Отказ в аудиенции.

Я отлично отдавал себе отчет в том, что доклад председателя Г. Думы не даст достаточных результатов, ибо не даст той почвы государю, стоя твердо на которой он неопровержимо мог бы сказать: non possumus, отвергая всякую защиту развратного временщика. Надо было добиться коллективного доклада, дабы ясно было, что не одна Дума, а все слои общества видят глубину той пропасти, в которую ведет царя и Россию злой обманщик. Мне казалось, что соединенный доклад председателей Совета Министров, Г. Думы и первоприсутствующего в св. синоде митрополита достиг бы этой цели, доказав, что вся страна возмущается близостью

к престолу наглого проходимца и его влияния на ход государственных дел, что совесть народная не спокойна и этим смущена. К сожалению, попытка моя в этом направлении не имела успеха. По тем или иным причинам указанные мною лица уклонились от совместного со мной доклада. Пришлось ехать одному и взять всю ответственность за последствия на себя.

26 февраля государь назначил мне явиться в шесть часов вечера. Утром в этот день я ездил с женой в Казанский собор и служил молебен. Доклад мой продолжался в кабинете государя около двух часов. Сперва я доложил текущие дела, коснулся положения артиллерийского ведомства под управлением в. к. Сергея Михайловича [38] и сомнительной безопасности Кавказа под сомнительным управлением графа Воронцова-Дашкова [39], а потом перешел к главному.

— Ваше величество, — начал я, — доклад мой выйдет далеко за пределы обыкновенных моих докладов. Если последует на то ваше высочайшее разрешение, я имею в виду подробно и документально доложить вам о готовящейся разрухе, чреватой самыми гибельными последствиями...

Государь взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Я имею в виду, — продолжал я, — старца Распутина и недопустимое его присутствие при Дворе вашего величества. Всеподданнейше прошу вас, государь, угодно ли вам выслушать меня до конца или вы слушать меня не хотите, в таком случае я говорить не буду.

Опустив голову и не глядя на меня, государь тихо сказал:

— Говорите...

— Ваше величество, присутствие при Дворе в интимной его обстановке человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях русского общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин — оружие в руках врагов

России, которые через него подкапываются под церковь и монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к царской семье. Это волнует умы.

— Но отчего же такие нападки на Распутина? — перебил государь. — Отчего его считают вредным?

— Ваше величество, всем известно из газет и из рассказов о том, что благодаря Распутину в синоде произошел раскол и что под его влиянием перемещаются иерархи.

— Какие? — спросил государь.

— История Гермогена всех глубоко оскорбила, как незаслуженное оскорбление иерарха. У Гермогена есть много приверженцев. Я получил прошение ходатайствовать за него перед вашим величеством, подписанное десятью тысячами подписей.

— Гермогена я считаю хорошим человеком, — сказал государь: — он будет скоро возвращен. Но я не могу не подвергнуть его наказанию, когда он открыто отказался подчиниться высочайшему повелению.

— Ваше величество, по каноническим правилам иерарха судит собрание иерархов. Преосвященный Гермоген был осужден по единоличному обвинению обер-прокурора, по его докладу, — это нарушение канонических правил.

Государь промолчал.

— История Илиодора тоже произвела тяжелое впечатление. После расследования, назначенного вашим величеством, суд над ним был год тому назад прекращен. Теперь он без всякого суда заключен во Флорищеву Пустынь, и это после его открытого выступления против Распутина. Подобным же образом пострадали: Феофан, который был лишен звания духовника императрицы и перемещен в Симферополь, и Антоний тобольский, первый указавший синоду на Распутина, как на хлыста, и потребовавший суда над ним. Его переместили в Тверь. Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуются синодом. Терпимо ли это, ваше величество? И могут ли православные люди молчать, видя развал православия? Можно понять всеобщее негодо-

вание, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин хлыст.

— Какие у вас доказательства?

— Полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это одна из особенностей их учения.

— Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято.

— Нет, ваше величество, это не принято. Может быть, ходят муж с женой, но то, что мы имеем здесь, — это разврат. Позвольте прочесть вам, во-первых, письма его жертв, которые сперва попали в ловушку, а затем раскаялись в своем грехе. Вот письмо одного сибирского священника, адресованное некоторым членам Думы (я не хотел сказать, что Гучкову), в котором он умоляет довести до сведения начальства о поведении Распутина, о развратной его жизни и о том, какие слухи он распространяет о своем значении в Петербурге и при Дворе. (Это письмо я прочел целиком.)

Вот письмо, в котором одна барыня кается, что Распутин ее совратил, нравственно изуродовал; отшатнулась от него, покаялась и после этого она вдруг видит, что Распутин выходит из бани с ее двумя дочерьми. Жена инженера Л. тоже увлеклась этим учением. Она сошла с ума и теперь еще в сумасшедшем доме. Проверьте, ваше величество...

— Я вам верю.

Я прочел ему письма, выдержки из брошюры Новоселова, я указал ему на впечатление, которое произвело запрещение писать о Распутине. Он не подходит под категорию лиц, о которых нельзя писать, он не высокопоставленное лицо, не принадлежит к царской фамилии. Мы видим, что часто критикуют министров, председателей Думы и Совета, — для этого запрещения нет, — а о Распутине запрещено писать что бы то ни было. Это невольно вызывает мысль, что он близок к царской семье.

— Но отчего вы думаете, что он хлыст?

— Ваше величество, прочтите брошюру Новоселова: он специально занялся этим вопросом. Там есть указание на то, что Распутина судили за хлыстовство, но дело почему-то было прекращено. Кроме того, из-

вестно, что радения приверженцев Распутина происходили на квартире Сазонова, где Распутин жил. Позвольте вам показать вырезку из заграничной газеты, где сказано, что на с'езде масонов в Брюсселе говорили о Распутине, как об удобном орудии в их руках. Интрига эта в связи с последующими обстоятельствами совершенно ясна. Дело идет не только о троне и престиже царской семьи: ведь может быть и серьезная опасность для наследника.

— Как? — произнес с волнением государь.

— Ваше величество, ведь, при наследнике нет серьезного ответственного лица, при нем деревенский парень Деревенько — он, может быть, очень хороший человек, но это простой крестьянин — невежественные люди, вообще, склонны к мистицизму. Что, если с наследником случится что-нибудь? Это всех волнует... Обаятельный ребенок, которого все так любят.

Государь, видимо, все время волновался. Он брал одну за другой папиросы и опять бросал.

Тогда я решил подойти с другой стороны и убедить государя, что Распутин обманщик. Я показал ему фотографию Распутина с наперсным крестом.

— Вы видите, ваше величество, Распутин не иерарх; он здесь изображен как бы священником.

Государь на это сказал:

— Да, уж это слишком. Он не имеет права надевать наперсный крест.

— Ваше величество, это кощунство. Он, невежественный мужик, не может надевать клобук и, кроме того, это дается при священстве. Вот другая фотография — «хлыстовский корабль», эта фотография была в «Огоньке», ее видела вся Россия. Вот Распутин, окруженный молодыми девушками, а вот и мальчики, он среди них. Вот Распутин с двумя молодыми людьми: они держат доску и на ней текст хлыстовский, а у Распутина в руках икона божьей матери хлыстовская. Корабль, ведущий к повальному греху.

— Что это такое? — спросил государь.

— Прочитайте брошюру Новоселова, которую я вам представлю. Вот его фотография, где Распутин с двумя женщинами и подписано: «Путь, ведущий к спа-

сению». Ведь, это соблазн. А запрещение писать о нем невольно возбуждает мысль, что царь покровитель хлыстов. А если вспыхнет война? Где же престиж царской власти? Многие лица, близко стоящие ко Двору, называются как приверженцы Распутина. Слухи о том, что высшее общество подпало влиянию Распутина, как хлыста, дает повод пренебрежительно относиться к этому обществу — это унижает общество, унижает Двор. Несмотря на запрещение писать о нем, слухи и толки о Распутине с жадностью перепечатываются в провинциальных газетах.

— Читали ли вы доклад Столыпина? — спросил меня государь.

— Нет, я знал о нем, но не читал.

— Я ему отказал, — сказал государь.

— Жаль, — ответил я, — всего этого не было бы. Ваше величество, вы меня видите крайне взволнованным, мне тяжело было говорить вам жестокую истину. Я молчать не мог, не мог скрывать опасности положения и возможности страшных последствий. Я верю, что господь поставил меня посредником между царем и представителями народа, собранными по его державной воле, и мой долг русского и верноподданного сказать вам, государь: враги хотят расшатать трон и церковь и замарать дорогое для нас имя царя. Я всегда помню слова присяги: «О всяком же вреде и убытке его величеству своевременно извещать и предотвращать тщатися». Умоляю вас во имя всего святого для вас, России, для счастья вашего наследства прогоните от себя грязного проходимца, рассейте мрачные опасения верных трону людей...

— Его теперь здесь нет, — произнес государь.

— Позвольте мне всем говорить, что он не вернется?

Государь помолчал немного и сказал:

— Нет, я не могу вам этого обещать — вашим же словам верю вполне.

— Верите ли вы, государь, что возбудившие запрос были движимы самыми верноподданническими чувствами и преданностью к престолу, что их побудили к тому те же чувства, которые заставили и меня вам докладывать?

— В вашем докладе я чувствовал искренность и верю Думе, потому что верю вам.

Мне хотелось узнать, остался ли доволен государь моим докладом.

— Ваше величество, — сказал я, — я шел сюда, готовый понести кару в случае, если бы я имел несчастье разгневать ваше величество. Если я превысил свои полномочия, скажите слово, и я сниму с себя звание председателя Г. Думы. Я думал исполнить свой долг. Я считал своей прямой обязанностью довести все до вашего сведения. Видя, какое волнение вызывает это дело в Думе, я не мог молчать своему государю.

— Я вас благодарю. Вы поступили, как честный человек, как верноподданный.

— Ваше величество, позвольте мне просить у вас, в знак особой милости ко мне, счастья быть представленным наследнику цесаревичу.

— Разве вы его не знаете?

— Я никогда его не видал.

Государь велел позвать наследника, и я представился ему как «самый большой и толстый человек в России», чем вызвал его веселый смех. На мой вопрос, удачен ли был накануне сбор в пользу «колоса ржи» — этот удивительно симпатичный ребенок весь просиял и сказал: «Да, я один собрал пятьдесят рублей, это очень много».

Государь с доброй улыбкой смотрел на сына и добавил:

— Он целый день не расставался со своей кружкой.

Здесь государь встал и, протянув руку, сказал:

— До свидания, Михаил Владимирович.

И когда уходил, услышал громкий шопот наследника: «Кто это?» и ответ государя: «Председатель Думы».

Наследник выбежал за мной в переднюю и все время смотрел в стеклянную дверь. «Не простудитесь, — сказал я ему, — здесь дует». Он закричал: «Нет, нет, ничего». Рядом появился улыбающийся Деревенько, и я обратил внимание на всех, выстроенных в шеренгу лакеев, солдат и казаков. С какой любовью они смотрели на наследника.

Характерно, что старший камердинер государя Че-

модуров, провожая меня, сказал: «Ваше превосходительство, вы бы почаще приезжали к нам. У нас мало кто бывает, и мы ничего нового не знаем».

Я был растроган доверием к себе и терпением, с каким я был выслушан до конца, особенно после всех предупреждений: «Он не будет слушать, он заупрямится, он рассердится и т. д.»,

Когда я вернулся домой, у меня произошел интересный разговор с управляющим собственной его величества канцелярией А. С. Танеевым в телефон:

— Михаил Владимирович, скажите мне, отчего меня хотят видеть два члена Думы?

— Не могу вам сказать, ничего от них не слышал.

— Я боюсь, что они по поводу Григория.

— Какого Григория?

— Да вы знаете... Григория (заикаясь) Распутина.

— Что общего между вами и Распутиным, какая связь?

— Так знаете... Я думал...

— Рад, что вы сами признаете, что с вами есть причина говорить об этом мерзком хлысте. Я вам скажу, что если вы честный человек, вы должны его убрать из Царского — и вы знаете как.

— Я ничего не знаю.

— Нет, вы знаете, и если не исполните своего долга честного человека, вся ненависть России падет на вашу голову. Ваше имя все связывают с проклятием России — Распутиным.

— (Издает какие-то звуки...). До свидания...

В тот же вечер я поехал в Думу и был моментально окружен депутатами, которым в кратких словах сообщил содержание доклада и о милостивом ко мне отношении государя. На всех мой рассказ произвел хорошее впечатление. Самым близким же я передал все дословно.

28 февраля утром мне из Царского Села позвонил по телефону дворцовый комендант генерал-ад'ютант В. Н. Дедюлин и просил заехать к нему на городскую квартиру его. С Дедюлиным мы были старые школьные товарищи и друзья, почему разговор наш носил интимный характер.

Дедюлин сообщил мне следующее: «Стало известно,

что после твоего доклада государь почти не прикасался к еде за обедом, был задумчив и сосредоточен. На докладе моем на другой день я позволил себе спросить его: „Ваше величество, у вас с докладом был Родзянко. Кажется, он очень утомил вас?“. Государь ответил: „Нет, нисколько не утомил. Видно, что Родзянко верноподданный человек, не боящийся говорить правду. Он сообщил мне многое, чего я не знал. Вы с ним товарищи по корпусу, передайте ему, чтобы он произвел расследование по делу Распутина. Пусть он из синода возьмет все секретные дела по этому вопросу, хорошенько все разберет и мне доложит. Но пусть об этом пока никто не будет знать“».

Я был поражен этим известием и вечером того же дня собрал чл. Гос. Совета В. И. Карпова [40] и депутатов: Каменского [41], Шубинского [42] и Гучкова. Мы до поздней ночи обсуждали, как лучше поступить. На другой день я вызвал Даманского, товарища обер-прокурора, в Думу с тем, чтобы он привез требуемое дело. Даманский явился. Я решил представиться ничего не знающим, чтобы лучше все выпытать от Даманского. Это очень ловко удалось. Он выболтал все, что надо было знать. Стараясь убедить меня в чистоте и святости Григория, он сказал, что многие почтенные и видные лица уважают старца и любят с ним беседовать; назвал много имен и подтвердил многие данные, переданные мне раньше разными лицами. Сказал, что Распутин живет у Сазонова, почтенную семью которого он, Даманский, знает хорошо, что там бывают: гофмейстер Танеев, генеральша Орлова, «такой уважаемый человек», как епископ Варнава, графиня Витте и многие другие. На все это я выражал удивление и поддакивал. Даманский держал все время портфель в руках и доказывал мне, что никакого значения это дело не имеет и не стоит его смотреть. Расписывая далее добродетели старца, Даманский выражал негодование на все сплетни и клевету, которые распускаются всюду про него:

— Говорят, что он хлыст, развратник, и даже дошли до того, что будто бы императрица Александра Феодоровна живет с ним...

Здесь я ударил кулаком по столу, встал во весь рост,

сбросил наивный вид, сделал свирепое лицо и закричал так, чтобы рядом было слышно:

— Вы, милостивый государь, с ума сошли! Как вы смеете говорить при мне подобную гнусность. Вы забываете, про кого и кому вы это говорите! . . Я вас слушать не желаю.

Мой гнев для него был так неожидан, что он побледнел, согнул спину и стал извиняться. Его грязная цель понятна: он вообразил, что одурачил меня, хотел вызвать меня на скользкий путь сплетен, услышать от меня какие-нибудь сальные подробности и передать кому следует. Он был уверен, что я, удовольствуясь его об'яснениями, дела совсем не возьму, и был поражен, когда я решительным жестом взял папку у него из рук, запер в стол и положил ключ в карман со словами:

— По приказанию государя императора я подробно ознакомлюсь с этим делом и вас извещу.

Получив нужные документы, я немедленно засадил всю канцелярию, всех присяжных переписчиц за копирование дела в полном его об'еме, и вместе с начальником думской канцелярии Я. В. Глинкой мы составили план работ по столь щекотливому делу. На другой же день Даманский по телефону потребовал от меня частной беседы у меня на квартире. Я сразу понял, что здесь готовится подвох, и ответил ему, что в служебных делах я не признаю частных бесед и прошу его пожаловать в три часа в мой кабинет — в Г. Думу — и сразу же повесил трубку во избежание ненужных об'яснений.

Когда я приехал в Думу, то Даманский был уже там, но, к моему немалому удивлению, его сопровождал протоиерей Александр Васильев, законоучитель царских детей. Такое появление отца протоиерея меня не мало удивило и, догадываясь, что на меня готовится какой-то натиск, я решил раз'единить их. Я рассадил их по разным кабинетам.

Первая моя беседа была с Даманским, который заявил мне, что он имеет поручение получить обратно все дело о Распутине. Я выразил удивление такому требованию и сказал, что раз состоялось высочайшее повеление по данному делу, то оно может быть отменено

только таким же путем — высочайшим повелением или словесно переданным через генерал-ад'ютанта или статс-секретаря или же письменным повелением. Тогда Даманский, несколько волнуясь, путаясь и понизив голос, стал мне об'яснять, что высочайшего повеления он не имеет, но что этого требует одно очень высокопоставленное лицо.

— Кто же это? Саблер? — спросил я.

— Нет, повыше, — махнув рукой, ответил Даманский.

— Да кто же? — сказал я, делая удивленное лицо.

Помявшись немного, Даманский отвечал:

— Императрица Александра Феодоровна.

— В таком случае передайте ее величеству, что она такая же подданная своего августейшего супруга, как и я, и что оба мы обязаны в точности исполнять его повеление. А потому я ее желания исполнить не могу.

— Как! — воскликнул недоуменно Даманский, — я должен ей это передать? Но ведь она этого хочет.

— К сожалению, — ответил я, — я ее желание, все-таки, исполнить не могу, — и, в виду попыток Даманского убедить меня, я прекратил с ним разговор.

Затем я вызвал отца Васильева. Он передал мне, что императрица Александра Феодоровна поручила ему высказать мне свое мнение о старце:

— Это вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для царской семьи.

— Какая же его роль особенно по отношению к детям в царской семье?

— Он с детьми беседует о боге, о вере.

Меня эти слова взорвали:

— Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель царских детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в семье этого невежественного сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измена вашему сану и присяге. Вы все знаете и из угодливости молчите, когда бог вам дал власть, как служителю алтаря, открыто бороться за веру. Значит, вы сами сектант и участвуете

в сатанинском замысле врагов царя и России — забросать грязью престол и церковь...

Несчастный священник был страшно поражен моими словами, бледнел и дрожащим голосом сказал:

— Никто никогда не говорил со мной так, как вы. Ваши слова открыли мне глаза. Скажите, что я должен делать?

— Идите и скажите от моего имени царице, что, если она не хочет губить мужа и сына и расшатать престол, она должна навсегда прогнать от себя этого грязного хлыста. Положение серьезное: никакая революционная пропаганда не могла бы сделать более вреда монархии и более уронить достоинство царского дома. Если вы опять будете молчать и не откроете всю правду, — крест, который вы носите на груди, сожжет вам душу и сердце.

Он потом говорил Волконскому: «Я трепещущий вышел от председателя и почувствовал, сколько в его словах силы и истины».

Впоследствии мне сообщили, что священник Васильев все передал императрице в исковерканном виде, еще более восстановив ее против меня. Он поддерживал ее в увлечении Распутиным и, одним словом, играл все ту же двойственную роль.

От Гучкова я узнал, что все приверженцы Распутина забеспокоились, смущенные моим продолжительным докладом у государя, и решили выписать Распутина.

Кн. З. Н. Юсупова по телефону сообщила, что высылка Распутина так подействовала на императрицу, что она захворала и легла в постель. Интересен факт, что после запроса в Думе императрица написала З. Н. отчаянное письмо на восьми страницах, где она жаловалась на клевету и несправедливые нападки на них: «Нас не любят и стараются нам повредить. Этот запрос — революционный акт». Она в этом письме писала столько жалоб на их ужасное положение, что Юсуповой стало жалко царицу, и она передала в телефон, что собирается прийти к царице на другой день. Но, вероятно, происками Вырубовой ей сказали, что императрица больна и никого не принимает.

Только 9 марта 1912 года ей удалось быть у императрицы. Это уже было после речи Гучкова по поводу сметы синода, где он упоминал о Распутине.

Кн. З. Н. Юсупова серьезно и убедительно говорила, подтверждая мои слова государю, но со стороны императрицы встретила сильный отпор, возбуждение и негодование. Она высказала свое неудовольствие по поводу моего доклада государю и особенно сердилась на мой отказ вернуть дело о Распутине:

— По какому праву он задерживает дело и не хочет его вернуть?

Кн. З. Н. Юсупова убеждала ее верить словам председателя Думы:

— Это честный и верный человек.

— Нет, вы не знаете, что он сказал отцу Васильеву. Родзянко и Гучкова мало повесить.

Кн. З. Н. в порыве негодования сказала:

— Как вы можете говорить подобные вещи? Благодарите бога, что находятся еще честные люди, которые правду доводят до сведения государя. Распутин должен быть изгнан. Это хлыст, который злоупотребляет своим положением при вас.

— Нет, нет, на него клевещут, он святой человек.

Когда дела, переданные Даманским, были изучены во всей полноте, раскрылась грязная эпопея этого вредного человека.

Первый донос, обвиняющий Распутина в сектантстве хлыстовского толка, был сделан тобольским уездным исправником тобольскому губернатору еще в 1902 году на основании официального сообщения местного священника села Покровского. Губернатор препроводил все дело на распоряжение местного архиерея преосвященного Антония. Последний поручил сделать дознание одному из миссионеров епархии. Миссионер энергично взялся за дело. Он представил обширный доклад, изобилующий документальными данными, сделал обыск в квартире Распутина, произвел несколько выемок вещественных доказательств и раскрыл много бывших неясными обстоятельств, несомненно изобличающих принадлежность Распутина к хлыстовству. Некоторые из этих подробностей, указанные в докладе, были до

того безнравственны и противны, что без отвращения нельзя было их читать.

Получив доклад миссионера, епископ Антоний поручил изучить его специалисту по сектантским делам инспектору тобольской духовной семинарии Березкину. Дело затянулось, и во время его производства Распутин успел уехать в Петербург и там постепенно, как уже мною сообщено, втерся в доверие ко многим высокопоставленным лицам и получил доступ к высочайшему Двору. Между тем при обозрении следствия, произведенного весьма толково и обстоятельно Березкиным, подкрепленного свидетельскими показаниями, письмами, ссылками на догматы хлыстовского вероучения, не могло быть сомнения в том, что Распутин заправский хлыст, притом высшего полета, умелый пропагандист и растлитель душ православного простодушного люда. Он имел, по данным следствия, несомненную связь со многими пророками хлыстовства, между которыми играл не последнюю роль. Березкин в своем докладе тобольскому епископу заявил, что для него нет никаких сомнений в сектантстве Распутина, но, считая, что дело должно быть направлено светской власти для судебного преследования вредного еретика, Березкин полагал необходимым произвести некоторые дополнительные исследования и засим уже передать дело прокурорскому надзору. Преосвященный Антоний тобольский, на основании такого заключения, предписал тобольской духовной консистории в точности исполнить указания Березкина и передать Григория Ефимова Распутина в распоряжение судебной власти. Пока длилась эта процессуальная волокита, Распутин вернулся из Петербурга в родное село. Но вернулся он оттуда с значительными денежными средствами, начал строить себе прекрасный дом с богатой обстановкой. Он хвастался уже открыто милостями членов царского дома — показывает всем их подарки: например, богатый золотой крест на золотой цепи, медальон с портретом императрицы Александры Феодоровны, портреты высокопоставленных лиц с соответствующими надписями, щеголяет в богатых собольих шубах, словом, из гонимого сектанта преображается во

влиятельное лицо, перед которым многие уже начинают заискивать.

После резолюции епископа о привлечении Распутина к суду дело заканчивается указом синода о бытии по высочайшему повелению преосвященному Антонию, епископу тобольскому, — архиепископом тверским и кашинским, т. е. перемещением епископа. Так и не состоялся суд над еретиком. Впоследствии я узнал от весьма компетентных лиц, что, во избежание излишнего скандала, тобольскому епископу предложили на выбор: или прекратить начатое против Распутина дело и ехать с повышением в архиепископы в Тверь, или же удалиться на покой. Он избрал первый вариант, и дело Распутина заглохло.

Изучив всесторонне и обстоятельно все порученное мне дело, я составил сжатый доклад и 8 марта 1912 года послал государю свою просьбу о приеме меня для доклада ему во исполнение возложенного на меня высочайшего поручения.

На мое ходатайство о всеподданнейшем докладе долго не было ответа. Мне стало известно, что императрица упорно сопротивляется моему вторичному докладу с документами в руках. Наконец, за несколько дней до от'езда царской семьи в Крым председатель Совета Министров В. Н. Коковцов получил мое ходатайство о приеме, на котором государь начертал: «Прошу В. Н. передать председателю Думы, что я его принять не могу и не вижу в этом надобности, так как полторы недели тому назад я его принимал. Кроме того, прения по смете синода приняли неправильное направление, которое мне не нравится. Прошу вас и председателя Думы принять меры к тому, чтобы этого не повторялось».

Мы оба обомлели, читая эти строки, которыми был нанесен афронт Думе и оскорбление ее председателю, так как по основным законам последний сносится непосредственно с верховной властью [43]. Здесь же передавалось поручение через премьера, который на это прав не имел. Я об'явил Коковцову, что достоинство Думы оскорблено и мне придется выйти в отставку и снять с себя придворное звание. Получился бы конфликт ме-

жду Думой и царем, т. е. как бы революционное направление Думы, что еще более осложнило бы и без того тяжелое положение.

Тогда мы решили следующее: Коковцов должен ехать на следующий день в Царское, об'яснить государю неловкость его ответа и добиться или приема или личного письма по адресу председателя Думы. Так и было сделано. Коковцов хорошо исполнил поручение, передал мои слова и желание выйти в отставку и снять придворное звание. На что государь сказал:

— Я обижать его не хотел, напротив, я им очень доволен. Дума стала другая при нем: ассигновали на флот и артиллерийское ведомство... Что же делать?

Коковцов посоветовал написать собственноручное письмо, и на другой день я получил его со следующим содержанием: «Не имея времени перед от'ездом в Крым принять вас, прошу доставить письменный доклад».

Письмо я сохранил у себя.

От Думы я скрыл этот инцидент и сообщил только о собственноручном письме с просьбой прислать письменный доклад. И то многие выражали негодование, что государь принимал Балашева [44], студентов-академиков, многих представлявшихся лиц, а для председателя Думы времени не нашлось.

Я тотчас же принялся за составление письменного доклада, в чем мне особенно помогал В. И. Карпов и начальник канцелярии Думы Я. В. Глинка.

Доклад вышел убедительный, в особенности в заключении, где говорилось о том, какие надо принять меры для успокоения взволнованного общества и упорядочения церкви. Вернуть Гермогена, выгнать Распутина и созвать собор. Во время составления доклада ко мне от лица Гермогена явился Родионов, чтобы передать, что он знает о моем разговоре с царем в защиту православия, что посылает свое благословение, молится за меня и просит и впредь крепко стоять за веру православную.

Распутин между тем опять явился в Петербург и, как сообщали газеты, был встречен сборищем своих приверженцев на квартире госпожи Головиной. Этот раз по пятам за ним следила полиция и корреспонденты.

Друзья Распутина доставили его в Царское, но, несмотря на их старания, до императрицы он допущен не был. На шестой неделе великого поста царская фамилия уехала в Крым. Вырубова умудрилась посадить Распутина в свитский поезд, в купэ князя Туманова. Кто-то доложил об этом государю. Государь страшно рассердился, что его ослушались, велел остановить поезд на станции Тосно, высадить Распутина и с агентом тайной полиции отправить в Тобольскую губернию.

Итак, мои слова достигли желаемого результата. С тех пор Распутин при Дворе некоторое время не появляется. Он приезжает в Петербург на два дня, оставаться дольше он не смеет. Директор департамента полиции жаловался мне:

— Он так мне надоел. За ним надо следить — он прямо с вокзала отправляется в баню с двумя какими-нибудь барынями.

Я уверен, что императрица, конечно, моего вмешательства не простила. О судьбе моего доклада я ничего не знал: ни ответа, ни возражения. Читал ли его государь — я сведений не имел. Говорили, впрочем, что государь читал в Крыму доклад вместе с герцогом Гессенским.

IV

Прием членов Думы и недовольство царя. — Последствия приема. — Бородинские торжества. — Выборная кампания в IV Думу. — Аудиенция Родзянки, переизбранного в председатели.

В мае месяце 1912 года в Москве на освящении памятника Александру III государь был со мной холоден, тогда как вся царская семья демонстративно выражала мне внимание.

Весной, перед окончанием работ Думы, многие члены, как правые, так и октябристы, а главным образом крестьяне всех партий, выражали желание представиться государю. В этом я видел побуждения самые искренние и благородные, а также и проявление верноподданнических чувств. Я энергично начал через председателя Совета Министров Коковцова хлопотать об этом. Государь отнесся подозрительно к этому за-

явлению и сперва наотрез отказался принять членов Думы, вероятно под влиянием императрицы, которая присутствовала при разговоре с Коковцовым и все время повторяла, что это совершенно лишнее. С другой стороны, велись переговоры с бароном Фредериксом[45], министром высочайшего Двора, с просьбой о том же. Только после того, как Коковцов и Фредерикс об'явили, что они выходят в отставку, если Дума не будет принята, государь, нехотя, на это согласился. Известие было встречено радостно, и ехали в приподнятом хорошем настроении. И велико было разочарование и оскорбление, когда на приеме государь недовольным тоном высказал только слова осуждения и неудовольствия по поводу «слишком страстных недовольно спокойных прений по разным вопросам». Патриотические же заслуги: ассигнование на флот, работы по земельной реформе и многие другие, как Холмщина, западное земство, Финляндия, — ничего не было упомянуто царем, и впечатление получилось, что государь Думой недоволен, сердит на нее. И все поняли, что тому причиной распутинское дело и влияние императрицы. В официальном сообщении в печати слова государя были очень смягчены. Но все мы, пережившие эти минуты, помним, какая была у всех на душе горькая обида за незаслуженное оскорбление.

Последними словами государя было напоминание об ассигновании на церковно-приходские школы, причем он выразил надежду, что ассигнование на дело, близкое сердцу его покойного родителя, будет принято Думой.

Мы все были как в воду опущенные, и насколько все ехали туда с радужными надеждами, настолько теперь все предавались мрачным мыслям.

На другой день настроение в Думе было подавленное, и когда я через лидеров и влиятельных членов старался узнать, какого результата может достигнуть голосование об ассигновании на церковно-приходские школы, все категорически (кроме нескольких крайне правых) заявили, что вопрос этот будет провален. Говорили о том даже националисты, что государь нас не ценит: «Он с нами бог знает как обращается. Саблер и Распутин дороже нас...» и т. д.

Мое положение было очень затруднительное: ставить на голосование вопрос, о котором упоминал государь, зная, что он непременно провалится, — было невозможно. Это значило бы создать конфликт между государем и Думой и закончить сессию демонстрацией против его желаний. Я решил снять вопрос с повестки, чтобы весь одиум этого инцидента пал только на меня, а не на Думу. Правые, особенно духовенство, очень возмутились таким моим решением. Не разобрав дело, подняли крик и об'явили, что они на прощание устроят колоссальный скандал. Когда я шел председательствовать, мне пришлось окружить себя думскими приставами, чтобы избежать какой-нибудь неприятной выходки со стороны духовенства. Во время перерыва я вызвал епископа Евлогия [46] к себе в кабинет, об'яснил ему, что меня побудило поступить так. Он увидел свою ошибку, извинялся, так же как и многие правые, выражавшие сперва свое негодование.

Во время пребывания моего летом за границей в Наугейме я прочел в газетах и узнал из письма члена Думы Ковзана [47], что роспуск Думы предполагается за три дня до бородинских торжеств, назначенных на 26 августа, так что народные представители не будут участвовать на торжествах. Зная, какое неприятное впечатление произведет это распоряжение, я тотчас написал Коковцову письмо с усердной просьбой, во что бы то ни стало, убедить государя не распускать Думы до 26 августа. Через несколько дней я получил ответ, что Дума будет распущена 30 августа. Вернувшись в Петербург, я сейчас же поехал в Думу, где застал человек 20 депутатов; среди них несколько человек крестьян, с'ехавшихся в надежде получить билет для присутствия на торжествах. Разочарование их было велико, когда прочитавши церемониал, они увидели, что мест для членов Думы не назначено ни на Бородинском поле ни в Москве. Ознакомившись с церемониалом, я обратил внимание на то, что, хотя председатель Думы всюду поставлен наравне с председателем Гос. Совета, — члены обеих палат не уравнены. Члены Гос. Совета имеют место на торжествах, члены Думы, даже товарищи председателя, — нигде не упомянуты.

Меня такое отношение к народному представительству крайне возмутило, и мое первое движение было отказаться от участия в торжествах. Но меня убедили члены Думы, особенно из крестьян, которые говорили: «Если не мы, так хотя бы председатель должен быть на этой великой годовщине славы народной».

После некоторых колебаний я решился на следующее: 26 августа ехать на Бородино и уклониться от других церемоний. Причину своего отсутствия в Москве я об'яснил Коковцову и церемониймейстеру барону Корфу. Последний дал мне довольно характерный ответ: «Члены Думы не имеют приезда ко Двору», на это я возразил: «Это торжество народное, а не придворное, не церемониймейстеры спасли Россию, а народ».

На Бородинском поле государь, проходя очень близко от меня, мельком взглянул в мою сторону и не ответил мне на поклон. Я понял, что причиной его неблаговоления ко мне были снятие с повестки ассигнования на церковно-приходские школы и опять-таки доклад по распутинскому делу.

После бородинского торжества, повидимому, было решено в правительственных сферах принять самые резкие меры, чтобы при предстоящих выборах в IV Гос. Думу прошли исключительно элементы, способные оказать слепую поддержку правительству. В этих целях были использованы всевозможные меры для «раз'яснения» нежелательных и непокорных элементов.

Меня переизбрали в председатели Гос. Думы. В глупом положении оказались правые и националисты. В виде протеста против моего избрания они демонстративно вышли, желая показать, что не хотят слушать речь председателя, который прошел левыми голосами (кадеты клали за меня, благодаря этому я получил большинство: социалисты и трудовики, как всегда, уклонились от выборов). Часть правых, однако, не совсем была послушна своим лидерам — они столпились у дверей, когда революционная, по их понятиям, часть Думы рукоплескала словам о выздоровлении наследника, а они стояли молча. Даже самые левые депутаты, как бы на-зло им, кричали и аплодировали

как можно громче. Сконфуженные правые говорили потом, что если бы они знали, какая будет речь, они, конечно бы, остались.

Все газеты подхватили это происшествие. Правая печать молчала. Тотчас после своего избрания я испросил аудиенции у государя. Государь встретил меня с некоторым волнением, причем, вопреки обычаям, прием происходил стоя и продолжался всего двадцать минут.

Я сказал:

— Честь имею явиться как вновь избранный председатель Г. Думы.

— Да, скажите, как это скоро случилось... — со смущением начал государь. — Я с удовольствием, Михаил Владимирович, узнал о вашем избрании. Благодарю вас за вашу прекрасную речь. Так должен думать и чувствовать каждый русский человек. Но отчего вы наш строй называете конституционным?

— Государь, вам угодно было великодушно призвать к участию в законодательных работах представителей народа. Это участие есть конституция, и я не счел возможным, хотя бы единым словом, итти против державной воли вашего величества.

— Да, да, я теперь вас понимаю. Но об'ясните мне, почему ушли от вашей речи правые и националисты? Как это было неуместно и непонятно, когда вы произносили вашу глубоко патриотическую речь.

— Государь, они ждали других слов и, так сказать, авансом хотели протестовать и не участвовать в «революционных выступлениях», но смею вас уверить, что, несмотря на ряд несправедливостей, которые позволило себе правительство во время избирательной кампании, в Г. Думе или, по крайней мере, в ее большинстве революционного настроения нет. Моя речь является верным отражением мыслей и чувств, царящих среди членов Думы. Таким образом, уходом во время моей речи националисты и правые поставили себя в оппозиционное положение: они не приняли участия в воодушевленном порыве Думы, когда я предложил выразить вашему величеству чувство радости по поводу выздоровления наследника цесаревича, чем и были наказаны за свою бестактность.

— Императрица и я, мы были очень тронуты вашими словами, и я прошу вас передать Думе нашу благодарность.

Через два дня после приема я получил от министра Двора барона Фредерикса бумагу следующего содержания:

«Милостивый государь, Михаил Владимирович!

«По всеподданнейшему докладу на ходатайство члена Г. Думы в должности егермейстера Балашева от имени группы депутатов о счастье представиться государю императору, последовало принципиальное согласие его императорского величества на прием членов Думы IV созыва по примеру 1907 и 1908 гг.

«Сообщая вам о таковой высочайшей воле, прошу ваше превосходительство сообщить мне списки тех из членов Г. Думы, которые заявили о желании иметь счастье быть принятыми его императорским величеством.

«Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Барон Фредерикс».

27 ноября 1912 года».

Оказалось, что националисты и правые, желая перед государем оправдать свое странное поведение, решили просить представления помимо председателя, как группа «верноподданных правых». Государю это, видимо, не понравилось, и он, не отвечая ничего Балашеву, направил ответ прямо председателю Думы.

Депутаты стали записываться на прием. Сам я поехал к барону Фредериксу узнать, пожелает ли государь принять кадетов. Барон мне сказал, что государь примет всех, кто захочет явиться, даже социалистов. Многие кадеты хотели ехать, и в их фракции решено было предоставить каждому свободу действий. Я очень старался склонить к поездке наибольшее число депутатов. Я долго уговаривал Милюкова [48] (разговор происходил в коридоре Мариинского театра на представлении «Юдифи» с Шаляпиным), но Милюков отказывался и под конец сказал: «Я боюсь, что вид мой вызовет у го-

сударя императора слишком неприятное воспоминание». Он, очевидно, намекал на Выборгское воззвание [49].

Так Милюков и не поехал, но было все-таки 26 кадетов, 44 прогрессиста, поляки, белоруссо-литовское коло, мусульмане и беспартийные, всего от оппозиции 87 человек, а всех депутатов было 374 из 440 человек общего состава. Это знаменательно, так как до сих пор ездило меньше, а кадеты ни разу на прием, вообще, не ездили.

Государь встретил депутатов очень любезно. Подал руку председателю и стал обходить депутатов, которые стояли по губерниям. Церемониймейстер барон Корф называл их по фамилиям, но государь его остановил: «Мне будет представлять депутатов председатель Думы, не беспокойтесь, барон». С каждым государь о чем-нибудь говорил, а с правыми был даже как-будто холоднее, чем с другими.

Депутат Хвостов [50] явился с большим бантом союза русского народа, что даже не по этикету, так как нельзя на мундир надевать самодельные ордена и украшения. Государь его спросил: «Что это за значок?», Хвостов ответил: «Это знак принадлежности к союзу русского народа».

Государь, отходя, тихо сказал, пожав плечами: «Странно». После чего Хвостов снял свой значок.

Когда государь обошел всех, правые двинулись вперед, чтобы его окружать, но государь прошел в центр толпы и сказал несколько слов с пожеланиями дружной и плодотворной работы и пожелал всем счастливо встретить праздники.

V

Торжество по случаю 300-летия дома Романовых. — Изгнание Распутина из собора. — Радко-Дмитриев в Петербурге.

В Думе начали упорно говорить, что Распутин опять появился в Петербурге. Я получил бумагу из Царицына со многими подписями, в которой просили принять меры и сообщали, что жителям Царицына известно, будто Распутин находится у В. К. Саблера и

снова бывает при Дворе. Я послал эту бумагу Саблеру с письмом, прося дать этим лицам исчерпывающий ответ. Саблер ответил письменно довольно неприятным тоном, что Распутина он не видал и с ним ничего общего не имеет. Вслед за его письмом ко мне официально приехал новый министр внутренних дел Маклаков [51] и заявил, что государю императору известно, будто в Думе готовят опять запрос по поводу Распутина, и что председатель этот запрос поддерживает. Государь поручил Маклакову передать, что это ему не нравится и он не желает, чтобы вопрос о Распутине вновь поднимался в Думе. Я ответил Маклакову, что ничего подобного нет, а что, вероятно, донес об этом Саблер, и рассказал ему о письме из Царицына. В скором времени на обеде у Коковцова я встретился с Саблером и высказал ему свое негодование по поводу того, что он позволил себе извратить жалобу царицынских граждан на присутствие Распутина в доме обер-прокурора синода. Саблер был чрезвычайно сконфужен и в замешательстве заверял, что я не так его понял. С своей стороны, я предупредил Саблера, что буду иметь всеподданнейший доклад по этому делу. При первом же докладе я представил дело в таком виде:

«Бью вашему величеству челом на обер-прокурора св. синода в том, что он преднамеренно ввел вас в заблуждение относительно петиции царицынских граждан, покрытой чуть ли не пятьюстами подписей. Раз жалоба касалась действий обер-прокурора, то, ведь, нормальный порядок требует, чтобы это дело было передано первоисточнику, т. е. самому обер-прокурору — напрасно он на это жаловался вашему величеству. Что же касается второй стадии дела, переданной мне по высочайшему повелению Н. А. Маклаковым, то здесь уже сплошной вымысел. Настроение Думы совершенно неверно истолковано: о Распутине разговоры в Думе затихли, никаких запросов о нем не предполагается делать, и поэтому я считаю, что г. обер-прокурор св. синода просто наклеветал на меня, в каких целях — мне, конечно, неизвестно».

Государь, внимательно выслушав мой доклад, вполне согласился с моими доводами.

На том же докладе я воспользовался милостивым расположением государя и доложил ему дело о священнике Дмитриеве.

Священник Дмитриев, член Г. Думы III созыва, за свою принадлежность к партии октябристов, после окончания сессии подвергся преследованиям екатеринославского архиерея Агапита. Последний лишил его места, отстранил его от преподавания в гимназии. Несчастный священник остался без куска хлеба, на руках бывших прихожан, которые содержали его из милости, и терпел преследования. Я ходатайствовал о восстановлении священника Дмитриева во всех правах. Государь записал все это в книжку, обещав удовлетворить ходатайство, что действительно и совершилось.

Несмотря на то, что при докладе пришлось затронуть щекотливый вопрос о Распутине, аудиенция окончилась милостиво, и, когда я попросил позволения при романовских торжествах[52] сказать приветственное слово, его величество разрешил мне это *.

Торжества назначены были в феврале. В то время в Думе стали ходить слухи, будто Государственный Совет намеревается преподнести императорской семье икону. Проверив этот слух, члены Думы решили, что и они не должны отстать от Г. Совета.

Я собрал сеньорен-конвент, на котором согласились, что Дума должна преподнести икону царской семье. Был командирован Щепкин, секретарь председателя Думы, в Москву к профессору Остроухову, который указал на чудный, редкий старинный образ. Тот же Остроухов предложил купить старинный плат, на котором изображена встреча Михаилом Феодоровичем своего отца Филарета Никитича, в'езжающего в Москву. Плат этот длиной в двадцать четыре аршина из белого холста, по которому шелками вышиты процессии бояр и боярынь в разнообразных и разноцветных костюмах, рынды с оружием, Филарет, выходящий из колымаги, крестьяне с хлебом-солью, Михаил Феодо-

* Никаких речей на этих торжествах. согласно церемониалу, не должно было быть.

рович, простирающийся ниц перед отцом; вдали Москва, Кремль и купола церквей, а над всем этим пресвятая троица и ангелы, трубящие славу. Купили под старинный рисунок парчу и сделали два футляра. Они перевязывались длинными золотыми шнурами, на концах которых висели старинные орлы с драгоценными камнями и золотые кисти. Все вышло очень красиво и подходило к случаю. Дума одобрила и согласилась пополнить излишек истраченной суммы.

В день открытия романовских торжеств, которые начались с литургии и молебна в Казанском соборе, которые совершал патриарх Антиохийский в облачении, пожалованном ему государем, мне сообщили, что Г. Думе отведено неподходящее ее достоинству место. Действительно, оказалось, что Г. Дума была поставлена далеко сзади не только Г. Совета, но и сената. Если романовские торжества должны были носить характер народного празднества, то нельзя было забывать, что в 1613 году народ в лице земского собора, а не группа сановников избрала царем Михаила Феодоровича Романова.

Я указал на это обер-церемониймейстеру барону Корфу и графу Толстому и после неприятного спора добился того, что сенат должен был уступить нам свое место и был отодвинут значительно в глубь собора. Покончив с этим делом, я вышел на паперть отдохнуть, так как до приезда членов Думы было достаточно времени. Должен оговориться: чтобы упрочить «занятую позицию», я оцепил места депутатов наличным составом приставов Г. Думы. Не прошло и десяти минут, как за мной прибежал взволнованный старший пристав барон Ферзен и доложил, что, не взирая на протесты его и его помощника, какой-то человек в крестьянском платье и с крестом на груди встал впереди Г. Думы и не хочет уходить. Догадавшись, в чем дело, я направился в собор к нашим местам и там, действительно, застал описанное бароном Ферзеном лицо. Это был — Распутин. Одет он был в великолепную темно-малинового цвета шелковую рубашку-косоворотку, в высоких лаковых сапогах, в черных суконных шароварах и такой же черной поддевке. Поверх платья у него был на-

персный крест на золотой художественной цепочке. Подойдя к нему вплотную, я внушительным шопотом спросил его:

— Ты зачем здесь?

Он на меня бросил нахальный взгляд и отвечал:

— А тебе какое дело?

— Если ты будешь со мной говорить на «ты», то я тебя сейчас же за бороду выведу из собора. Разве ты не знаешь, кто я? Я председатель Г. Думы!

Распутин повернулся ко мне лицом и начал бегать по мне глазами: сначала по лицу, потом в области сердца, а потом опять взглянул мне в глаза. Так продолжалось несколько мгновений.

Лично я совершенно не подвержен действию гипноза, испытал это много раз, но здесь я встретил непонятную мне силу огромного действия. Я почувствовал накипающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу, и я сознавал, что мало-по-малу прихожу в состояние подлинного бешенства.

Я в свою очередь начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид, потому что Распутин начал как-то ежиться и спрашивал:

— Что вам нужно от меня?

— Чтобы ты сейчас убрался отсюда, гадкий еретик, тебе в этом святом доме нет места.

Распутин нахально отвечал:

— Я приглашен сюда по желанию лиц более высоких, чем вы, — и вытащил при этом пригласительный билет.

— Ты известный обманщик, — возразил я: — верить твоим словам нельзя. Уходи сейчас вон, тебе здесь не место...

Распутин искоса взглянул на меня, звучно опустился на колени и начал бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнул его в бок и сказал:

— Довольно ломаться. Если ты сейчас не уберешься отсюда, то я своим приставам прикажу тебя вынести на руках.

С глубоким вздохом и со словами: «О, господи,

прости его грех», Распутин тяжело поднялся на ноги и, метнув на меня злобный взгляд, направился к выходу. Я проводил его до западных дверей, где выездной казак подал ему великолепную соболью шубу, усадил его в автомобиль, и Распутин благополучно уехал.

Этот эпизод был рассказан гораздо позже летом 1913 года самим Распутиным члену Думы Ковалевскому [53], который случайно ехал с ним в одном поезде. Распутин начал с того, что бранил меня и спрашивал, за что члены Думы любят своего председателя, а потом сказал: «Он нехороший человек. Вы знаете, что он сделал во время торжеств? Он меня даже из Казанского собора выгнал, а не спросил, что сам царь сказал мне, чтобы я там был».

Ковалевский, рассказывая мне об этой встрече, добавил: «Я, признаться, не верил вам, думал, что вы прихвастнули, когда говорили, что выгнали его из храма».

На поздравлении во дворце, где присутствовала вся Дума, я сказал свое приветственное слово и поднес икону и плат, который держали развернутым за мной товарищи председателя. Особенно же знаменательно казалось то, что никто не говорил приветствий, так как официально было заявлено, что речей не будет *.

---

* Речь Родзянки: „Тому назад три века, когда казалось, что русскому царству настал конец, велением небесного промысла и божьим благословением был призван на царство единодушным голосом народа державный предок ваш Михаил Феодорович Романов.

„Вдохновенный единением со своим венценосным вождем, под сенью святой православной церкви, русский народ грудью защитил родную землю от дерзновенных на нее вражьих посягательств. Велик был тогда царский подвиг — велик и сегодняшний торжественный день.

„Три века славного царствования дома Романовых свидетельствуют, что под скипетром державных преемников первого царя ныне царствующего дома святая Русь стойко пережила все посылаемые ей испытания, росла, крепла, ширилась и достигла современного своего величия.

„Любвеобильное сердце русских царей всегда радостно билось радостями и успехом отечества и преисполнялось тяжкой скорбью в годину бедствий и смут. Благо российского государя было народным благом, печаль его была народной печалью, и русский народ, как триста лет тому назад, так и теперь, благоговейно чтит и беззаветно любит своего царя.

„Великий государь, обширны царственные труды и заботы ваши о благе народа и неустанно ваше о нем попечение. Веря, как и встарь,

Балканская война с Турцией [54] была в полном разгаре. В Думе с большим вниманием и воодушевлением следили за геройской борьбой славян за свободу. Сочувствие к ним было полное. Оно росло одновременно с негодованием на промахи нашей дипломатии, и в особенности на министра иностранных дел Сазонова [55], который, по мнению думских кругов, заставил Россию играть ничтожную роль в международных событиях. Чувство всеобщего недовольства и национальной обиды, кроме Думы, высказывалось и в газетах всех направлений.

В марте 1913 года в Петербург приехал болгарский герой этой войны Радко-Дмитриев [56] и председатель болгарского народного собрания [57]. Их встречали славянские общества, толпа молодежи, многие члены Думы и устроили им овацию на вокзале. Кажется, на другой день их приезда получено было известие, что Адрианополь взят [58]. В Думе это произвело огромное впечатление. Заседание было прервано, начали кричать «ура», потребовали молебна и послали некоторых депутатов привести в Думу Радко-Дмитриева, Данева и болгарского посланника Бобчева [59].

Когда они приехали, их поднимали на «ура», обнимали, целовали. Воодушевление было полное, всеобщее, без различия партий, забыли и личные счеты, пожимали руки и поздравляли друг друга с общеславянской радостью. Славяне были тронуты до слез. Молебен служили священники, члены Думы, в Екатерининском зале. Хор составился из депутатов под моим управле-

---

что могущество родины в тесном единении царя со своим народом, веря в его государственный разум, вы призвали к законодательному строительству людей, избранных от населения. И народные избранники, члены Г. Думы, одушевленные монаршим доверием, безгранично счастливы лично повергнуть перед вашим императорским величеством всеподданнейшие поздравления по случаю высокознаменательного праздника русского государства.

„Примите же, государь, эту святую икону Христа спасителя как благословение народное, как видимый знак тех горячих молитв, которые сегодня возносятся во всех уголках России о здравии и благоденствии вашего величества и всей царствующей семьи.

„Да благословит вас всевышний, да сохранит он под небесным покровом своего помазанника на счастье и радость всей русской земли".

нием. Пели гимн и «Шуми, Марица». В самый разгар этого энтузиазма я был вызван к телефону председателем Совета министров Коковцовым:

— Что у вас делается в Думе? Нельзя ли прекратить эти манифестации?

Я ответил:

— Это невозможно, под'ем народного чувства остановить нельзя. Но зачем вам это нужно?

— Помилуйте, Михаил Владимирович, это может не понравиться Австрии и создать неприятные осложнения.

— Попробуйте, приезжайте и постарайтесь остановить это воодушевление сами. Я не могу...

Оказалось, что действительно о манифестации узнали в австрийском посольстве и сделали представление председателю Совета министров.

На другой день у меня был большой обед с болгарскими гостями: Бобчевым, Даневым и Радко-Дмитриевым и раут, к которому собралось 60 членов Думы, лидеры всех партий, бюро фракции октябристов [60] и видные октябристы. Вечер прошел очень оживленно. Все окружили Радко-Дмитриева, который охотно рассказывал про войну и положение дел на Балканах. Всех поразил такт и спокойствие славян: они ни слова ни намека не сказали о нашей дипломатии и даже не очень возмущались Австрией, хотя не скрывали, что ей не доверяют.

За обедом я сказал им приблизительно следующее:

— Я поднимаю бокал за геройские славянские народы, которые удивили весь мир своей необычайной победоносной войной. Все мы следим с напряжением за геройским шествием во имя креста и свободы. Но с таким же напряжением и волнением ждем окончания этой войны. Ведь мало окончить победоносно войну. В ее благополучном исходе я ни минуты не сомневаюсь, видя геройство вождей братских нам войск и безграничную отвагу ее воинов. Сомнений быть не может. Турция будет побеждена. Однако, результаты всякой кампании оцениваются в смысле их целесообразности не успешными и блестящими военными действиями, но успешным завершением войны, мирным договором. По

этому поводу позвольте вам от имени вашей старшей сестры — России — дать добрый совет: храните мир между собой, между союзниками и соратниками. Да не ослепят вас ратные победы и да не возбудят они между вами опасной и нежелательной ревности к содеянным подвигам. Нет ничего опаснее этого пути. Поэтому мы, ваши братья, ликующие о бранных победах славянства, молим вас все силы ума и воли напрячь для предупреждения междоусобных трений, опасных для достижения блестящего конца войны. Я провозглашаю громкую здравицу за победоносных братьев-славян, в дружном союзе отважно побеждающих общего врага, и за то, чтобы их братское сердечное единение росло и крепло и послужило основанием и для дальнейшего сплочения братско-славянской семьи.

Переглянувшись с другими, Радко-Дмитриев встал и ответил следующее:

— Вы правильно называете нас младшими братьями. Славянские народы всегда с уважением, с братской любовью смотрели на Россию, от которой ждали нравственной поддержки и помощи. Благодаря великодушию русских братьев, славяне были вызваны к исторической жизни, и они никогда не могут забыть тех великих благодеяний, которые на них сыпала великая Россия. Теперь в нашей первой самостоятельной борьбе с исконным врагом мы с верой и упованием смотрим на старшего брата и просим, чтобы он отстранил все чуждые, вредные влияния. Россия должна оказать нам содействие тем, чтобы своею мощной рукою предотвратить всякую возможность возникновения недоразумений между славянами. Мощною же рукою она должна пресечь эти недоразумения, если бы они возникли. Только великая Россия имеет право вмешиваться и только России подчиняются славянские народы.

Сказал он это глубоко взволнованным голосом.

После обеда, беседуя, славяне говорили:

— Вы не представляете себе, как велико обаяние России на Балканах, с каким доверием и с какой надеждой славяне смотрят на Россию, как боятся ее в Европе. Теперь или никогда Россия должна себя показать.

На это пришлось им ответить:

— Вы видите отношение к вам общества и печати, вы видели энтузиазм народных представителей, а дальше мы ничего сказать не можем, ни за что поручиться.

Радко-Дмитриев отозвал меня в кабинет и сказал:

— Я приехал с секретной миссией повергнуть к стопам его величества Константинополь. Как мне быть, как говорить с государем?

— Я ответил ему:

— Говорите ему прямо. Он любит правду, и это, во всяком случае, будет вернее. Я со своей стороны полагаю, что до вашего представления государю было бы полезно мне испросить специальный доклад.

Радко-Дмитриев благодарил и просил это исполнить.

Хотелось верить и верилось, что Россия скажет твердое слово, победно двинется на юг и поддержит славянские народы. Как оказалось потом, все это были пустые надежды.

16 марта, по поводу падения Адрианополя происходили славянские манифестации на улицах. Славянское общество устроило торжественную обедню с шереметьевскими певчими в храме Вознесения. При выходе Радко-Дмитриев был поднят на «ура». Огромная толпа вышла на Невский проспект с пением «Боже, царя храни» и «Шуми, Марица». Потом направились к болгарскому посольству. Бобчев вышел на балкон и сказал речь, которую закончил словами: «Да здравствует великая Россия!» Толпа ответила болгарским и русским гимнами. Затем толпа, еще возросшая, отправилась к сербскому посольству. Сербский посол тоже вышел на балкон, но не успел он сказать несколько слов, как налетели конные городовые и начали избивать толпу. Никакие указания на то, что толпа мирная и поет «Боже, царя храни», не помогали. Полиция, очевидно, получившая определенное приказание, усердно делала свое дело. Особенно она охраняла министра иностранных дел Сазонова, около дома которого было два эскадрона конных жандармов, и австрийское посольство, к которому толпа и не думала направляться. Да и состояла толпа из серьезных и благонамеренных людей;

были офицеры, дамы общества, сенаторы, чиновники. Говорят даже, что полиция избила какого-то сенатора.

В тот же день происходил обед у министра иностранных дел Сазонова.

— Входя к вам, я был приятно поражен, — сказал я Сазонову: — я счастлив видеть, что наша дипломатия, наконец, стоит на правильной почве.

— Почему? — удивился Сазонов.

— Вы начали вооружаться на помощь славянам: у вас во дворе два эскадрона солдат.

На другой день в Думе был запрос по поводу избиения полицией манифестантов. Министр внутренних дел Маклаков дал совершенно неудовлетворительное об'яснение в извинение полиции, но два последующие дня повторили то же самое. Сам градоначальник Драчевский приехал в автомобиле разгонять толпу, которая пела: «Боже, царя храни». Из толпы ему начали кричать: «Поют гимн, извольте встать, встать». Он нехотя встал и приложил руку к козырьку. Настроение общества все-таки беспокоило министерство, и Сазонов решил дать кое-какие об'яснения. Он позвал членов Думы на «чашку чаю», причем разделил их на две категории: правых и левых, и принял в разные дни.

Раз'яснений [61] Сазонов в сущности никаких не дал, и только кадеты остались довольны, и газета «Речь» [62] его расхвалила.

VI

Интриги правых. — Бойкот Думы. — На открытии памятника Столыпину. — Епископ Агапит. — Предупреждения А. И. Гучкова.

С самого начала сессии в Думе стал чувствоваться разлад. Правительство было разочаровано, что, несмотря на все старания при выборах, Дума вышла не такого направления, как оно ожидало. Надеялись на большинство правых, этого не оказалось, и даже президиум был выбран левым большинством. Чем дальше шли события, тем более враждебным становилось правительство по отношению к Думе. Славянские манифестации, критика действий правительства, строгая отповедь Думы Сухомлинову [63] по поводу незаконного из-

менения устава Военно-медицинской академии [64], который даже сенат отказался распубликовать [65], — все это раздражало, и стали носиться упорные слухи о желании правительства «разогнать» Думу. Князь Мещерский [66] (издатель крайнего правого органа «Гражданин» [67]) писал громоносные статьи против Думы и ее председателя. Все знали, что его «Гражданин» единственная газета, которую читает государь, и можно было думать, что курс политики зависит от влияния этого оплаченного публициста. Все это очень удручало членов Думы. Со стороны правительства видно было желание если не активными действиями, то хотя бы измором убить Думу. Несмотря на громкие обещания внести новые законопроекты, правительство упорно ничего не делало, и на долю Думы оставались только запросы и бюджет. Причем даже справки, необходимые для бюджетной комиссии, и те задерживались министерствами. Члены Думы правого крыла, обиженные тем, что они оказались в меньшинстве, и негласно поддерживаемые правительством, стали интриговать против большинства Думы. Они собрались на заседание соединенных монархических организаций [68], на повестке которого первым номером стояло о необходимости разгона IV Думы. Это они старались сделать тайно, но, конечно, все стало известно, а повестка целиком была напечатана в «Вечернем времени» и в других газетах. Отсутствие крепкого сплоченного большинства в самой Думе, неопределенное положение, волнующее ожидание роспуска, бесплодная работа — на важнейшие запросы и законопроекты не было отклика в правительстве, — все это не могло не отражаться на настроении Думы.

На страстной неделе я поехал с докладом к государю. Встречен был, как всегда, любезно, но должен был сообщить много неприятных фактов. По поводу устава Военно-медицинской академии и запроса Думы указал на незакономерность действий военного министра Сухомлинова, который ответственность своего поступка свалил на высочайшую власть.

Я сказал:

— Вам неправильно доложили дело, ваше величество, дав вам подписать утверждение устава в порядке

верховного управления, тогда как по закону он должен был пройти через законодательные палаты.

Государь на это ничего не ответил.

По поводу действий полиции во время манифестации я сказал об оскорбленном народном чувстве и всеобщем недовольстве, которое не скоро забудется. Государь как будто бы соглашался, находя действия министра внутренних дел неосторожными.

Я сказал также и о внешней политике, о недовольстве всех тем, что русская дипломатия своей нерешительностью заставляет играть Россию унизительную роль. Я советовал действовать решительно. С одной стороны, двинуть войска на Эрзерум, с другой — итти на Константинополь. Я несколько раз повторял:

— Ваше величество, время еще не упущено. Надо воспользоваться всеобщим под'емом, проливы должны быть наши. Война будет встречена с радостью и поднимет престиж власти.

Государь упорно молчал.

Говоря об административном произволе, я рассказал подробно факт предания суду председателя черниговской губернской управы Савицкого, всеми уважаемого земского деятеля за побег политического арестанта. Его предал суду Н. А. Маклаков, в бытность свою черниговским губернатором. Цель этого предания суду более, чем ясна, так как по закону лица, находящиеся под следствием или судом, лишены, как активно, так и пассивно, избирательных прав, а бывший тогда губернатором Маклаков находился во враждебных отношениях с Савицким. Предлог для предания суду не может считаться основательным, так как был только побег из земской больницы политического арестанта. Если виноватым оказался не заведывающий палатой врач, а председатель управы, то по преемственности власти таким же образом можно считать виновником сначала губернатора, а затем и министров, тем более, что этот же Маклаков был тогда губернатором.

Государь на это заметил:

— Да, вы правы.

Под конец сессии Думы произошел небольшой инцидент, сам по себе неважный, но чреватый послед-

ствиями. Марков II [69] по поводу сметы министерства финансов вздумал сказать: «Красть нельзя». Председательствовавший князь Волконский не нашелся его своевременно остановить, а министр финансов Коковцов принял оскорбление на свой счет и об'явил, что Дума вся виновата, если не реагировала на слова депутата, и должна извиниться перед правительством и что «пока это не будет исполнено председателем Думы, министры не будут посещать Думу».

Дума решила, что она не ответственна за своего одного депутата, и я никаких извинений приносить не намеревался. Все это — и резкие слова правого депутата по отношению к правительству, и неожиданная обидчивость министров — похоже было на провокацию. Сначала над этим смеялись, но потом создалось невозможное положение: вследствие отсутствия министров, работа в комиссиях совершенно затормозилась. Для раз'яснения по бюджету приезжали даже не товарищи министров, а какие-то делопроизводители, и председатель бюджетной комиссии Алексеенко [70] отказывался их выслушивать.

При докладе в конце июня 1913 года в Петергофе после роспуска Думы я опять говорил государю о внешней политике, настаивал на решительных действиях, а потом сказал о министрах:

— Ваше величество, министры не являются в Думу, не желают принимать участия в законодательной работе. Ведь это может породить в народе несколько озорную мысль.

— Какую?

— Да ту, что можно и без них обойтись.

На это государь сказал:

— К осени они одумаются.

Осенью 1913 года мы отправились в Киев на торжества открытия памятника П. А.Столыпину. Характерно приэтом, что элементы, относившиеся враждеоно или недоброжелательно к Думе вообще, и в частности к ее председателю, воспользовались этой поездкой, чтобы высказать свое отрицательное к ним отношение. Так, например, мне было предоставлено в официальном поезде самое неудобное отделение. По приезде моем в

Киев никто меня не встретил, квартиры отведено не было, и местный губернатор позволил себе несколько неудобных и даже резких выходок. С другой стороны, широкие общественные круги наперерыв старались оказать представителям Думы подобающее внимание.

На закладке здания губернской земской управы у меня произошел с председателем Совета министров следующий разговор. Я подошел к Коковцеву, который стоял в стороне, и сказал ему:

— Ну что же, Владимир Николаевич, вы кончите бойкот Думы? Есть надежда, что вы осенью будете в Думе?

— Пока Дума не извинится — все мы решили туда не ездить.

— Я должен вам сказать, что на моем последнем докладе государь выразил надежду, что вы одумаетесь к осени.

Через несколько дней в газете «Русское слово»[71] появился этот разговор с явным желанием выставить меня в карикатурном виде. Тут же было сказано, что Коковцов в скором времени едет с докладом в Ливадию. Так как во время разговора с Коковцовым никого рядом не было, я понял, что напечатал это сам Коковцов. Цель его, вероятно, была та, чтобы отвезти эту вырезку государю императору и указать ему, как легко председатель Думы обращается со словами государя императора и даже позволяет себе печатать о них в довольно левой газете.

Прочитав эту заметку, я напечатал опровержение, в котором сказал, что разговор происходил с глазу на глаз и в совершенно других выражениях, а потому об авторе этой заметки сомнений быть не может.

По приезде в Киев мне был предоставлен порядок речей. Из членов Думы был назначен только Балашов. Поспешность, с которой был представлен этот список, обнаруживала желание помешать мне или кому-нибудь другому говорить речь. Оскорбленные октябристы решили не говорить речей, и Гучков, возлагавший венок, молча до земли поклонился памятнику. Это красноречивое молчание как-то еще больше выражало чувство скорби по поводу смерти Столыпина.

После киевских торжеств вместе с членами Думы, которые ехали осматривать пороги, в связи с предстоящей ассигновкой на шлюзование Днепра, я приехал на пароходе в Екатеринослав.

Население при остановке парохода приветствовало своих избранников, членов Гос. Думы. Так, например, в Кременчуге чуть ли не весь город пришел к пристани. Городской голова принес хлеб-соль и сказал прочувствованную речь. Такие встречи устраивались даже в селах, а представители сельских обществ приветствовали путешественников бесхитростными, но очень задушевными речами.

На рауте у екатеринославского губернского предводителя дворянства князя Урусова [72] у меня произошел интересный разговор с архиепископом Агапитом *.

При выборах в IV Думу Агапит принимал деятельное участие в агитации против октябристов, а после выборов с амвона произнес обличительную речь, в которой сказал:

— Кого выбираете? Октябрей христопродавцев!

На рауте я естественно избегал встреч с ним, но Агапит сам подошел и сказал:

Позвольте, Михаил Владимирович, вас благословить в знак примирения. Я знаю, что вы на меня сердитесь.

— Нет, владыко, от вас благословения не приму. Вы меня жестоко оскорбили во время выборов, а после называли нас даже «христопродавцами».

— Не вас, не лично вас, Михаил Владимирович, — вставил Агапит, прижимая руки к груди.

— Это безразлично: меня или тех, за кого я стою. Вы оскорбили октябристов, значит и меня. Хотя я, быть может, более православный, чем многие из ваших священников, особенно тех неучей, которым вы так щедро раздаете приходы. Вспомните, когда я приехал в Екатеринослав в прошлом году, я явился тотчас же к вам, уважая ваш сан. Право, вы сделали бы гораздо лучше,

---

* Этот епископ впоследствии, в дни революции, произнес на молебне слово Петлюре [73] после его вступления в Киев перед большевиками.

если бы бросили заниматься политикой. Ваше место в церкви, и вы должны любовью привлекать ее членов, как добрый пастырь, а не сеять раздоры, обличительными речами и указаниями священникам, кого они должны выбирать. Оставьте священникам быть пастырями. Чего вы этим достигли? Вы уничтожили последнее уважение, которое было к сану священника.

— Простите, Михаил Владимирович, — сказал смущенный Агапит.

— Вы можете говорить «простите», но я забыть не могу. Я не искал с вами встречи, вы сами подошли ко мне. Я сдерживал то, что во мне накипело, но теперь я молчать не могу. Я должен вам высказать все мое негодование. Вспомните, что вы говорили мне, когда я к вам явился. Я не просил вашей поддержки, вы сами уверяли меня, что вы считаете октябристов надежными православными людьми. Вы говорили мне и всем постоянно, что я ваш ставленник. А что же мы видим после выборов? Вы не можете отрицать, что духовенство было использовано против нас.

— Позвольте, Михаил Владимирович, — пробовал вставить Агапит.

Но я, сильно взволнованный, не дал ему говорить.

— Никто вас не заставлял высказывать свое мнение. Зачем было кривить душой, зачем до выборов говорить одно, а делать другое? Чего вы этим достигли? Вы только унизили свой сан, а также все духовенство в глазах избирателей.

Тут подали шампанское, и Агапит, взяв бокал, сказал:

— За ваше здоровье, Михаил Владимирович, и нашу следующую, более дружескую встречу.

— Я готов выпить за ваше здоровье, — сказал я, — а встретимся мы, должно быть, на том свете, и я могу с уверенностью сказать, что за те слова, которые я вам сказал сегодня, я богу не отвечу.

Мы чокнулись, и я отошел.

Во время разговора Агапит производил впечатление провинившегося школьника, который старается как-нибудь оправдаться перед старшими. О разговоре узнали в Екатеринославе. Большинство радовалось, что Ага-

питу «досталось» за его постыдную деятельность, некоторые же осуждали меня.

На другой день я поехал к князю Урусову извиниться, что резко говорил с его гостем в его доме, и очень был удивлен услышать от него, что Агапит, уезжая, благодарил хозяина особено за то, что ему удалось «так хорошо поговорить с Михаилом Владимировичем».

Результатом этого разговора было то, что назначение в епархии малограмотных священников резко приостановилось, и вообще все заметили, что Агапит стал гораздо скромнее.

По открытии Думы вновь возник вопрос о забастовке министров. Перед открытием я поехал к Харитонову [74], государственному контролеру, и тот посоветовал на открытие сессии министров не приглашать, так как они все равно не придут, и это создаст новый повод к недоразумению. Так и сделали. И министерская ложа блистала своей пустотой. Такое положение продолжалось неделю или две. Наконец, правительство поняло невыгодность своего положения и сделало шаг к примирению. Министры решили удовлетвориться извинением одного Маркова. Это дали понять Маркову, и он 1-го ноября в думском заседании в сжатой форме принес свои извинения, которые он читал по записке. Таким образом, инцидент был исчерпан. Дума сохранила свое достоинство, а министры стали еще менее популярны. Эта победа Думы особенно порадовала: перед тем ходили слухи, что правительство хочет Думу разогнать, и, так как об этом много писалось в «Гражданине», можно было думать, что это состоится. Незадолго перед тем Коковцов вернулся из-за границы, где он очень самоуверенно заявил французскому корреспонденту, что «в России за сто верст от столицы и за тридцать верст от уездных городов никто политикой не занимается». Это с насмешкой подхватили газеты, а, как бы в противовес заявлению Коковцова, на с'езде октябристов, который открылся 8 ноября в Петербурге, Гучков в блестящей речи обрисовал внешнее и внутреннее положение политики России. Он говорил о том, что надо одуматься, что Россия накануне второй революции и что положе-

ние очень серьезное и правительство неправильной своей политикой ведет Россию к гибели. В сущности речь Гучкова, напечатанная не вполне точно в газетах, была антидинастическая, и октябристам, как лойяльной партии, не следовало бы вставать на тот путь, на который ее толкал Гучков. На с'езде была принята следующая резолюция по отношению к думской фракции: «Парламентской фракции союза 17 октября, как его органу, наиболее вооруженному средствами воздействий, надлежит взять на себя неуклонную борьбу с вредным и опасным направлением правительственной политики и с теми явлениями произвола и нарушения закона, от которых ныне так тяжко страдает русская жизнь. В парламентской фракции должны быть использованы в полной мере все законные способы парламентской борьбы, как-то: свобода трибуны, право запросов, отклонение законопроектов и отказ кредитов».

На правительство эта резолюция произвела сильное впечатление до смешного. На другой же день были Думе представлены все материалы, которых нельзя было добиться от разных ведомств в течение года. Подоспело время выборов в президиум. Близкие люди меня уговаривали не итти председателем:

— Все равно царь вас не хочет слушать. В Думе большинства нет, положение шаткое, только бесконечная трепка нервов.

Но, к сожалению, обстоятельства так слагались, что отказаться было нельзя. Другого кандидата даже и не предлагали. Наконец, сочетание политических кон'юнктур было таково, что после моей вступительной речи отказ был бы равносилен отказу от намеченной цели — программы и поэтому был бы равносилен сдаче без боя позиций. Инициатор политического курса при открытии Думы уподобился бы капитану, бежавшему со своего корабля. В силу этих соображений я должен был согласиться и был избран огромным большинством, — 272 против 70, лучше всех предыдущих раз. Я сказал речь, которая хотя и была встречена аплодисментами, понравилась меньше прошлогодней, и сам я находил ее слабее и, главное, бесцветнее. Я колебался, надо ли, вообще, говорить речь и повторять ли то, что было

сказано в прошлом году. После выборов президиума в партии октябристов начался разлад: правое крыло на первом фракционном заседании под давлением правительства стало оспаривать резолюцию с'езда октябристов, даже порицало эту резолюцию. Среднее крыло решило, что оно принимает ее к сведению, а левое требовало принятия к руководству. Левые октябристы под давлением Гучкова устраивали районные совещания, центр не принимал в них участия. Они заявили, что не примыкают к правым октябристам и в то же время не желают слепо подчиняться указаниям Гучкова. Произошел раскол. Я созвал совещание и постарался склеить партию, но это не удалось. Левые вышли из фракции в числе 22 человек. Главные: Сергей Шидловский [75], Хомяков [76], Звегинцев [77], Годнев [78] и др. Было собрано второе совещание на квартире, чтобы спасти положение. Савич [79], Николай Шидловский [80], Алексеенко и я решили создать новую партию под названием «земцев-октябристов». В партии приняли решение отмежеваться от правых октябристов. Когда это узнали в Думе, явилась масса желающих, и скоро в нашей группе было 50 членов, а за время рождественских каникул записалось до 70. Этим счастливым исходом было создано вновь большинство партии, но вместе с тем явилась необходимость стать во главе этой партии энергичному человеку. Бывший председатель фракции в начале раскола не сумел сплотить партию и, когда все разразилось, поспешил уйти. Я стал подумывать о том, чтобы уйти из председателей Думы и стать во главе новой партии.

VII

Аудиенция 22/XII 1913 г. — Спор о покупке дредноутов за границей. — Встреча эскадры адмирала Битти [81]. — Гавань в Ганге.

По возвращении царя из Крыма я послал заявление о желании быть принятым для доклада, и 22 декабря 1913 года был принят царем. Необходимо было указать царю на отсутствие планомерности в действиях правительства: незадолго перед тем в Г. Совете Коковцов защищал один законопроект, в то время как Макла-

ков дал тайное распоряжение его провалить. Большая часть членов Г. Совета [82] по назначению не явились на заседание, а другая часть голосовала против законопроекта, и к большому удивлению Коковцова, который ничего не подозревал, законопроект этот провалился. Надо было обратить на это внимание государя, и на ближайшем докладе я обратился к нему с такими словами:

— Ваше величество, позвольте вам доложить, что у нас нет правительства.

— Как нет правительства?

— Мы привыкли думать так, что верховная власть в управлении часть своей власти делегирует министрам и членам Гос. Совета по назначению. Последние исполняют волю правительства и отстаивают ее в законодательном учреждении. Так привыкли думать мы, члены нижней палаты. Что же мы видим? В прошлую сессию рассматривался законопроект о допущении польского языка в школах в Привислинских губерниях. Воля вашего императорского величества была, чтобы язык этот был допущен с целью улучшить положение поляков, сравнительно с положением в Австрии, и тем привлечь их симпатию на сторону России.

— Да, это именно я имел в виду, — ответил государь.

— Мы так и понимали тогда и в этом смысле и разработали этот законопроект в Гос. Думе. Теперь этот законопроект проходит в Гос. Совете и представитель правительства в своей речи защищает эту точку зрения. Между тем члены Гос. Совета по назначению частью отсутствуют, частью голосуют против, и законопроект проваливается. Согласитесь, ваше величество, что члены правительства или не желают исполнять вашей воли или не дают себе труда ее понять. Население не знает, что делать. Министры — каждый имеет свое мнение. Большей частью кабинет разделен надвое, Государственный Совет — третье, Дума — четвертое, а вашего мнения страна не знает. Так нельзя продолжать, ваше величество, это не правительство, это анархия.

— Так что же мне делать? Я не могу влиять на свободу мнения членов Гос. Совета.

— В ваших руках, ваше величество, списки назначенных членов Гос. Совета. Измените эти списки, назначьте более либеральных, согласных с вашим мнением. Заставьте министров вас слушаться.

Этот разговор не имел действия. Списки членов Гос. Совета остались почти те же и, если были изменены, то как раз в обратном направлении.

На том же свидании я показал государю две вырезки: из «Колокола» — синодского официоза и из «Вечернего времени». В «Колоколе» было написано приблизительно следующее: «Благодаря святым старцам, направляющим внешнюю политику, мы избегали войны в прошлом году и должны благословить судьбу. Благодаря им, мы видим теперь назначение новых иерархов и будем надеяться, что и тут влияние старцев будет так же благотворно».

В «Вечернем времени» была отповедь «Колоколу» в том смысле, что руководство высшей политикой принадлежит верховной власти «и мы напоминаем «Колоколу», — писали там, — что ни о каких старцах речи быть не может. Руководство внешней политикой принадлежит верховной власти, а назначение иерархов тоже принадлежит государю».

Прочитав, государь сказал:

— Какие старцы... О каких старцах здесь говорится?

— Ваше величество, — ответил я, — старец на Руси есть один, и вы знаете, кто он. Он составляет горе и отчаяние всей России.

Государь промолчал.

— Ваше величество, у меня есть еще важное сообщение — вопрос государственной важности, который прямо не касается моего доклада, но который я очень хотел бы довести до вашего сведения.

— Я вас прошу говорить.

— В комиссии по военным и морским делам стало известно, что заводы Армстронга и Виккерса имеют пять сверхдредноутов, готовых для продажи, все за сто двадцать миллионов. Цена каждому из них на десять миллионов дешевле той, какую исчисляли в России. Если их купить, получилась бы экономия в пятьдесят

миллионов. Дредноуты были все очень хорошие и уже готовы или почти готовы, а при постройке в России подобных им прошли бы года. Министерство почему-то не хотело их покупать. В Думе очень волновались и возлагали большие надежды на доклад у государя.

Государь сказал:

— Да, но какое значение имеет покупка для Балтийского моря, если нам надо усилить Черное? Не можем же мы перевести их туда.

— Если немцы будут тревожить нас в Черном, мы будем тревожить их с севера и при дипломатических сношениях мы всегда можем напомнить им, что мы сильнее их в Балтийском море.

— Да, вы правы, — сказал государь. — Помните, в прошлом году, когда вы мне говорили про Балканский вопрос, ведь вы были правы. Тогда надо было действовать решительнее, проливы были бы наши теперь.

— Ваше величество, время еще не упущено. Если мы купим эти дредноуты, мы будем сильнее Германии, и тогда строительство наше пойдет без форсировки, мы улучшим старые корабли и в 1915 году будем обладать мощной эскадрой.

Государь, повидимому, заинтересовался, благодарил за сообщение и выразил желание непременно купить указанные корабли.

— Только не разрешайте обсуждать это морскому министерству, — сказал я при прощании. — Прикажите, ваше величество, прямо купить их, потому что министерство будет против.

— Почему?

— Да потому, ваше величество, что от этой покупки ничего к рукам не прилипнет.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ваше величество, не мне вам об'яснять. Вы лучше меня знаете...

— Да, это за нами водилось, я помню. Ну, а как же Дума? Ведь она распущена. Придется эту покупку провести по 87 статье [83], с Думой выйдут неприятности.

— Ваше величество, я вам ручаюсь, что Дума будет только аплодировать.

На другой день морской министр позвонил мне по телефону:

— Что вы наговорили во время доклада? Зачем меня экстренно требуют в Царское?

Я отклонил разговор по телефону и поехал к Григоровичу [84] сам.

Мы два часа кричали друг на друга, отстаивая каждый свою точку зрения, не замечая даже присутствия матроса, подававшего чай.

Вскоре после этого государь приказал созвать особое совещание из министров и высших чинов морского ведомства для обсуждения этой покупки. Совещание высказалось против покупки, и дело было отложено. Тем временем Турция, субсидируемая Германией, купила самый сильный дредноут из этих пяти, тот, который как раз подходил по типу к имеющимся у нас. Два дредноута усилиями Германии были заводами из'яты из продажи, а на два последние заводы повысили цену. В то время как высшие чины морского ведомства противились покупке, рядовые офицеры то-и-дело спрашивали: «Скоро ли состоится покупка?». Некоторые говорили: «Наш дед (морской министр) дурит. Убедите вы его в Думе».

В комиссии по военным и морским делам очень волновались результатами этих переговоров, и когда Григорович туда явился, его встретили во всеоружии. Я нарочно не пришел, чтобы он не думал, что комиссия действует под давлением председателя, но о ходе переговоров меня все время извещали пристава Думы. Представители всех партий оказались одного мнения, и все доводы Григоровича были разбиты с цифрами в руках. В особенности же его уничтожило то, что трудовики и социалисты убеждали в выгодности этого шага. Если тратить деньги на военные расходы, — говорили они, — то лучше сэкономить по 10 миллионов на каждом корабле».

Григоровичу ничего не оставалось более, как сказать, что он поддержит желание комиссии перед государем. Эти слова его были покрыты бурными аплодисментами. Он сдержал свое слово. Когда перед от'ездом на Пасху я был снова у государя, он сказал:

— Удивительно, морской министр сперва был против этой покупки, говорил, что могут выйти неприятности с Думой. Теперь оказывается, что Дума за покупку, и он сам поддерживает это мнение.

Григорович же просил передать мне:

— Скажите председателю Думы, что два дредноута будут куплены, и передайте также, что от этой покупки морскому министру не будет никакой личной выгоды.

Для покупки назначили адмирала Стеценко, на которого указывала Дума, известного своей неподкупной честностью.

Встретив меня на свадьбе князя Феликса Юсупова, Григорович сказал:

— Я надеюсь, что теперь вы нами довольны.

Общее впечатление зимой 1913 — 1914 года было такое, точно высшее петербургское общество вдруг прозрело. Всюду были разговоры о Распутине и всех он волновал. То, что в думской среде говорилось два года назад, докатилось и до придворных кругов. Такие люди, которые раньше строго молчали обо всем, даже известном им в царской семье, из чувства ли порядочности или просто уважения к своему государю, говорили теперь — некоторые со страхом, другие с отвращением, третьи с улыбкой — об этом человеке. Привожу здесь характерные рассказы о том, каким неограниченным влиянием пользовался Распутин. Однажды наследнику оказалось необходимым сделать небольшую операцию. Лейб-хирург Федоров приготовил нужное в операционной комнате Зимнего дворца, отправился звать наследника. Каков же был его ужас, когда он увидел, что все приготовленное, тщательно дезинфицированное им (бинты, перевязочный материал и т. д.), оказалось покрытым какой-то грязной принадлежностью туалета. На вопрос к своему помощнику, что это значит, он получил ответ, что приходил Григорий Ефимович, молился и крестился и покрыл все приготовленное к операции своей одеждой. Федоров отправился к государю с жалобой, но государь отнесся довольно снисходительно.

В продолжение весны вся сессия Думы прошла в борьбе с министром внутренних дел Маклаковым, ко-

торый, делая ряд незаконных распоряжений, назначил недостойных лиц в губернаторы, а в Царском приобретал все большее влияние. По сведениям из придворных сфер, он там разыгрывал роль шута. Рассказывал веселые анекдоты, передразнивал разных лиц, подражал звукам животных; перед великими княжнами изображал влюбленную пантеру, вообще, был там свой человек, а в обществе, как представитель власти, заслужил презрение. Сессия Думы продолжалась очень долго, до самого лета. Работа ее была значительно заторможена продолжавшимся бойкотом со стороны правительства.

В мае месяце члены комиссии по обороне отправились в Ревель для осмотра работ доков и укреплений. Это совпало с приездом в Петербург английской эскадры под командой адмирала Битти. В виду такого совпадения и неизбежности посещения членами Думы английской эскадры в Ревеле, что носило бы характер почетной встречи до приезда их в столицу, я испросил доклад у государя, чтобы осведомиться о его мнении, как в данном случае надлежит Думе поступить.

Государь нашел, что нам необходимо посетить эскадру в Ревеле, и дал свое разрешение на возможно предупредительные и любезные речи. Имея высочайшую санкцию, мы в довольно большом составе, причем в наличии был весь призидиум Думы, отправились на крейсере «Богатырь» под конвоем миноносца «Генерал Кондратенко» в Ревель и были встречены салютами русской эскадры и английской, причем адмирал Битти на броненосце «Lion» поднял русский национальный флаг в честь Гос. Думы. Немедленно же прибыл флаг-капитан адмирала с приглашением к завтраку на «Lion». Я решил свою приветственную речь сказать по-русски и просил переводить члена Думы Звегинцева.

Когда я окончил речь, адмирал Битти обратился к Звегинцеву с просьбой быть переводчиком его ответа. На что, как было условлено, Звегинцев сказал: «Это вовсе не нужно, так как председатель Думы понимает английскую речь и ею владеет».

На этот ответ адмирал Битти и все присутствующие командиры других судов и офицеры протянули:

«О, о, о, . . .», затем дали понять, что они оценили желание председателя Думы говорить англичанам на языке своей страны. Потом самые офицеры, показывая членам Думы свой великолепный корабль, говорили, что в виду неизбежного союза с Россией пора англичанам изучать русский язык.

После торжеств на английских судах и осмотра ревельских укреплений члены Думы предприняли поездку по шхерам с заходом в порт Ганге, а английская эскадра направилась в Петербург.

Присутствие в Ревеле целой депутации от Гос. Думы с председателем произвело на англичан большое впечатление. Они поняли это как особую любезность по отношению к ним. Об этом писали во всех газетах. В Германии же это произвело переполох. Ее обеспокоил визит англичан, а тем более присутствие в Ревеле народных представителей. Может быть это, а также приезд французов, ускорили об'явление войны. Говорят, Вильгельм сказал: «jetzt oder niemals». *

4 июня 1914 года газеты принесли известие, что Распутин убит. Какая-то уродливая безносая женщина подошла к нему в селе Покровском, Тобольской губернии, и «пырнула» его ножом в живот. Распутин послал в Царское телеграмму: «Какая-то стерва пырнула меня в живот ножом». Это сделала бывшая его поклонница. Она заявила, что хотела его убить за то, что он обманывал всех, за то, что он ложный пророк, что задумала это она сама и сообщников не имеет. В газетах писали, что благословил ее на это дело Илиодор, но она отрицала. Истеричная женщина на допросе то плакала, то была очень возбуждена. Газеты обрадовались случаю и опять начали писать о похождениях Распутина; вспоминали все старое, забытое. Писали, что выехал лейб-хирург Федоров, что поехали из Петербурга поклонницы, в том числе и Вырубова, что у Распутина началась агония. Однако, ликование оказалось преждевременным. Следующие известия были, что Распутин твердит: «Выживу, выживу». Ему действительно становилось лучше, и писать о нем прекратили.

---

* Теперь или никогда.

В результате он все-таки выжил.

Внимание было отвлечено приездом к нам гостей дружественных держав, моряков — англичан и французов. Их широко и гостеприимно принимали в Петербурге, и — пока офицеров и матросов кормили обедами — дипломаты сговаривались, и тройственное согласие превратилось, повидимому, в союз.

На возвратном пути из Ревеля группа членов Думы заехала по настоянию адмирала Эссена в Ганге, порт Финляндии против Ревеля. Там была устроена великолепно оборудованная гавань на случай большого десанта для немцев. Финляндцы об'яснили это, как сооружение для торговых судов, и говорили, что истратили десять миллионов марок. Однако, при осмотре становилось очевидным, что все это было сооружено для десанта. Окружающие же эту гавань выступы берега, на которых еще Петр Великий определил устроить форты, оставались неукрепленными.

Эссен просил об этом доложить государю, что я и сделал в своем докладе по окончании сессии. Государь ничего об этом не знал. Эссен говорил, что он, во всяком случае, если будет война, взорвет все эти сооружения. В первый же день об'явления войны он это и сделал.

VIII

Объявление войны. — Непорядки в Красном Кресте. — На Варшавском вокзале. — Сапоги для армии и министр Н. А. Маклаков. — Государь во Львове.

Австрийский престолонаследник,[85] глава военной партии, угнетатель славян в Боснии и Герцеговине, был убит 15 июня в Сараеве патриотом славянином. С ним вместе погибла и его жена. Австрия обвинила в том сербское правительство. После нот и ультиматумов вспыхнула война. Австрийцы перешли Дунай. Сербы покинули Белград и отступили в глубь страны.

Последние дни перед войной застали меня в Наугейме, где я лечился.

Вернувшись из-за границы, я узнал, что накануне несколько раз звонил по телефону военный министр

Сухомлинов, и, осведомившись, что меня ожидают в Петербурге с часа на час, просил немедленно ему позвонить, когда я приеду. Я вызвал к телефону военного министра. Генерал Сухомлинов заявил, что ему необходимо видеть меня немедленно, не взирая ни на какие обстоятельства, сам же он приехать не может, в виду массы дела. Я тотчас же отправился, и вот какой произошел разговор:

— Я вызвал вас к себе, — сказал Сухомлинов, — потому что нахожусь в безвыходном положении. Представьте себе, ужас какой. Государь император внезапно заколебался и приказал приостановить мобилизацию [86] военных округов, назначенных для действий против австрийцев. Чем об'яснить такое решение — я положительно не знаю. В случае настойчивого его повеления положение может стать катастрофическим. Все карточки и мобилизационные распоряжения уже разосланы на места. Вернуть их не представляется возможным, и всякая задержка в деле будет гибельна. Что делать? Посоветуйте...

— Я должен вам доложить, — ответил я министру, — что об'явление нам войны Германией совершенно неизбежно и, если произойдет малейшее замедление, то германцы перейдут границу без сопротивления. Проезжая через Вержболово, я уже видел по всей границе кордон германской кавалерии, одетый в защитный цвет и вполне готовый к военным действиям. Все это вы безотлагательно должны довести до сведения государя.

— А я, наоборот, требую, чтобы вы, Михаил Владимирович, немедленно испросили аудиенцию в Петергофе и лично доложили об этих обстоятельствах его величеству.

— Я с радостью готов это исполнить, но время не терпит, минуты терять нельзя, между тем процедура испрошения доклада длительная. Надо ехать вам и немедленно.

— Но я уже несколько раз и по телефону и лично об этом говорил. Ясно, что он мне не доверяет. Я положительно теряюсь, что делать?

Я посоветовал немедленно ехать к министру ино-

странных дел Сазонову. Мы застали его собирающимся в Петергоф. Повидимому, он ничего не знал о новых настроениях царя. Мы ознакомили Сазонова с обстоятельствами дела. Приэтом я просил официально Сазонова передать императору, что я, как глава народного представительства, категорически заявляю, что народ русский никогда не простит проволочку времени, которая вовлечет страну в роковые осложнения. Повидимому, доклад министра иностранных дел, подкрепленный вескими документами военного министра и председателя Думы, произвел надлежащее действие, и государь император отказался от своих настроений, преодолел их, и мобилизация не была остановлена и продолжала протекать в нормальном порядке.

Характерно здесь отметить, что слух о приостановке мобилизации произвел самое тяжелое впечатление среди войск петербургского гарнизона. Целый ряд офицеров посещали меня, требуя решительного ответа: будет ли отсрочка мобилизации или нет, причем настроение их к верхам власти было далеко не дружелюбное, и отказ от мобилизации несомненно грозил бы довольно опасными осложнениями.

В Петербурге происходили непрерывные манифестации. Обычно они направлялись к сербскому посольству, помещающемуся на Фурштадтской улице, против моей квартиры. Толпа ежедневно подходила и к моему под'езду и требовала, чтобы я выходил. Я выходил на балкон, а раз вечером, когда требования были очень настойчивыми, пришлось сойти вниз на улицу к толпе с некоторыми, бывшими у меня в то время, членами Думы. Меня просили встать на свободный автомобиль и сказать речь.

В день манифеста о войне с Германией огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы, государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем. Громовое «ура» наполнило дворец и прокатилось ответным эхом в толпе на площади. После молебствия государь вышел на балкон к народу, за ним императрица. Огромная

толпа заполнила всю площадь и прилегающие к ней улицы, и когда она увидела государя, ее словно пронизала электрическая искра, и громовое «ура» огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и славянство» склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед царем на колени. Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды зашикали, но шум толпы, несмолкавшее «ура», не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения царя с своим народом, потом повернулся и ушел в покои.

Выйдя из дворца на площадь, мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали и чуть ли не с оружием в руках пред'являли экономические и политические требования. Рабочие ответили:

— То было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут очень медленно. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему царю, как к нашему знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами.

26 июля 1914 года были созваны Гос. Дума и Гос. Совет. Перед занятиями государь принял их в Зимнем дворце. Поехали все, даже трудовики. Патриотическое чувство охватило всех и заставило забыть партии. В Николаевском зале собрались все министры и высшие чины Двора, весь Гос. Совет и Гос. Дума.

Государь вошел с главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем [87] и обратился со следующими словами:

— Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россией. Германия, а затем и Австрия об'явили войну России. Тот огромный под'ем патриотических чувств любви к родине и преданности престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах, и думаю, и в ваших — ручательством в том, что наша великая матушка Россия доведет ниспосланную богом войну до желанного конца. В этом же единодушном порыве

любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни своей, я черпаю возможность поддерживать свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее. Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных братьев-славян. И в нынешнюю минуту я с радостью вижу, что об'единение славян происходит также крепко и неразрывно со всей Россией. Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете мне перенести ниспосланные испытания и что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик бог земли русской!

— Ура! — пронеслось по залу.

Затем сказал речь исполняющий обязанности председателя Гос. Совета Голубев [88] (Акимов [89] был болен и вскоре умер). После него речь говорил я:

— Ваше императорское величество, с глубоким чувством и гордостью вся Россия внимала словам русского царя, призывающего свой народ к полному с ним единению в трудный час ниспосланных отечеству испытаний. Государь, Россия знает, что воля и мысли ваши всегда были направлены к дарованию стране условий спокойного существования и мирного труда и что любвеобильное сердце ваше стремилось к устойчивому миру во имя охраны дорогой вам жизни ваших подданных. Но пробил грозный час. От мала до велика все поняли значение и глубину развернувшихся исторических событий. Об'явлена угроза благополучию и целости государства, оскорблена народная честь, — а честь народная нам дороже жизни. Пришла пора явить всему миру, как грозен своим врагам русский народ, окруживший несокрушимою стеной своего венценосного вождя с твердой верой в небесный промысел. Государь, настала пора грозной борьбы во имя охраны государственного достоинства, борьбы за целость и неприкосновенность русской земли, и нет ни в ком из нас ни сомнений, ни колебаний. Призванное к государственной жизни по воле вашей, народное представительство ныне предстало перед вами. Гос. Дума, отражающая в себе единодушный порыв всех областей России и сплоченная одною об'единяющею всех мыслью, поручила мне сказать вам, государь, что народ ваш готов к борьбе за

честь и славу отечества. Без различия мнений, взглядов и убеждений Гос. Дума от лица русской земли спокойно и твердо говорит своему царю: «Дерзайте, государь, русский народ с вами и, твердо уповая на милость божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство России не будет ограждено».

У государя были слезы на глазах. Он ответил:

— Сердечно благодарю вас, господа, за проявленные вами патриотические чувства, в которых я никогда не сомневался и проявленные в такую минуты на деле. От всей души желаю вам всякого успеха. С нами бог.

Государь перекрестился, за ним все присутствующие и запели: «Спаси, господи, люди твоя».

Под'ем был необычайный. Великий князь Николай Николаевич подошел ко мне, обнял меня и сказал:

— Ну, Родзянко, теперь я тебе друг по гроб. Все для Думы сделаю. Скажи, что надо.

Я воспользовался этим и попросил возобновить газету «Речь», которую великий князь распорядился закрыть за антипатриотические статьи против Сербии.

— Милюков наглупил, — сказал я, — и сам не рад. Возьмите с него слово, и он изменит направление. А газеты теперь нам так будут нужны.

На другой день «Речь» была открыта, и орган Милюкова во время войны поддерживал национальное направление.

После приема во дворце депутаты отправились в Таврический дворец. Там был сперва молебен, затем заседание, на котором присутствовали все министры и дипломаты дружественных держав. Хоры были набиты публикой. *

---

* Речь председателя Г. Думы: „Государю императору благоугодно было в трудный час, переживаемый отечеством, созвать Гос. Думу во имя единения русского царя с верным ему народом. Гос. Дума ответила своему государю на его призыв на сегодняшнем высочайшем приеме. Мы все знаем хорошо, что Россия не желала войны, что русский народ чужд завоевательных стремлений, но самой судьбе угодно было втянуть нас в военные действия. Жребий брошен, и во весь рост встал перед нами вопрос об охране целости и единства государства. В этом небывалом еще в мировой истории стремительном круговороте событий отрадно видеть то величие и преисполненное

После председателя Думы говорил председатель Совета министров Горемыкин, потом министр иностранных дел Сазонов. Ему устроили овацию, видимо сильно его взволновавшую. Он долго не мог начать свою великолепную речь. Говорят, ее написал князь Г. Н. Трубецкой.

Сазонов закончил речь со слезами в голосе, и опять его бурно приветствовала вся Дума, встав со своих мест.

За ним министр финансов Барк[90] доложил Думе о блестящем состоянии финансов. Хранившиеся в Берлине деньги были во-время вывезены. Это заявление было встречено большим одобрением.

После министров говорили депутаты всех партий и национальностей. Все слилось в одном крике: постоять за целость и достоинство родины. Особенно сильна была речь латыша, который заявил:

— Неприятель в каждой нашей хижине найдет своего злейшего врага, которому он может отрубить голову, но и от умирающего он услышит: «Да здравствует Россия».

В день выступления Преображенского полка у Преображенского собора на площади днем был молебен

достоинства спокойствие, которое охватило всех без исключения и которое ярко подчеркивает перед всем миром величавую силу русского духа. Спокойно и без задора мы можем сказать нападающим на нас: „Руки прочь! Не дерзайте касаться нашей святой Руси". Народ наш миролюбив и добр, но страшен и могуч, когда вынужден за себя постоять. „Смотрите, — можем мы сказать, — вы думали, что нас разделяют раздор и вражда, а, между тем, все народы, населяющие Россию, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда".

„И не повесит головы в унынии русский богатырь, какие бы испытания ни пришлось ему переживать. Все вынесут его могучие плечи, и, отразив врага, вновь засияет миром, счастьем и довольством единая, нераздельная родина во всем блеске своего несокрушимого величия. Гг. члены Гос. Думы! В этот час наши мысли и пожелания там, на границах наших, где бестрепетно идет в бой наша доблестная армия, наш славный флот. Мы мысленно там, где наши дети и братья с присущей им доблестью защищают наше отечественное величие. Помоги им, всевышний господь, укрепи их и защити, а наши горячие пожелания успеха и славы будут всегда с ними, нашими героями. Мы, оставшиеся дома, должны работать, не покладая рук, в деле обеспечения оставшихся без своих кормильцев семей, и пусть в армии нашей знают, что не только на словах, но и на деле мы не допустим их до нужды".

для всего войска. Картина была величественная. В соборе не хватало мест, и полк был выстроен на площади в виде каре. Преображенцы выглядели молодцами. Когда полк проходил в казармы, толпа перед ним снимала шапки. На проводах на вокзале каждый вагон встречали криками «ура». С таким же под'емом провожали и другие части.

После исторического заседания 26 июля[91] Дума была распущена.

После первых боев начали приходить известия с фронта о возмутительной постановке санитарного дела по доставке раненых с фронта. Неразбериха была полная. В Москву приходили товарные поезда, где лежали раненые без соломы, часто без одежды, плохо перевязанные, не кормленные несколько дней. В то же время из отрядов Елизаветинской общины моя жена, попечительница ее, получала известия, что такие поезда проходят мимо их отряда и даже стоят на станциях, а сестер в вагоны не пускают, а стоят они без дела, не развернувшись. Между военным ведомством и ведомством Красного Креста было соревнование. Каждое ведомство действовало самостоятельно, и не было согласованности.

Всех хуже была подача первой помощи у военного ведомства: не было ни повозок, ни лошадей, ни перевязочных средств, а между тем другие организации вперед не пускались. Не было другого выхода, как довести все это до сведения в. к. Николая Николаевича. Я отправил ему письмо, в котором указывал на следующее: всеобщий патриотический под'ем вызвал к жизни целый ряд добровольных санитарных организаций. Но эти добровольные организации становятся как бы на дороге пресловутым начинаниям военно-санитарного ведомства с Евдокимовым во главе. Чувствуя, что добровольные организации значительно выше по своим качествам, но не желая в этом сознаться, он принимает давно излюбленный прием проволочек, задержек и тормозов. Между тем, раненые ждать не могут, их надо перевязывать и лечить, надо снабжать наступающие в боевой линии части войск летучими отрядами и перевязочными средствами. Терять времени невозможно.

Так как соглашения между военно-санитарным ведомством и добровольческими организациями быть не может, то необходимо возглавить всю санитарную часть армии и тыла одним лицом с диктаторскими правами, которому и поручить привести дело в надлежащий порядок.

Одновременно я поехал к императрице Марии Федоровне на Елагин остров и рассказал ей, как обстоит дело. Она пришла в ужас.

— Скажите мне, что же нужно сделать? — спросила императрица.

Я посоветовал послать телеграмму Николаю Николаевичу с просьбой заставить начальника военно-санитарной части Евдокимова упорядочить дело и приказать ему допускать к делу организации Красного Креста, которые он систематически отстранял от работы на фронте. Императрица тотчас попросила от ее имени написать телеграмму. В результате предпринятых шагов была получена от в. к. Николая Николаевича телеграмма, а затем письмо, в котором он извещал, что вполне согласен с председателем Думы и что примет меры. Вскоре после этого Евдокимов был вызван в Ставку, а затем верховным начальником санитарно-эвакуационной части был назначен принц Александр Петрович Ольденбургский [92] с диктаторскими правами.

В. к. Николай Николаевич писал мне, что на удалении Евдокимова он давно настаивал, но его не удалили, потому что он пользовался расположением Сухомлинова и императрицы Александры Федоровны, которые убедили государя оставить его на месте. Говорили, что императрица Александра Федоровна настаивала на этом только потому, что желала сделать наперекор императрице Марии Федоровне.

Когда после открытия военных действий выяснилось, что молодая императрица не у дел, был созван верховный совет исключительно в тех видах, чтобы Александре Федоровне дать видное положение в общих работах для войны. Состав совета получился чрезвычайно громоздкий. Председателем была императрица, но председательствующий в заседаниях был председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, и поэтому в ведении

дела получалась ни с чем несообразная двойственность. Горемыкин старался угадать желание императрицы, а императрица в сущности не знала, что ей надо делать. Главный источник деятельности совета — денежные средства — как бы висел в воздухе, потому что законных ассигновок не имелось, и средства должны были назначаться из военного фонда, который, в свою очередь, находился в распоряжении Совета министров.

Участники совета с первых же заседаний поняли, что обсуждение вопросов будет носить чисто платонический характер и разрешение их будет зависеть, в конце концов, от каких-то других учреждений при полной неясности и неизвестности, как к этим вопросам учреждения будут относиться. Поэтому заседания носили чисто формальный характер, всех тяготили, а присутствие императрицы производило леденящее впечатление.

Вскоре после моего приезда в Варшаву в ноябре 1914 года приехал ко мне уполномоченный земского союза Вырубов и предложил посетить Варшаво-Венский вокзал, где находилось около восемнадцати тысяч раненых в боях под Лодзью и Березинами [93]. На вокзале мы застали потрясающую картину; на перронах в грязи, слякоти и холоде под дождем, лежало на полу, даже без соломы, невероятное количество раненых, которые оглашали воздух раздирающими душу стонами и жалобно просили: «Ради бога, прикажите перевязать нас, мы пятый день не перевязаны». Надобно приэтом сказать, что после кровопролитных боев эти раненые были привезены в полном беспорядке в товарных вагонах и брошены на Варшавско-Венском вокзале без помощи. Единственные медицинские силы, которые обслуживали этих несчастных, были варшавские врачи, подкрепленные добровольными сестрами милосердия. Это был отряд польского общества в составе около пятнадцати человек. Нельзя не отозваться с восторгом о самоотверженной деятельности этих истинных друзей человека. Я не помню их фамилий, но от души желал бы, чтобы моя сердечная благодарность русского человека достигла до них, как доказательство сердечного к ним уважения и восхищения. В момент моего приезда на

вокзал эти почтенные люди работали третьи сутки подряд без перерыва и отдыха. Глубоко возмущенный таким положением раненых воинов, я немедленно вызвал по телефону начальника санитарной части Данилова и уполномоченного по Красному кресту генерала Волкова. Когда эти лица явились, то мы с ними и Рыбовым стали обсуждать, как выйти из такого трагического и ужасного положения. Генерал Данилов, как и генерал Волков заявили категорически, что у них никаких медицинских сил нет, а между тем при посещении мною одного лазарета Кр. Креста я видел совершенно свободных от дела шесть врачей и около тридцати сестер милосердия. На мое указание, что они должны быть немедленно обращены в дело, генерал Данилов категорически заявил, что он этого сделать не может, так как этот персонал предназначен для обслуживания формирующихся санитарных поездов. И это говорилось, когда на перроне лежало около восемнадцати тысяч страдальцев. Я потребовал от генерала Данилова, чтобы он немедленно озаботился формированием поездов-теплушек для эвакуации раненых с вокзала. Данилов заявил, что он сделать этого не может, так как по распоряжению верховного начальника санитарной части раненые должны следовать внутрь страны не иначе, как в санитарных поездах, которых у него имеется около восьми. Возмущенный таким бездушным отношением к участи измученных людей, я пригрозил, что буду телеграфировать принцу Ольденбургскому о творящемся безобразии и буду требовать, чтобы начальствующие лица были преданы суду и отрешены от должности за преступное бездействие. Страх перед принцем был так велик, что угроза моя подействовала, и они энергично принялись за дело. Нашлись свободные врачи и сестры, и в течение 2 — 3 дней все раненые были перевязаны и вывезены в тыл.

Вот какие порядки царили в военно-санитарном ведомстве во время боевых действий.

В Варшаве я побывал у генерала Рузского [94]. Главнокомандующий производил самое приятное впечатление. Удивительно скромный, почти застенчивый. Я в разговоре назвал его народным героем и сказал, что

счел долгом явиться к нему по приезде в Варшаву. Он страшно смутился, замахал руками:

— Да, что вы... при чем тут я?

Из Варшавы я испросил у в. к. Николая Николаевича разрешения приехать в Ставку. Мне хотелось довести до сведения главнокомандующего то, что я видел и слышал в Варшаве. Генерал Рузский жаловался в разговоре на недостаток в снарядах [95] и дурное обмундирование; особенно плохо обстояло дело с сапогами. На Карпатах солдаты сражались босиком, и уполномоченный земского союза просил об этом похлопотать. Рузский говорил, что отсутствие снарядов создает чрезвычайно тяжелое положение: чтобы удержаться, приходится искусно маневрировать.

Госпитали и лазареты Кр. Креста, которые пришлось видеть, оказались на высоте. Скверно было только в военных госпиталях: там постановка была небрежной, чувствовался недостаток в перевязочных средствах, а главное — не было согласованности между ведомствами. Чтобы дойти на фронте от военных госпиталей до госпиталей Кр. Креста, иногда приходилось тащиться пешком десять и больше верст, негде было даже нанять телеги, так как жители либо бежали, либо были разорены.

Принял великий князь меня любезно, сказал, что он должен ехать в Брест на совет командующих армиями, и предложил проехать туда с ним. Мое предложение о приспособлении арб, наложенных сеном, для перевозки раненых встретило полное сочувствие, и через несколько дней в нашей губернии уже шла реквизиция, и арбы и лошади поехали на фронт.

Вообще, великий князь очень охотно выслушивал все, что я говорил ему, а в заключение просил приезжать почаще и обо всем его осведомлять. Когда зашла речь о Распутине, я передал ему петроградские слухи. Говорили, что Распутин хотел приехать в Ставку и запросил телеграммой и будто бы Николай Николаевич ответил:

«Приезжай — повешу».

На вопрос, правда ли это, великий князь засмеялся и сказал:

— Ну, это не совсем так.

По его ответу было ясно, что что-то в этом роде имело место.

Великий князь жаловался на пагубное влияние императрицы Александры Федоровны. Он откровенно говорил, что она всему очень мешает. В Ставке государь бывает со всем согласен, а приехав к ней, меняет свое решение. Он сознавал, что императрица его ненавидит и определенно желает его удаления. Он говорил о Сухомлинове, которому он не доверяет и который старается влиять на решение государя. Великий князь сказал, что его вынуждает к временной остановке военных действий отсутствие снарядов, а также недостача сапог для армии.

— Вот вы имеете влияние, — заметил великий князь, — вам доверяют. Устройте мне, как можно скорее, поставку сапог для армии.

Я ответил, что это можно устроить, если привлечь к работе земства и общественные организации. Материала в России много, рабочих рук также, но в одной губернии кожи, а в другой дратва, подметки, гвозди, а еще в какой-нибудь — дешевые рабочие руки, кустари-сапожники. Лучше всего было бы созвать с'езд председателей губернских земских управ и с их помощью наладить дело. Великий князь отнесся к этому очень сочувственно.

Вернувшись в Петроград, я был в организационном комитете Думы и расспрашивал членов Думы, как по их мнению лучше наладить доставку сапог. Обсудив, решили циркулярно запросить председателей управ и городских голов. Это было скоро сделано, и сразу посыпались благоприятные ответы. Так как возможно было ожидать противодействия со стороны правительства к созыву такого с'езда, то я решил об'ехать и поговорить с некоторыми министрами в отдельности. Кривошеин [96], Сухомлинов и Горемыкин отнеслись к идее с'езда сочувственно и обещали поддержать мое предложение в Совете министров. Свидание же с министром Маклаковым вышло весьма оригинальным. На мое заявление, что главнокомандующий поручил спешно заняться поставкой сапог для армии при посредстве

земств и созвать для этого в Петрограде председателей городских и земских управ, Маклаков сказал:

— Да, да, то, что вы говорите, вполне совпадает с имеющимися агентурными сведениями.

— С какими сведениями?

— По моим агентурным сведениям под видом с'езда для нужд армии будут обсуждать политическое положение в стране и требовать конституции...

Это заявление министра было до того неожиданно и нелепо, что я даже привскочил в кресле и резко ему ответил:

— Вы с ума сошли... Какое право вы имеете так оскорблять меня? Чтобы я, председатель Гос. Думы, прикрываясь в такое время нуждами войны, стал созывать с'езд для поддержки каких-то революционных проявлений!? Кроме того, вы вообще ошибаетесь, потому что конституция у нас уже есть...

Маклаков, видимо, опешил и стал сглаживать:

— Вы, Михаил Владимирович, пожалуйста, не принимайте это за личную обиду, во всяком случае без Совета министров я не мог дать разрешения на такой с'езд и внесу этот вопрос на ближайшее заседание.

Я сообщил Маклакову, что некоторые из министров обещали поддержать мое ходатайство, и ушел от него возмущенный и расстроенный.

О с'езде были уже разговоры с членами Думы, и неофициально многие из председателей управ были уже извещены о желании главнокомандующего привлечь земства к работе на армию. Многие тотчас же откликнулись. Прислали нужные сведения, а некоторые, не дожидаясь приглашения, сами приехали в Петроград. Затем стали поступать ответы из земств, что заказы уже даны кустарям и мастерским, скупаются кожи и что работа идет во-всю. Одно из земств в виду недостатка дубильных веществ послало своего человека в Аргентину. Даже некоторые из губернаторов и те откликнулись и писали, что вполне сочувствуют привлечению земств к военным поставкам. Министр Маклаков и тут постарался мешать, как мог. Он распорядился, чтобы заказы шли через губернатора, что возмутило общественные круги и затормозило дело. В то же время Ма-

клаков издал знаменитый приказ [97], в котором запрещалось вывозить продукты из одной губернии в другую. Это уже совершенно стесняло и нарушало план использования продуктов и возможностей различных губерний. Через несколько дней я получил письмо от Маклакова, в котором председатель Думы извещался, что его предложение о созыве с'езда Советом министров отклонено, и что дело поставки сапог передано главному интенданту Шуваеву [98], который и должен входить в сношения с земствами и городами. На другой же день является Шуваев и откровенно заявляет, что он не может этим заняться, что никогда с земствами дела не вел и что, по его мнению, земства не отнесутся с достаточным доверием к интендантству и не станут с ним непосредственно работать. Шуваев просил как-нибудь помочь ему. Я откровенно ему ответил, что раз Совет министров находит, что мне нельзя поручать этого дела, мне остается вовсе от него отказаться.

Вскоре после этого у меня был Горемыкин для обсуждения вопросов о созыве Думы. Я напомнил ему в разговоре о его обещании поддержать предложение о земском с'езде.

— Какой с'езд? — удивился Горемыкин, — ничего такого мы вовсе не обсуждали в Совете...

Я показал Горемыкину письмо Маклакова. Он прочел с большим изумлением и опять повторил, что вопрос в Совете министров вовсе не обсуждался, а про Маклакова он заметил: «Il a menti comme toujours *.

Несмотря на противодействия правительства, земства продолжали работать. Шуваев получал готовые партии сапог, а к распоряжениям Маклакова относился с презрением и возмущением. Особенно раздражало всех запрещение вывозить из губернии в губернию. Благодаря этой мере, в одних местах получался избыток продуктов, а в других недостаток, а случалось и так, что помещики, имевшие имения в разных губерниях, не могли перевозить для посева собственное зерно.

Когда я докладывал об этих обстоятельствах госу-

---

* Он солгал, как всегда.

дарю, он выслушал, но, повидимому, не обратил особого внимания. Я спросил государя, как он смотрит на мои посещения Ставки, не находит ли он их неуместными. Государь сказал, что он знает, что великий князь очень ценит меня и что он лично будет рад, если я буду чаще ездить в Ставку. На этот раз государь было очень любезен. Я просил ускорить созыв Думы и рассказал государю содержание письма Маклакова и о его неосновательных подозрениях против земств.

Дума была созвана для обсуждения бюджета, но первое же заседание вылилось в историческую манифестацию, как и в первые дни войны. Не приняли участия в манифестации только крайние левые и странное молчание хранили прибалтийские и другие думские немцы. Незадолго до созыва Думы было арестовано несколько социал-демократов, в том числе четыре члена Думы.[99] Было обнаружено, что они пропагандировали против войны, и даже найдены были документы, доказывающие, что один из них открыто писал, что для России было бы благо, если бы победила Германия. Социал-демократическая фракция собиралась по этому поводу внести запрос правительству. Если бы они это сделали, цельность заседания была бы нарушена, и вообще это произвело бы нехорошее впечатление. Для запроса требовалось не менее тридцати подписей, а у левых такого количества депутатов не было, и внесение запроса зависело от того, дадут ли подписи кадеты, как это они делали во многих других случаях. Однако, кадеты подписей не дали, и все обошлось благополучно. Милюков произнес прекрасную патриотическую речь, упомянув о только-что убитом на войне члене их партии Колюбакине,[100] и сказал это так тепло, что память погибшего Колюбакина почтила вставанием не только вся Дума; но и члены правительства.

После председателя Думы говорили Горемыкин и Сазонов. Оба они указывали на то, что чаяние победы переходит в уверенность, что мы прочно завоевали Галицию и убедились на деле, что в боевом отношении хорошо подготовлены к войне. Горемыкин упомянул, что жизнь выдвинула целый ряд вопросов внутреннего характера, которыми придется заняться, однако,

только после войны. Военный министр Сухомлинов заявил, что армия обеспечена боевым снаряжением и что к марту месяцу снарядов и ружей будет в избытке. Так как с фронта приходили известия, что снарядов не хватает, то слова военного министра и его категорические заявления многих успокоили.

Вскоре после этого заседания, в феврале, появилось сообщение верховного главнокомандующего о том, что повешен полковник Мясоедов с соучастниками.[101] Всем было известно, что Мясоедов в дружеских отношениях с военным министром и часто у него бывает. Первую нашу неудачу под Сольдау[102] после этого многие склонны были приписать участию в катастрофе Мясоедова. Доверие к Сухомлинову окончательно подрывалось, говорили даже об измене. Непоколебимой оставалась только вера в верховного главнокомандующего в. к. Николая Николаевича. В связи с повешением Мясоедова вспомнили о разоблачениях, которые еще в третьей Думе делал Гучков, обвиняя Сухомлинова и Мясоедова. Гучков тогда указывал на несомненную связь между Сухомлиновым и Мясоедовым и некиим Альтшуллером, австрийским тайным агентом. Этот Альтшуллер вместе с Мясоедовым стоял во главе фирмы, через которую при посредстве Сухомлинова делались артиллерийские поставки на армию. Роль Альтшуллера и Мясоедова вскрыл генерал Н. И. Иванов.[103] В то же время Гучков ставил в вину Сухомлинову, что он устроил тайный надзор за офицерами и поручил это Мясоедову. Несмотря, однако, на возрастающее возмущение против Сухомлинова государь продолжал выражать ему свое благоволение.

На фронте в течение зимы мы продвигались в Галицию. С неимоверными трудностями войска преодолевали Карпатские горы и спускались в Венгерскую долину. 9 марта пал Перемышль. Без штурма, почти без боя. Генерал Селиванов,[104] отчаявшийся взять Перемышль, собирался было снимать осаду, но неожиданно, чуть ли не в тот же день, когда собирались уходить, Перемышль сдался. Там мы взяли 117 тысяч пленных. Оказалось, что в крепости нехватало продовольствия и что славяне враждовали с венграми. Кусманеку, комен-

данту крепости, запертые в Перемышле солдаты грозили смертью. Он приказал делать вылазку и итти на прорыв. Послушалась только часть — венгерские полки. Попытка их, однако, не удалась, и большинство из них бежало обратно в крепость. Говорят, что Кусманек аэропланом запрашивал Вену и ему разрешили сдаться. После взятия Перемышля в. к. Николай Николаевич получил бриллиантовую шпагу с надписью: «За завоевание Червонной Руси».

В начале апреля, желая проверить сведения, доходившие с фронта до членов Думы, я решил поехать в Галицию. Мне удалось побывать на фронте до самого Дунайца в армиях Радко-Дмитриева, Лечицкого [105] и Брусилова. [106] Везде сведения сходились на одном главном: что в армиях нехватало снарядов. На это жаловался еще осенью 1914 года генерал Рузский. Когда я потом передал о разговоре с Рузским в Ставке, великий князь успокоил, заявив, что это временная заминка и что через две недели снаряды поступят в большом количестве. Теперь повторялись те же самые жалобы. Генералы были в отчаянии и просили помочь. Поездку эту я совершил в сопровождении моей жены, ее сестры и Я. В. Глинки, который вел записи при об'езде фронта. В поезде с нами ехала в. к. Ксения Александровна. На вокзале во Львове мы увидели группу каких-то людей, штатских, повидимому кого-то ожидавших.

Здесь же стоял и в. к. Александр Михайлович, встречавший свою жену. Мы вышли из вагона, а когда группа штатских приблизилась к нам, то мы естественно уступили место великокняжеской чете, предполагая, что это их встречают. Произошло замешательство. Затем из группы штатских выделился пожилой человек, обратившийся ко мне с приветствием. Оказалось, что это галицийские общественные деятели во главе с Дудыкевичем, явившиеся встретить председателя русской Государственной Думы. (Упоминаю об этой встрече, потому что министр Н. А. Маклаков умудрился изобразить государю и эту скромную встречу и все мое пребывание в Галиции в совершенно превратном свете).

Красивый, веселый Львов, весь в зелени, производил отрадное впечатление. Чистые улицы, оживленная

толпа, русские военные и даже городовые на углах — все это не говорило о завоеванном крае. Казалось, что мы у себя, среди друзей, где незаметно враждебного отношения и где даже крестьяне по своей одежде и говору напоминали наших хохлов.

Перемышль — последнее слово военной науки, где природные условия дополнялись чудом фортификации: казалось, что взять его было нельзя и только предательство Кусманека помогло сдаче крепости. Множество орудий стояли рядами по пути к крепости и в самой крепости. В земском союзе, где мы остановились, рассказывали много интересного про первые дни «нашего» Перемышля. Население и войска в нем голодали, в госпиталях больных оставляли без помощи, а после занятия крепости мы нашли большие запасы муки, картофеля и мяса. У Кусманека была прекрасная ферма из ста коров, которая перешла в ведение земского союза.

Вернувшись во Львов, мы узнали, что через два дня ожидается приезд государя [107] и в. к. Николая Николаевича. Им готовили торжественную встречу, строили арки, украшали город гирляндами и флагами. Мне это посещение казалось несвоевременным, и я в душе осуждал в. к. Николая Николаевича.

В день высочайшего приезда все собрались во временном соборе. На улицах стояли шпалерами войска и толпы народа, и «ура» перекатывалось и усиливалось по мере приближения царского поезда. После молебна архиепископ Евлогий произнес трогательную речь, все чувствовали себя умиленными и верили в нашу окончательную победу. В тот же день был обед. После обеда государь подошел ко мне и сказал:

— Думали ли вы, что когда-нибудь встретимся с вами во Львове?

— Нет, ваше величество, я не думал и при настоящих условиях очень сожалею, что вы, государь, решились предпринять поездку в Галицию.

— Почему?

— Да потому, что недели через три Львов, вероятно, будет взят обратно немцами, и нашей армии придется очистить занятые ею позиции.

— Вы, Михаил Владимирович, всегда меня пугаете и говорите неприятные вещи.

— Я, ваше величество, не осмелился бы говорить неправду. Я был на фронте и удивляюсь верховному главнокомандующему, как он допустил, чтобы вы приехали сюда при теперешнем положении вещей. Земля, на которую вступил русский монарх, не может быть дешево отдана обратно: на ней будут пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не можем...

После обеда государь выходил на балкон, говорил с народом, упоминая о старых исконных русских землях. Толпа кричала «ура», дамы махали платками. На другой день царь с великим князем поехали в Перемышль.

Через неделю жена и сестра вернулись в Петроград, а я с сыном поехал по фронту и по учреждениям Красного Креста. Однако, не успели мы вернуться во Львов, как началось наше катастрофическое отступление. Подтвердилось то, что предсказывал мой сын, и все серьезные военные: недостаток снаряжения сводил на-нет все наши победы, всю пролитую кровь.

Сын Николай со своим отрядом, прикомандированный к дивизии Корнилова,[108] был окружен, но, благодаря знанию местности, выбрался и вывез до Сана не только отряд и раненых, но и часть обозов и боевых припасов. За это дело он получил Владимира с мечами. Корнилов не хотел оставить своей дивизии, которая растянулась на двадцать верст; он настоял на том, чтобы санитарный отряд уходил, а сам поехал к отставшим полкам, был ранен, окружен и с частью дивизии оказался в плену.

IX

В Ставке после отступления. — Проект Особого Совещания по обороне. — На съезде промышленников. — Николай II и Н. Маклаков. — Архангельский порт. — В. к. Сергей Михайлович.

На возвратном пути из Галиции я заехал в Ставку, чтобы передать главнокомандующему свои впечатления. Великий князь показался мне совершенно другим: насколько при поездке он был умилен бодрым видом

войск, устройством тыла, санитарией, интендантством и уверенностью всех в победе, настолько удручающе действовали на него недостатки командного состава, бездарность планов Иванова и, главным образом, плохое снабжение армии патронами, снарядами и ружьями. В Ставке настроение было подавленное. Великий князь сознавал, что план Иванова на Карпатах не удался. Радко-Дмитриев был поставлен в тяжелые условия. На пути его отступления нигде не было приготовлено укрепленных позиций, отказ прислать ему своевременно помощь (по общему голосу в этом был виноват Владимир Драгомиров,[109] враждовавший с Радко), растянутость фронта с недостаточным количеством войск вместе с отсутствием снарядов сделали его положение безвыходным. Третья армия должна была отступить за Сан и отдать всю западную часть Галиции, завоеванную ценою стольких жертв.

В такие минуты было не до церемоний, и я счел за необходимость говорить великому князю чистую правду.

— Ваше высочество, вы губите даром народ и должны требовать от артиллерийского ведомства совершенно точный отчет, что у него готово и в каком количестве они могут давать вам снабжение: до сих пор все их обещания не исполнены:

На это великий князь ответил:

— Я ничего не могу добиться от артиллерийского ведомства. Мое положение, вообще, крайне затруднено: государя восстанавливают против меня.

Великий князь жаловался на влияние министра Маклакова, благодаря которому не удалась его попытка проверить деятельность казенных заводов. Великий князь убедил государя назначить Литвинова-Фалинского (директор департамента промышленности и старший фабричный инспектор) обревизовать заводы, работавшие на нужды войны. Государь в Ставке с этим согласился и подписал назначение, но, приехав в Петроград, изменил свое решение; Литвинов-Фалинский был отставлен без всяких об'яснений.

Разговор с великим князем был весьма продолжителен: я настойчиво доказывал ему, что при создав-

шемся положении на фронте нельзя замалчивать и уступать, нельзя итти на компромиссы, надо все прямо и откровенно говорить государю, настаивая до конца на своих предложениях. Кто, как не верховный главнокомандующий, может не только говорить, но и требовать?

На это великий князь заметил:

— Ого, как вы сильно выражаетесь.

— Не сильно, ваше высочество, — отвечал я. — воюет весь народ и весь народ восстанет в случае неудачной войны, если он увидит, что все принесенные жертвы, вся пролитая кровь были напрасны. Народ показал себя достойным своей великой родины, зато царское правительство совсем недостойно России. Прежде всего необходимо настоять на отставке Маклакова и в. к. Сергея Михайловича, надо разогнать воровскую шайку артиллерийского ведомства, которая прикрывается именем великого князя.

Говоря о своем бессилии что-нибудь сделать с артиллерийским ведомством, верховный главнокомандующий упомянул, что он знает об участии и влиянии на артиллерийские дела балерины Кшесинской, [110] через которую получали заказы различные фирмы. Когда я заметил, что пора убрать, наконец, Сухомлинова, великий князь ответил:

— В этом я тоже бессилен: Сухомлинов за последнее время пользуется особым благоволением государя.

Разговор этот оставлял очень тяжелое впечатление: великий князь недостаточно энергичен.

Прощаясь со мной, великий князь спросил, что можно сделать, чтобы спасти положение. Я предложил свой старый проект, который давно имел в уме — составить комитет из членов Думы, представителей от промышленности, от артиллерийского и других военных ведомств, с широкими полномочиями ведать все вопросы военного снаряжения. Великий князь ухватился за эту мысль с радостью и обещал сказать государю, которого ожидал в Ставке. После великого князя у меня был длинный разговор с его приближенными: Янушкевичем [111] и Даниловым. Оба они производили впечатле-

ние полной растерянности и удрученности, оба понимали ужас положения и повторяли одно и то же:

— Вы один можете спасти положение.

Янушкевич даже со слезами на глазах откровенно говорил о нравственных пытках, которые он переживает, не будучи в состоянии добиться нужного от артиллерийского ведомства и зная, в каких нечестных руках оно находится.

Вернувшись в Петроград, я пригласил Литвинова-Фалинского, и заодно с депутатами: Савичем, Протопоповым,[112] Дмитрюковым[113] мы обсуждали вопрос о создании комитета. Литвинов и Савич сообщили о многочисленных отказах ведомства заводам, предлагавшим использовать их заказами на шрапнели, снаряды и прочее. С частными заводами не хотели иметь дела, а казенные, благодаря отчаянной организации, производили пятую часть того, что могли производить. О нечестности и взятках артиллерийского ведомства тогда открыто говорили в столице. Порядки ведомства бросались в глаза даже обывателям: патронный завод на Литейном совершенно не охранялся, то же было и на других заводах, а взрыв на пороховом заводе окончательно вселил недоверие к лицам, стоявшим во главе ведомства. Во главе многих казенных заводов все еще сидели германские подданные, которых, благодаря покровительству министра Маклакова, некоторых великих княгинь и клики придворных, нельзя было выслать. Измена чувствовалась во всем, и ничем иным нельзя было об'яснить невероятные события, происходившие у всех на глазах. А тут еще было оглашено дело Мясоедова.

Собрав подробные данные, я отправил письмо в Ставку великому князю, еще раз повторив то, что я ему говорил при свидании, подкрепляя на этот раз свои доводы ссылками на факты и документы. Одновременно я описал ему все ужасы, которые происходят в армии от недостатка снарядов, от нераспорядительности высших военных властей и, главным образом, Сухомлинова. Государь поехал в Ставку, а я получил от в. к. Николая Николаевича следующую телеграмму: «С вашим проектом следует подождать». На следую-

щий день, однако, из Ставки пришла телеграмма, в которой меня вызывали, и поручалось, чтобы я привез лиц, коих сочту полезными. Поехали Литвинов-Фалинский, Вышнеградский [114] и Путилов. [115] В Ставке я был принят государем и с полной откровенностью доказывал необходимость созыва комитета с участием общественных деятелей, передал о возбуждении умов в тылу, о недоверии армии к тыловым военным руководителям и о том, что это недоверие неминуемо будет расти по мере отхода войск. Государь был очень взволнован, бледен, руки его дрожали. Повидимому, особенно сильное впечатление произвело на него, когда я, тоже волнуясь и еле сдерживая слезы, говорил ему о беззаветной любви и преданности в войсках к царю и родине, о их готовности жертвовать собой и о спокойном, без всякой рисовки, исполнении долга. Обрисовав положение на фронте и в стране, я просил государя удалить Маклакова, Саблера, Щегловитова и Сухомлинова. В то время, когда проливается кровь стольких людей, нельзя терпеть у власти людей, испытывающих общественное мнение, «с которыми вы все же должны считаться, ваше величество».

Государю показалась счастливой моя мысль об учреждении Особого Совещания, и сразу же была намечена в общих чертах его организация: в состав Совещания должны были войти представители банков, субсидировавших заводы, представители промышленности, общественные деятели и представители законодательных учреждений и военного ведомства. Первыми были призваны Литвинов-Фалинский, Путилов, Вышнеградский, банкир Утин, [116] Гучков и другие. Государь спросил:

— Кто же будет председательствовать в Особом Совещании?

Я ответил, что председателем должен быть военный министр, так как дело касается снабжения армии. Другого выхода не было, так как, если бы председателем не был назначен Сухомлинов, то Совещанию на каждом шагу ставили бы палки в колеса.

Когда слухи о возникновении Совещания, официально еще не утвержденного, дошли до военного министерства, там, понятно, заволновались: государю ста-

рались доказать, что возникновение Совещания незаконно, что это как бы новое министерство, для чего нужен новый закон и соблюдение целого ряда формальностей, требующих времени. К счастью, интриги не удавались, и государь с этими доводами не соглашался. Тогда ему стали доказывать, что во время роспуска палат председателя Думы не существует, и потому его участие в Совещании было бы незаконно, но государь и на это не обратил внимания. Учреждение Особого Совещания должно было пройти через Совет Министров и поступить на утверждение государя для проведения в жизнь в порядке 87 статьи. Против учреждения Совещания особенно старались министры: Маклаков и Щегловитов.[117] Маклаков, забегая ко всем близким к царю, усиленно добивался быть принятым, но царь его не принял, а перед заседанием, в котором должен был обсуждаться вопрос о Совещании, царь вызвал к себе Сухомлинова и сказал ему:

— Передайте в Совет Министров, что я очень сочувствую возникновению этого Особого Совещания и приветствую, что оно будет при участии членов законодательных палат.

Сухомлинов во время заседания передал слова государя, и Горемыкин, воспользовавшись этим, заявил:

— Я думаю, что в таком случае нам нечего долго обсуждать этот вопрос: нам остается только преклониться перед волей государя императора.

При голосовании Саблер и Щегловитов, сговорившись в стороне, подали голос за проект, против поднялся только один Маклаков (говорили, что это было очень неприятно государю). Проект был утвержден государем, и Особое Совещание по обороне начало действовать.

Перед окончательным разрешением вопроса о Совещании в законодательном порядке я счел себя обязанным внести этот запрос на обсуждение членов Гос. Думы. В конце мая был собран совет старейшин, и я доложил им весь ход предшествовавших событий и все то, что привело к мысли о создании Совещания. Характерно отношение различных партий к этому вопросу. Правые, как и следовало ожидать, хранили упорное

молчание, националисты и октябристы горячо приветствовали все предпринятые мною шаги, а кадеты, устами своего лидера П. Н. Милюкова, совершенно неожиданно восстали против моей затеи, доказывая, что всякое общение и совместная работа с военным министерством Сухомлинова явились бы позором для Думы, и поэтому они, кадеты, ни в каком случае участия во вновь образуемом Совещании не примут. К еще большему моему изумлению такое мнение вызвало жестокий отпор со стороны Керенского.[118] С горячностью и стремительностью он в страстной речи напал на Милюкова, доказывая всю нелепость его точки зрения. «Кадеты, — говорил он, — всегда исходят из теоретических соображений и впадают в отвлеченность, отвергая всякое предложение, которое не совпадает с их теорией, хотя бы оно и было по существу полезным. Я — политический противник председателя Гос. Думы, но я вижу, что он болеет о наших неурядицах и болезненно ищет пути для исправления ужасающих дефектов военной организации. Мы, трудовики, вполне сочувствуем его стремлениям, одобряем его и поддерживаем».

Выслушав мнения своих сотоварищей, я поставил вопрос о доверии, и мои действия единогласно были одобрены. Впоследствии стоило большого труда уломать кадетов принять участие в Совещании; крайняя левая отказалась от участия, говоря, что единственный мотив их отказа заключается в том, что к ним, как к левым, члены правительства будут относиться с предубеждением и подозрением.

В мае того же 1915 года в Петрограде происходил с'езд промышленников.[119] Со всех сторон мне передавали, что участники с'езда крайне возбуждены и что на с'езде готовятся революционные выступления. Это было бы только на руку министру Маклакову, который ждал удобного случая, чтобы оправдать его постоянные доносы царю, чтобы затем закрыть с'езд, а главных его деятелей арестовать. Лица осведомленные говорили, что в московских торгово-промышленных кругах уже подготовлена для петроградского с'езда резолюция, чуть ли не с требованием Учредительного Собрания.

Утром в день с'езда ко мне на квартиру приехали

кн. Г. Е. Львов [120] и член Думы В. Маклаков, [121] возбужденные и испуганные, они говорили о том, что можно ожидать от с'езда и особенно от резолюции, составленной в Москве. Они советовали мне не ехать на с'езд, пугая ответственностью за могущее быть выступление.

— Подумайте, какую ответственность вы берете на себя, — говорили депутаты.

— Если бояться ответственности, то, вообще, ничего нельзя делать, — я решил, я поеду на с'езд, его надо спасать и внести успокоение.

Тогда они начали уговаривать жену, стараясь через нее повлиять на меня, и просили, чтобы она удержала меня дома. Жена им ответила, что она не может вмешиваться в мои дела, но что уверена в благополучном исходе дела.

На с'езд я поехал с Протопоповым, был встречен аплодисментами и экспромптом сказал речь, закончив ее следующим:

— Господа, едучи сюда на ваше почтенное собрание, я встретил не одну часть молодых войск, молодых солдат, которые обучаются теперь и готовятся для того, чтобы заменить и пополнить собою ряды павших. Я проехал две тысячи верст, был в Галиции в близком общении с армией и я не найду слов, чтобы выразить то глубокое умиление, то высокое почтение к этим храбрым воинам, к тому несокрушимому духу, который я наблюдал всегда и наблюдаю в тех молодых людях, которые теперь обучаются, зная, что они обязаны бесстрашно итти на поля сражения. Но на всех гражданах российского государства первейшая и главнейшая обязанность — дать ясное и точное понятие нашей армии, что тыл спокоен, что тыл нашей глубокой и мирной страны, теперь еще не подверженный влиянию военных действий, готов всемерно работать для их пользы и славы и в помощь им. Вместе с тем мы должны вселять им убеждение, что здесь, в тылу, нет партий, нет разногласия, а есть одно чувство победы над врагом. Я счастлив, господа, засвидетельствовать, что такой лозунг установлен прочно в рядах членов Гос. Думы. Народные представители поняли это своим чутьем, и вы видите, что ряд заседаний наших представляет собою

полное отсутствие партий, полное единение. Скажу, что единение, это отсутствие всяких партийных начал, продолжается и до сих пор в тех небольших заседаниях, которые мы имеем в настоящее время по поводу дел, близко касающихся Гос. Думы. Я отлично отдаю себе отчет в том, что промышленный мир, промышленные сферы — это сословие и сферы государственного значения. Вы являетесь хозяевами и вершителями той громадной отрасли государственной экономической жизни, которая при своем высоком развитии в будущем даст нам возможность не только победить врага на полях сражения, но даст нам силу доказать, что Россия может сделать. Отныне должен быть у всех русских граждан один лозунг: «все для армии, все для победы над врагом, все должно быть сделано для того, чтобы в полном и крепком единении сокрушить тех, которые дерзают посягать на величие России». Я позволяю себе выразить пожелание, чтобы ныне, без партийных перегородок, соображений, вожделений, единая мысль была направлена к благотворной работе на почве воспособления нашей армии к полному раскрепощению России от всяких посягательств иноземного влияния на нее. Этими словами позвольте приветствовать вас и выразить уверенность, что это именно так и будет.

Когда с'езд узнал, что к общественным силам отнеслись с доверием и что делу еще можно помочь, то раздражение против правительства улеглось, и члены с'езда начали обсуждать стоявшие на очереди вопросы с деловой точки зрения. В том же первом заседании с'езд вынес резолюцию, совершенно противоположную заготовленной первоначально.

В конце мая я отправил просьбу о принятии меня государем. В течение четырех или пяти дней я не получал ответа. Вместо того мне стали передавать, что министр Маклаков усиленно настраивает царя против Думы и уверяет его, что председатель Думы явится к нему с необыкновенными требованиями, чуть ли не с ультиматумом. Слухи эти нашли себе отражение и в Москве, и приехавший оттуда молодой Юсупов рассказывал, что там говорят, будто председатель Думы стал во главе революционного движения, вопреки желанию

правительства создал особый комитет «Comité du salut public» по образцу французской революции (так, очевидно, понимали учреждение Особого Совещания).

Наконец, государь назначил день приема: это было 30 мая. Когда я вошел в кабинет, я застал государя взволнованным и бледным и невольно вспомнил то, что мне передавали про интриги Маклакова. Надо было сразу рассеять подозрения.

— Ваше величество, — начал я, — я пришел к вам не с какими-нибудь требованиями и не с ультиматумом...

— Почему вы говорите про ультиматум?.. Какой ультиматум?..

— Ваше величество, я имею сведения, что вам изобразили меня очень опасным человеком, говорили, что я приду не с докладом, а с требованиями. Вам даже советовали меня не принимать вовсе.

— Кто это вам говорил, и на кого вы намекаете, что меня настраивают против вас?

— Ваше величество, быть может, это сплетня, но слухи настолько основательны и из таких внушающих мне доверие источников, что я решился это вам доложить. Вам говорил так про меня министр внутренних дел Маклаков. Государь, у меня нет к вам делового доклада по Думе: я явился к вам говорить об общих делах, пришел исповедываться, как сын к отцу, чтобы передать всю правду, какую я знаю. Прикажете ли мне говорить?

— Говорите.

Государь повернулся и во время доклада пристально смотрел мне в глаза, повидимому, испытывая меня. Я также не спускал с него глаз. Я докладывал обо всем, что наболело и накипело за это время: о порядках артиллерийского ведомства, о ничтожном производстве военных заводов, о том, что во главе большинства заводов стоят немцы, о беспорядках в Москве, о положении армии, которая самоотверженно умирает на фронте и которую предают в тылу люди, ведающие боевым снабжением, о гадостях и интригах министра Маклакова и о многом другом. В связи с делом Мясоедова я передал о возбуждении против Сухомлинова, которого ненавидят на фронте и в тылу и считают сообщни-

ком Мясоедова. Я старался выяснить и доказать, что Сухомлинов, Маклаков, Саблер и Щегловитов совершенно нетерпимы, что в. к. Сергей Михайлович должен непременно уйти, иначе раздражение против артиллерийского ведомства обрушится на голову одного из членов царской семьи, а косвенно и на всю царскую семью, — словом, говорил все, о чем знал и о чем нужно было знать государю.

Доклад продолжался более часу, и государь за это время не выкурил ни одной папироски, что являлось признаком его внимательности. Под конец доклада он оперся локтями о стол и сидел, закрыв лицо руками. Я окончил, а он все сидел в той же позе.

— Отчего вы встали? . .

— Ваше величество, я окончил, я все сказал.

Государь тоже встал, взял мою руку в свои обе руки и, смотря мне прямо в глаза своими влажными добрыми глазами, стал крепко жать руку и сказал:

— Благодарю вас за ваш прямой, искренний и смелый доклад.

Я низко поклонился, чувствуя, что к горлу подступают слезы. Государь, повидимому, был тоже взволнован и, произнеся свои последние слова, еще раз пожал руку и быстро вышел в другую дверь, плохо скрывая свое волнение.

Причины волнения государя во время этого доклада я узнал гораздо позже — в дни революции, когда был вызван для дачи показания в верховную комиссию,[122] которая хотела во что бы то ни стало найти криминал в действиях бывшего царя. Я говорил в течение пяти часов под-ряд, показывая, что криминала в действиях царя не было, а была только неправильная и путаная политика, пагубная для страны, но отнюдь не преднамеренное желание вреда стране.

Когда я окончил, ко мне подошел сенатор Таганцев и сказал:

— Теперь вы окончили, так вот прочтите эту бумагу.

Бумага была помечена маем 1915 г., числа не помню, и соответствовала времени, когда я был вызван в Ставку после львовских торжеств.

Министр Маклаков доносил:

«Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. Неоднократно я имел счастье указывать вашему величеству, что Гос. Дума и ее председатель, где только возможно, стремятся превысить свою власть и значение в государстве и, ища популярности, стремятся умалить власть вашего императорского величества. Имею честь обратить ваше внимание на поведение председателя Гос. Думы после вашего от'езда из города Львова. Председатель Думы принял торжественное чествование галичан и, воспользовавшись от'ездом государя императора, держал себя, как бы глава российского государства.

«Обращая на вышеизложенное внимание вашего величества, прошу вспомнить, что я неоднократно указывал вашему величеству на необходимость уменьшения прав Гос. Думы и на сведение ее на степень законосовещательного учреждения». (Привожу по памяти, не текстуально.)

Прочитав бумагу, я протянул ее Таганцеву со словами:

— Что же тут удивительного? Обычный пасквиль министра внутренних дел.

— Прочитайте, что написано на обратной стороне, — сказал Таганцев.

На другой стороне рукой императора была написано:

«Действительно, время настало сократить Гос. Думу. Интересно, как будут при этом себя чувствовать гг. Родзянки и К°».

По числам эта пометка совпадала с тем временем, когда государь шел навстречу работе Думы и общественных организаций и обсуждал вместе со мною проект создания Особого Совещания по обороне.

Вскоре после моего доклада Маклаков был уволен. Это было встречено с большим удовлетворением. Вместо Маклакова был назначен Н. Б. Щербатов,[123] вполне чистый, незапятнанный человек.

В дополнение к докладу я отправил государю письмо, в котором еще раз доказывал, что необходимо удалить Сухомлинова и ускорить созыв Думы. Я не

скрывал, что заседания Думы будут бурные, что правительство будут жестоко критиковать, но все-таки лучше, если это произойдет в стенах Думы, чем на улице.

Письмо ли это или что другое было последним толчком, но Сухомлинов, наконец, был отстранен, а вскоре на его место был назначен генерал Поливанов,[124] пользовавшийся симпатиями в Думе и в общественных кругах. Вскоре после удаления Сухомлинова над ним была учреждена верховная следственная комиссия под председательством члена Гос. Совета Петрова[125] при участии двух членов Думы (В. Бобринского[126] и Варун-Секрета[127]) и двух членов Гос. Совета. Комиссия после долгих месяцев разбирательства и исследования признала Сухомлинова виновным в лихоимстве и в государственной измене. Несмотря на это, Сухомлинов долгое время не был предаваем суду и не только находился на свободе, но носил генерал-ад'ютантские погоны и даже сохранял право посещений заседаний Гос. Совета.

11 июня государь уехал в Ставку; 14 вызвал туда всех министров, кроме Щегловитова и Саблера. Из новых присутствовали Поливанов и Щербатов. В заседании обсуждался вопрос о созыве Думы и о снабжении армии: следствием этого заседания был рескрипт на имя Горемыкина, в котором государь впервые всенародно об'являл о созыве Особого Совещания, говорил о призыве промышленности и общественных сил и обещал скорый созыв Думы. Рескрипт произвел хорошее впечатление: о доверии к народу было сказано ясно и твердо, и можно было думать, что такое отношение уже не изменится. После того же совещания в Ставке были уволены Саблер и Щегловитов, а вместо Саблера обер-прокурором синода был назначен А. Д. Самарин,[128] принявший этот пост под условием удаления Распутина. Со слов самого Горемыкина в обществе говорили, что императрица требовала, чтобы он воспротивился увольнению Саблера и назначению Самарина, но Горемыкин отказался от вмешательства в это дело, говоря, что надо подчиниться воле государя. Императрица не успокоилась на этом и употребила все усилия, чтобы вновь получить влияние на решения государя. К сожа-

лению, ей это удалось, и Распутин, сосланный в Сибирь, скоро опять вернулся.

Особое Совещание уже работало. Оно с первых же заседаний занялось раскопками в артиллерийском ведомстве и открыло много нечистоплотных комбинаций. Пришлось удалить одного за другим высших чинов ведомства и поставить во главе управления генерала Маниковского.[129] К в. к. Сергею Михайловичу я поехал сам и откровенно ему высказал, что лучше, если он расстанется с ведомством под предлогом болезни: пока обвинения падают на его подчиненных, но может случиться, что они обрушатся и на великого князя, а это бросило бы тень на царскую семью. Великий князь вскоре отказался от возглавления ведомства, но одновременно же был назначен главным инспектором при Ставке.

Вопиющие беспорядки открыло Совещание в Архангельском порту. Еще в начале войны в Думу стали поступать сведения, что вывозка по узкоколейной дороге из Архангельска очень затруднена, а порт завален грузами. Заказы из Америки, Англии и Франции складывались горами и не вывозились в глубь страны. Уже в первые дни войны Литвинов-Фалинский предупредил, что Архангельский порт в ужасном состоянии. Из Англии ожидалось получение большого количества угля для петроградских заводов, но уголь этот негде было даже сложить. Несмотря на то, что Архангельск был единственный военный порт, соединявший нас с союзниками, на него почти не обращали внимания. В одном из первых же заседаний Особого Совещания пришлось поднять вопрос об Архангельске и запросить министров, что они намерены предпринять. Министры, в лице Сухомлинова, Рухлова[130] и Шаховского,[131] либо отписывались, либо обещали на словах, ничего на деле не предпринимая. Между тем, к концу лета 1915 года количество грузов было так велико, что ящики, лежавшие на земле, от тяжести наложенных поверх грузов буквально врастали в землю.

Артиллерийское ведомство заявляло в Совещании, что производство снарядов увеличить невозможно, так как нет станков для выделки дистанционных трубок.

Члены Думы доказывали, что станки можно найти, надо только уметь искать. Совещание обратилось в технические и ремесленные училища, некоторые из членов Совещания поехали по России, и вскоре стали получаться телеграммы, что найдены, то в одном, то в другом месте, тысячи станков. Можно было наладить заводы, эвакуированные из местностей, занятых неприятелем, но об этом тоже никто не хотел позаботиться. Особое Совещание многое привело в движение. Текстильные и другие заводы, запрошенные Совещанием, предложили свои помещения для изготовления снарядов; при этом заводы сообщали, что они и ранее предлагали свои услуги артиллерийскому ведомству, но получили ответ, что ведомство «обойдется казенными заводами». Члены Совещания об'езжали казенные и частные заводы и в петроградском арсенале обнаружили полтора миллиона дистанционных трубок, якобы, старого образца. На деле оказалось, что их прекрасно можно было приспособить к новым снарядам, и во время пробы эти трубки дали 90% разрываемости. После такой находки можно было тотчас же приступить к увеличению выпуска снарядов, не ожидая новых станков. В первый же месяц работы Особого Совещания поступление снарядов на фронте увеличилось вдвое, а затем поступление все время прогрессировало.

Летом в Москве был созван с'езд военно-промышленного комитета. Общественные деятели и промышленники горячо откликнулись на обращенный к ним призыв и дружно взялись за работу. По всей России с помощью земств и городов стали образовываться такие же комитеты, большею частью из земских деятелей и директоров заводов. Комитеты стали приспособлять всевозможные фабрики, ремесленные училища и мастерские для нужд армии. В мае месяце мы уже знали, что по приблизительному подсчету через три месяца будет достаточно снарядов, чтобы задержать дальнейшее наступление неприятеля. Привлечение общественных сил к снабжению армии и учреждение Особого Совещания было с удовлетворением встречено в стране: на фронте облегченно вздохнули, и горечь последних неудач была смягчена надеждой на более

светлое будущее. Возможность работать для армии, активно участвовать в подготовке ее успехов — помогла переживать плохие известия с фронта, где мы продолжали отступать.

Возвращаюсь несколько назад. 19 июля была созвана Дума. Настроение было очень повышенное и можно было ожидать бурных выступлений. Кадеты и левые собирались вносить целый ряд запросов. Октябристы противились этому, говоря, что не время для рассуждений и необходимо сосредоточиться на деловой работе. Некоторые из кадетов предполагали поднять вопрос об ответственном министерстве. Не малых трудов стоило отговорить их от этого. П. Н. Милюков почти во всех вопросах поддерживал октябристов, даже против прогрессистов. Внутри Думы все усилия направлены были к созданию прочного большинства, и усилия эти увенчались успехом даже в большей мере, чем можно было предполагать: удалось не только об'единить несколько думских партий, но и достигнуть соглашения с центром Гос. Совета. В то время как левые настаивали на ответственном министерстве, а правые находили, что этого вопроса вовсе нельзя касаться, центр столковался на том, что об ответственном министерстве должно быть сказано, но не в виде требования, а в смысле пожелания, и что во всяком случае сейчас «должны быть призваны к власти люди, пользующиеся доверием страны». Такое правительство могло бы прекрасно работать с Думой, так как против ожиданий под влиянием войны мелкие разногласия между отдельными партиями центра были сглажены и достигнуто такое соглашение, которое создавало большинство, об'единенное в прогрессивном блоке и позволявшее правительству иметь надежную опору.

В закрытом заседании 20 июля решено было привлечь к ответственности всех лиц, виновных в недостатках снаряжения армии. Был принят закон об учреждении Особых Совещаний при военном министре, а также при министрах путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия и внутренних дел с привлечением в эти совещания представителей Думы и Совета, торговли и промышленности. Кадеты хотели внести

предложение об учреждении отдельного министерства снабжения; с другой стороны, правительство стремилось подчинить Особое Совещание Совету Министров. К счастью, то и другое было отвергнуто, и закон об Особом Совещании был принят в том виде, как оно уже существовало, т. е. подчинением только верховной власти при ответственности военного министра.

X

Государь — верховный главнокомандующий. — Влияние императрицы усиливается. — Горемыкин распускает Думу. — Как был уволен А. Д. Самарин. — Путиловский завод. — Англичане и торговый флот.

Между тем войска наши отступали, и казалось, что этому не будет конца. Мы очистили Перемышль, Львов, выдержали ожесточеннейшие атаки на линии Люблин—Холм, прикрывая войска, находившиеся под Варшавой, и спасаясь из тех железных клещей, которыми нас грозили захватить немцы. Новогеоргиевск был обречен на гибель, сдерживая неприятеля. Крепость геройски держалась, была взята штурмом, и немного из ее защитников уцелело. Другие наши крепости: Ковно, Осовец и Брест-Литовск [132] почти совсем не сопротивлялись и были покинуты почти без взрывов. Здесь тоже обнаружилась измена и преступная халатность командования и военного министерства: крепости были сооружены скверно, кирпичные форты оказались никуда негодными, а коменданты крепостей были не на месте. Генерал Григорьев [133] по глупости или сознательно сдал Ковенскую крепость, почти не защищаясь. А между тем, про эту крепость депутат Савич говорил в комиссии обороны: «Ковно — это такой орешек, который немцы не скоро раскусят». Вместо «орешка» оказался карточный домик.

Еще в конце апреля немцы одновременно с наступлением в Галиции стали нажимать в Прибалтийском крае и, хотя с трудом, заняли Шавли, Либаву и Митаву, [134] стремясь прорваться к Риге. Вильна была в руках неприятеля, который вел атаки на Двинск. На юге мы имели успех у Тарнополя и предупредили наступление,

которое угрожало Киеву. В Киеве была уже паника, началась эвакуация, и население, собиравшееся бежать, задерживалось с посевом озимых. В Подольской губернии копались окопы и не на шутку готовились уходить в глубь страны, ожидая только распоряжения властей.

Вера в в. к. Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность командного состава, отсутствие плана, отступление, граничащее с бегством, — все доказывало бездарность начальника штаба при Верховном— генерала Янушкевича. Великий князь должен был давно заменить его Алексеевым,[185] бывшим начальником штаба у генерала Иванова во время нашего наступления в Галиции, а затем главнокомандующим западного фронта. На этом имени сходились решительно все. Я писал об этом великому князю, горячо убеждая его оставить Янушкевича и взять на его место Алексеева.

Между тем, стали усиливаться слухи, что царь хочет отстранить в. к. Николая Николаевича[186] и сам принять верховное командование. Говорили, что это желание императрицы, что она ненавидит великого князя и хочет отстранить государя от руководства внутренними делами, чтобы во время его нахождения в Ставке распоряжаться в тылу самой. Желание удалить Николая Николаевича считалось в думских кругах и в обществе большой ошибкой. Легко можно было себе представить все последствия подобного безумства. Под влиянием неудач в народе уже и без того на ряду с правдой распространялись самые вздорные слухи и все чаще и чаще называлось имя царицы. Надо было что-то предпринимать, чтобы предупредить надвигавшееся несчастье. Ясно было, что Горемыкин знал о решении государя, но скрывал, не смея и не желая противодействовать тому, что приготовлялось во дворце. Нужно сказать, что в это время после моих поездок в Царское и в Ставку кем-то были пущены слухи, что я буду назначен председателем Совета Министров. Поэтому отношения с Горемыкиным сделались более натянутыми. Но в такую минуту нельзя было об этом думать, и я решил убедить Горемыкина и председателя Гос. Совета отправиться к государю, чтобы просить отменить свое реше-

ние и оставить в. к. Николая Николаевича. Перед этим я хотел переговорить с Кривошеиным и позвонил к нему на Елагин. Он очень неприятным тоном заявил, что занят и не может меня принять. Тогда я категорически ему ответил, что время не терпит, что мне надо видеть председателя Совета Министров и его, Кривошеина, и что я сейчас же приеду на Елагин. Встретил меня Кривошеин с плохо скрываемой злой усмешкой, которая выдавала его опасения:

— Вы вероятно, приехали, чтобы председательствовать над нами?

— Нет, — отвечал я, — над вами я никогда не буду председательствовать.

Предложение оказать противодействие решению государя, конечно, было отвергнуто. Горемыкин говорил в том же духе, что и Кривошеин, ссылаясь на священную волю императора, на то, что он не может вмешиваться в военные дела и прочее. Я поехал к председателю Гос. Совета Куломзину,[137] повторил ему те же доводы, но тот тоже отказался и в разговоре все вспоминал, как звали вельможу, который в двенадцатом году коленопреклонно просил Александра I не брать на себя командование армией, а призвать Кутузова. Оставалось последнее средство — самому испросить аудиенцию и умолять государя.

Кн. З. Н. Юсупова ездила к императрице-матери и просила повлиять на сына, который должен был явиться к ней об'явить свое решение.

На приеме в Царском я передал государю о желании всех видеть на месте Янушкевича генерала Алексеева. В ответ на это к своему ужасу я услышал:

— Я решил бесповоротно удалить в. к. Николая Николаевича и стать самому во главе войск.

— На кого вы, государь, поднимаете руку? Вы, верховный судья, а если будут неудачи, кто будет вас судить? Как можете вы становиться в подобное положение и покидать столицу в такое время? Ведь, в случае неудач, опасность может угрожать и вам, государь, и всей династии.

Государь не хотел слушать никаких доводов и твердо заявил:

— Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию. *

После аудиенции я отправил государю пространное письмо, еще раз повторяя свои доводы и еще раз умоляя отказаться от своего решения.

21 августа во дворце было первое заседание соединенных Особых Совещаний, первое после того, как этот закон прошел в Думе. Председательствовал государь, сказавший хорошую речь. От имени Думы я отвечал государю. 23 августа был издан приказ по армии и флоту, где государь об'являл о своем решении стать во главе войск. Многие были в панике от этого акта. К нам приезжала кн. З. Н. Юсупова и со слезами говорила жене: «Это ужасно. Я чувствую, что это начало гибели: он приведет нас к революции».

Вопреки общему страху и ожиданиям, в армии эта перемена не произвела большого впечатления. Может быть, это сглаживалось тем, что стали усиленно поступать снаряды, и армия чувствовала более уверенности.

Образование в Думе и в Г. Совете блока [188] и редкие речи с критикой правительства естественно не нравились Горемыкину, и он стал подготовлять государя к необходимости распустить Думу. Отношения между Думой и правительством особенно обострились после того, когда Дума приняла законопроект об Особых Совещаниях при министрах, расширив его своими поправками, и перешла к законопроекту о борьбе с немецким засилием. Правительство внесло этот законопроект в таком виде, как будто умышленно хотело дискредитировать Думу: он был так составлен, что Дума должна была бы его отвергнуть, и тогда можно было бы сказать, что Дума за немцев. Принять этот законопроект в редакции правительства было невозможно, потому что он касался, главным образом, колонистов, т. е. земельных собственников, которых не следовало возбуждать во время войны. Кроме того, выселение целого ряда колонистов повлекло бы за собою уменьшение посевной площади на юге России. Инженеры, админи-

* М. В. Родзянко несколько раз рассказывал про эту сцену и про свои тогдашние переживания. Вернулся он из Царского совершенно разбитым, потрясенный настойчивостью царя и с ним сделался сердечный припадок.

страция заводов, крупные торговцы, банкиры и другие влиятельные и гораздо более опасные немцы в законопроекте вовсе не упоминались.

Государь уехал в армию, а делами внутренней политики стала распоряжаться императрица. Министры, особенно И. Л. Горемыкин, ездили к ней с докладами, и создавалось впечатление, что она негласно была назначена регентшей. Вскоре после от'езда государя Горемыкин отправился в Ставку и заручился согласием на роспуск Думы.

27 августа в заседании Совета Министров Горемыкин поднял вопрос о необходимости роспуска Думы, говоря, что она нервирует общество и мешает правительству работать. Между тем, Дума была в это время занята обсуждением целого ряда неотложных вопросов, непосредственно связанных с войной, как законопроекты о беженцах, о немецком засилии и др. Обновленный состав министров не соглашался с мнением Горемыкина, которого поддержал только министр юстиции Хвостов. Когда же Горемыкин заявил, что он уже заручился принципиальным согласием государя, то министры предлагали, чтобы не возбуждать слишком страну, найти компромисс, сговориться с председателем Думы, чтобы тот по собственной инициативе прервал заседания под предлогом необходимости для депутатов принять участие в выборах в Гос. Совет от земства. Но Горемыкин отверг всякие компромиссы и, никому не сказавшись, вторично поехал в Ставку, откуда привез готовый указ о роспуске. Когда на вторичном заседании Совета Министров он об'явил, что имеет указ о роспуске, министры возмутились и резко упрекали его, что он ездил в Ставку за таким важным решением, не сговорившись предварительно с ними. Горемыкин попробовал прервать заседание и прекратить прения, а когда это не удалось — покинул заседание и уехал, ни с кем не простившись. Оставшиеся без председателя министры приняли решение корпоративно подать в отставку: Поливанов и Щербатов вызвались отправиться к государю, а другие передали им свои письменные заявления и поручили заявить, что с Горемыкиным они служить не могут.

В те дни Горемыкин чуть не ежедневно вдохновлялся в Царском у императрицы, где вновь целиком находились под влиянием Распутина. Жена Горемыкина сделалась открытой сторонницей Распутина и не стеснялась об этом говорить. На приеме министров в Ставке государь взял привезенные Поливановым и Щербатовым прошения, разорвал их на мелкие клочки и сказал: «Это мальчишество. Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логиновичу я верю». Щербатов и Поливанов уехали ни с чем, а Горемыкин почувствовал еще большую силу.

2 сентября вечером Горемыкин вызвал меня по телефону, сказал, что имеет важное дело, но устал и просит к нему приехать. У меня в этот вечер было довольно много членов Думы, которые обсуждали упорно ходившие слухи, что Горемыкин собирается распустить Думу. Это казалось настолько невероятным и невозможным, что когда они узнали о телефонном разговоре, то выразили уверенность, что председатель Совета Министров просит приехать, чтобы опровергнуть эти слухи. Однако, Горемыкин сразу огорошил меня, передавая указ:

— Вот указ о перерыве занятий Думы, — встретил он меня, — завтра вы его прочтете.

Рассерженный, я резко сказал:

— Удивляюсь, что вы меня потревожили, чтобы передать такое неприятное известие: это можно было сделать и по телефону.

Больше нечего было сказать. Очевидно, Горемыкин умышленно спешил с роспуском, чтобы не дать сговориться членам Думы и чтобы в случае резких речей воспользоваться этим и распустить Думу совсем. Ожидавшие у меня на квартире депутаты были ошеломлены и возмущены; решено было тотчас же предупредить всех лидеров партий и просить их собраться в Думу на утро вместо одиннадцати к девяти часам.

Я был в Думе уже в восемь утра. Сейчас же собрали сеньорен-конвент, на котором вылилось все возмущение. Негодование было очень велико, и некоторые готовились выступить чуть ли не с революционными речами, с заявлением о нежелании расходиться и об'явить себя Учредительным Собранием. Потребовалось не мало спо-

койствия и красноречия, чтобы убедить наиболее горячих не давать воли своему раздражению, не губить Думу и страну и не играть в руку Горемыкину. Мне много помог Дмитрюков: бедный, он дошел даже до обморока. * К счастью, и Милюков соглашался с моими доводами и обещал убедить свою фракцию отказаться от всяких резкостей. Я умышленно затягивал открытие заседания, чтобы во фракциях выговорились, излили негодование и успели остыть. Накануне, когда я узнал об указе, я тоже прошел через такое же настроение возмущения и злобы.

Когда в одиннадцать часов заседание было открыто, в зале стоял такой гул, какого никогда не бывало: точно шумел огромный потревоженный улей. Волнение депутатов передалось и на хоры в публику, где, повидимому, ожидали, что Дума не проявит выдержки и что произойдут какие-то события. Офицеры в публике сидели бледные; об этом передавали пристава и знакомые. Казалось, что Дума не может не ответить на брошенный ей вызов, на оскорбительный перерыв занятий в то время, когда была занята серьезными неотложными проектами, касающимися войны.

Тем более вышло красиво и торжественно, когда началось совершенно спокойное заседание: гул прекратился, и в воцарившейся тишине чувствовалось приближение момента огромного значения. Чтение указа было выслушано при полном молчании, а когда я, по обыкновению, провозгласил: «государю императору ура», — депутаты, как всегда, добросовестно громко прокричали «ура» и медленно стали расходиться. Молча расходилась и публика, и все сразу почувствовали какую-то уверенность, всем вдруг стало ясно, что так именно и следовало поступить, что правительство мелочно, хотело вызвать волнение, а Дума оказалась выше этой провокации и явила пример государственной мудрости.

Так же ответили и общественные организации: в Москве городской голова Челноков [139] обратился с воззванием к рабочим, приглашая их спокойно продолжать свой труд, необходимый для войны. На земских и дво-

* Вскоре после переворота И. И. Дмитрюков застрелился.

рянских собраниях по всей России [140] стали выноситься резолюции, в которых обращались к государю с просьбой внять народному желанию и назначить правительство, облеченное твердой властью и пользующееся доверием страны. Тон дало московское дворянское собрание, которое постановило даже послать в Ставку выборных лиц для доклада государю. К сожалению, государь их не принял. Казалось, что вся Россия просит государя об одном и том же и что нельзя не понять и не прислушаться к молению исстрадавшейся земли.

Я отправил в Ставку всеподданнейший доклад, в котором старался доказать, что необходимо удалить Горемыкина и прислушаться к голосу страны, которая принесла столько жертв и заслужила, чтобы с ней считались.

Однако, нашлись люди, которые поспешили ослабить впечатление единодушного порыва: председатель совета об'единенного дворянства Струков [141] как бы от лица всего дворянства написал государю письмо о том, что положение вовсе не так ужасно, как это желают представить некоторые круги, что народ попрежнему доверяет правительству и что все дворяне готовы положить свою жизнь и свои силы на исполнение воли тех, кого царь признал нужным призвать к власти. Письмо это некоторое время не было известно в общественных кругах, а когда оно получило огласку и дворянские депутатские собрания стали обсуждать поступок Струкова и выносить ему порицание, — было уже поздно. Резолюция верноподданных, просящих призвать к власти людей твердой воли и пользующихся доверием, были представлены Струковым как революционные выступления, и последовавшие затем об'яснения дворян, что Струков не был никем уполномочен, — не возымели действия.

Вместо призыва к власти людей, облеченных доверием страны, пришлось уйти популярным министрам Самарину и Щербатову; предполагавшийся же не позже ноября созыв Думы все откладывался и откладывался.

Отставка Самарина произошла по следующему поводу. Тобольский епископ Варнава нашел в это время

в своей епархии мощи какого-то Иоанна и, не ожидая канонизации синода, стал служить ему молебны, как святому. По представлению Самарина синод рассмотрел это дело и постановил вызвать епископа Варнаву для об'яснения в Петроград. Варнава явился, пришел на заседание, но об'яснений давать не пожелал, а коротко сказал: «Мне с вами не о чем разговаривать». Покинул заседание и скрылся так, что долго не могли узнать его местожительство. Варнава в это время жил на квартире князя Андронникова,[142] одного из распутинских друзей. Самарин хотел возбудить новое дело о неповиновении епископа и лишении его сана, но синоду дано было понять, чтобы Варнаву не трогали. А Варнава представил собственноручное письмо государя, в котором было дано разрешение служить святому Иоанну торжественные молебны, что противоречило всяким каноническим правилам. Тогда Самарин поехал к государю, находившемуся в Царском Селе, с подробным докладом. Так как письменный доклад был очень длинен, то он спросил государя, не желает ли тот лучше выслушать от него устное сообщение. Вместо ответа государь напомнил, что Самарин должен торопиться в заседание Совета Министров, оставил его письменный доклад у себя, сказав, что на досуге ознакомится с ним. Самарин уехал, явился в заседание, но не успел принять в нем участия, как его отозвал в сторону Горемыкин и передал полученное письмо от государя, в котором ему поручалось предупредить Самарина, что тот отставлен от должности обер-прокурора синода.

Самарин уехал в Москву, где на дворянском собрании ему устроили торжественную встречу, перешедшую в овацию.

Вскоре после Самарина ушел по своему желанию и министр внутренних дел князь Щербатов. Он откровенно говорил, что ему опротивели интриги, что при создавшейся обстановке ничего полезного сделать нельзя.

Вместо Самарина назначен был Волжин,[143] человек ничем особенно не замечательный, а вместо Щербатова — член Гос. Думы из правых Хвостов. Он заявил в газетных интервью о своем желании заслужить до-

верие общественных кругов и принялся бороться с дороговизной. Он поехал в Москву, устроил там разгрузку вагонов с помощью гарнизона, нашумел, заставил о себе говорить и на первых порах как будто что-то и сделал. Со мной он был весьма любезен, часто посещал меня и, между прочим, упоминал о своей борьбе с Рас-Распутиным: он находил, что с его влиянием нужно бороться его же оружием, и упомянул, что хочет продвинуть во дворец монаха Мардария.[144] Распутина же он рассчитывал обезвредить тем, что поручил его спаивать и будто бы даже дал для этого пять тысяч из своих собственных средств.

В это время в городах стали ощущаться недохваты то того, то другого продукта, отчасти вследствие наплыва беженцев, но больше от нераспорядительности правительства. Для борьбы с дороговизной придумали таксы, одинаковые для оптовиков и мелких торговцев; таксы эти были часто ниже покупной цены, и, чтобы не остаться в убытке, торговцы прятали товары, а потом продавали из-под полы. Дороговизне много способствовали непорядки на железных дорогах и, главным образом, невероятное взяточничество. Накладные расходы по перевозке часто превышали стоимость товара. Назначенный вместо Рухлова министр путей сообщения А. Ф. Трепов[145] только еще хуже запутал дело, так как, по собственному признанию, никогда никакого отношения к министерству путей сообщения не имел. Окончилось тем, что Петрограду стал угрожать голод. Тогда Совет Министров решил на шесть дней прекратить движение пассажирских поездов между Москвой и Петроградом для беспрепятственного движения товарных. Эта мера, однако, нисколько не помогла, потому что одновременно не позаботились организовать усиленного подвоза к Москве из других мест. Пассажирское движение было остановлено, а товарные вагоны вернулись из Москвы наполовину пустые. Можно было предположить, что вместо дела министры хотели показать только свое усердие. Вообще, чем дальше, тем все шло хуже, и не оставалось сомнений, что правительство не умеет и не может справиться с организацией тыла.

Между тем, в Особом Совещании шла усиленная работа по снабжению армии и были достигнуты крупные результаты. Земства и военнопромышленные комитеты много помогали и, несмотря на препятствия, чинимые правительством, поставки в армию снарядов и других необходимых предметов увеличивались с каждым днем. В это время в Особом Совещании произошло событие, в котором ярко вылилось пагубное влияние безответственных лиц даже в деле снабжения армии. Один из самых крупных заводов, работавших на оборону, был Путиловский. Главный акционер завода — Путилов, он же директор Русско-Азиатского банка, желая получить субсидию в тридцать шесть миллионов от казны, прибегнул к следующему: Русско-Азиатский банк закрыл кредит Путиловскому заводу. Тогда дирекция завода обратилась к правительству с требованием субсидии, грозя иначе остановить завод. Так как завод работал для войны, то естественно было ожидать, что перед ассигновкой не остановятся, хотя бы и в тридцать шесть миллионов. Для людей осведомленных ясна была закулисная сторона всей этой истории. Вместо субсидии я предложил просто секвестровать завод. Решение о наложении секвестра было принято в Совещании почти единогласно, но неожиданно получилось высочайшее приказание вновь пересмотреть вопрос. Это было сделано с помощью того же Распутина, с которым Путилов на всякий случай поддерживал хорошие отношения. Действительно, в следующем заседании все представители министров голосовали против секвестра, а один из них, адмирал Гирс, встал и открыто заявил: «Мне приказано голосовать против». Голоса членов Думы и Совета поделились. Лучшие и самые стойкие, к сожалению, отсутствовали по разным «уважительным причинам». Секвестр был отменен, я оказался почти в одиночестве: сила золота меня победила». *

Вопрос с Путиловским заводом был не единичным, и Совещанию постоянно приходилось сталкиваться

---

* Проходя мимо группы голосовавших за отмену секвестра, М. В. Родзянко произнес так, что все слышали: „Все куплю — сказало злато".

с безответственными влияниями и препятствиями, стоявшими на его пути.

С начала войны в Лондоне был созван комитет для об'единения наших военных заказов за границей. В состав этого комитета входил целый ряд промышленников как английских, так и русских, а председательствовал сначала в. к. Михаил Михайлович, а впоследствии — генерал Гермониус. Комитет этот действовал совершенно бесконтрольно до создания Особого Совещания. Когда комитет учреждался, английское правительство поставило условием, чтобы все заграничные заказы для наших военных нужд проходили через комитет: таким образом, мы не были хозяевами положения, а находились в зависимости от желания и произвола английских промышленников. Заказы в Америке запаздывали, создавались постоянные неожиданные осложнения и бесконечные переговоры. Суда, которые доставляли запасы, конвоировались для ограждения на случай нападения немцев английскими крейсерами. Придравшись к этому, англичане предложили, чтобы весь наш торговый флот перешел в их распоряжение, якобы, для удобства и об'единения командования. Если бы на это согласились, мы отказались бы от нашего торгового флота и попали в тяжелую английскую кабалу. Ставка верховного главнокомандующего признала это соглашение возможным. Я поднял вопрос в Особом Совещании на заседании 2 января 1916 года, доказывая, что этот договор не может миновать Особое Совещание: поданное мною особое мнение поддержал только один Гурко,[146] а остальные остались в стороне, вероятно, потому, что это было бы против желания государя. После заседания ко мне приехал английский посол Бьюкенен[147] и военный агент Нокс. Я им откровенно заявил, что англичане пользуются нашим положением и вынуждают у государя согласие на заведомо невыгодные для России сделки: «Это вымогательство, это недостойно великой нации и союзницы, русский народ не может снести такого унижения, и об этом придется говорить с кафедры Думы».

На ближайшем докладе у государя я повторил то же самое. Англичане больше не настаивали, и их пред-

ложение заглохло. Одновременно министр Григорович, предвидя осложнения с Англией, вел переговоры с Японией. Переговоры увенчались успехом, и Япония за возмещенные ей расходы по ремонту вернула нам потопленные в японскую войну крейсера: «Варяг», «Пересвет» и «Полтаву». После продолжительного путешествия мимо Африки, которое держалось в строгой тайне, крейсера дошли до Архангельска, и у нас оказалась собственная охрана торгового флота.

При перерыве занятий Думы в указе было упомянуто, что Дума будет созвана не позже ноября; судя же по поведению Горемыкина, можно было верить упорно ходившим слухам, что не только в ноябре, но и позже Думу едва ли созовут. Действительно, ноябрь уже подходил к концу, а о созыве ничего не было слышно. Занятия бюджетной комиссии шли полным ходом. Депутаты волновались и просили выяснить положение. На аудиенции у государя я снова говорил о Горемыкине, который мешает работать, тормозит деятельность тыла, рассказал о роли банков в заводских поставках. Когда я просил ускорить созыв Думы, государь ответил: «Да, хорошо, я поговорю об этом с Иваном Логиновичем».

Не успел я вернуться из Царского, не прошло и получаса, как я получил высочайший рескрипт. В рескрипте на имя председателя Думы говорилось о плодотворной работе бюджетной комиссии и о том, что по окончании этих работ последует доклад председателя Думы и созыв законодательных палат. Рескрипт ставил меня в совершеннейший тупик: бюджетная комиссия всегда работала параллельно с общими собраниями Думы и для возобновления занятий не требовалось никакого окончания работ комиссии. Рескрипт последовал после данной мне аудиенции, и выходило так, будто вопрос обсуждался на аудиенции и было достигнуто какое-то соглашение. На самом деле это была очередная хитрость Горемыкина, желавшего уронить председателя Думы в глазах народного представительства. Депутаты, конечно, были удивлены, но едва ли кто мог поверить, что отсрочка произошла с моего согласия. Одновременно начались толки о том, что председатель

Думы должен получить какую-то высокую награду. Толки оправдались, и 6 декабря я узнал о пожаловании мне Анны первой степени. Надо сказать, что раньше без моего ведома министр Поливанов представил меня к награде за особые заслуги по снабжению армии, но тогда в награде было отказано. Теперь же она была дана, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть мнимую сговорчивость и уступчивость в вопросе о созыве. А для того, чтобы не было сомнений, что орден дается не за труды по Особому Совещанию, в указе было сказано, что награждается «попечитель Новомосковской мужской гимназии», — значит, не председатель Думы.

XI

Забастовки. — Изобретатель Братолюбов и г-жа Брасова. — Письмо Горемыкину. — Фрейлина М. А. Васильчикова.

Положение в стране ухудшилось. Спекуляция, взятки, бешеное обогащение ловких людей, все это достигало неимоверных размеров. Одновременно возрастала дороговизна в городах вследствие неорганизованности подвоза, а на заводах, работавших на оборону, начались забастовки, сопровождавшиеся арестами и чаще всего тех рабочих, которые стояли за порядок и были против прекращения работ.

С несколькими членами Думы я отправился на Путиловский завод, чтобы ознакомиться с выполнением заказов и попытаться переговорить с рабочими. Рабочие отнеслись к нам с большим вниманием, говорили откровенно и уверяли, что забастовка вовсе не политическая, а вызвана несоответствием платы с возрастанием цен на предметы первой необходимости. После переговоров с администрацией справедливые требования рабочих были удовлетворены, но как нарочно вскоре затем были арестованы именно те рабочие, которые особенно много говорили со мной и с депутатами. Аресты вызвали новые волнения, и только после энергичных настояний рабочие были освобождены.

Приблизительно в декабре того же года всплыла история с Братолюбовым. Этот Братолюбов явился к ве-

ликому князю Михаилу Александровичу[148] и об'явил ему, что он изобрел особые аппараты для выбрасывания горючей жидкости на большие расстояния. Для осуществления изобретения ему были нужны станки, которые якобы следовало выписать из Америки. На этот предмет изобретатель просил не более, как одиннадцать миллионов долларов, что составляло тогда около тридцати миллионов рублей. Заручившись протекцией супруги великого князя г-жи Брасовой, Братолюбов сумел повлиять на Михаила Александровича, тот поехал к государю, а государь подписал рескрипт на имя великого князя, разрешая этим рескриптом Братолюбову брать из Государственного банка деньги по мере надобности.

По желанию великого князя была устроена проба этих аппаратов. Результаты получились самые отрицательные: горючая жидкость на большие расстояния не выбрасывалась, но зато получили смертельные ожоги пять человек солдат, приставленных к аппарату. Помощник военного министра Лукомский[149] доложил об этой истории Поливанову. Поливанов поскакал к великому князю и об'яснил ему, что все ассигновки на военные заказы должны проходить через Особое Совещание и военного министра. Великий князь признал свою ошибку, искренно извинялся, и тотчас поехал к государю, после чего были приняты меры, чтобы Братолюбову не выдавались деньги. Оказалось, однако, что смелый изобретатель уже успел побывать в банке, а когда там усомнились в правильности его требования, он показал фотографии с рескрипта на имя великого князя Михаила Александровича. В банке ему выдали окол двух миллионов рублей. Впоследствии выяснилось, что за спиной Братолюбова стояла целая шайка аферистов, стремившихся поживиться на государственный счет. Братолюбов был разоблачен, но зато Лукомского скоро отставили от должности помощника военного министра. Передавали, что отставка Лукомского находится в прямой связи с делом Братолюбова.

В начале декабря в Петроград приехал председатель земского союза князь Львов. Он посетил меня и до трех часов ночи сидел и рассказывал о том, что на-

строения в Москве становятся совершенно революционными: самые благонамеренные люди открыто говорят о развале власти и, не стесняясь, упрекают во всем царя и царицу.

Как-раз в это время был удален с фронта и остался не у дел генерал Рузский: никто не верил в его болезнь, и все были убеждены, что он обязан опалой немецкой партии, которой не нравились его строгости в Прибалтийском крае. На место Рузского был назначен Плеве [150].

Общее негодование на наши непорядки обрушивалось на Горемыкина, которого считали главным виновником разрухи и который на все обращения к нему по поводу войны неизменно отвечал: «Война меня не касается, это дело военного министра». На выражение общественного негодования Горемыкин оставался совершенно равнодушным.

Все просьбы и убеждения, обращенные к государю об удалении Горемыкина, оставались безрезультатными. После беседы с князем Львовым и под влиянием рассказов в заседании Особого Совещания о вопиющих безобразиях в тылу, я решил написать лично Горемыкину. Я писал тут же в заседании Особого Совещания. Вот это письмо:

«Милостивый государь, Иван Логинович. Пишу вам под свежим впечатлением тех сведений и данных, которые обнаружились в только-что происходившем заседании Особого Совещания по обороне и касаются катастрофического положения вопроса о перевозках по железным дорогам. Этот вопрос был поднят еще в Особом Совещании первого созыва, ему посвящены работы особой комиссии, но дальше разговоров, справок и вычислений дело не пошло, и катастрофа, которая тогда предвиделась, ныне наступила.

«Подробности о положении заводов, работающих на оборону, которые должны при создавшихся условиях остановиться, а также соображения о надвигающемся голоде населения в Петрограде и в Москве и возможных в связи с этим беспорядках, — несомненно уже сообщены вам председателем Особого Совещания. Мне как всем членам Совещания, стало ясным, что отече-

ство наше верными шагами идет к пропасти, благодаря полной апатии правительственной власти, которая не принимает никаких действительных и решительных мер к устранению грядущих грозных событий. Я считаю, что Совет министров, председательствуемый вами, обязан безотлагательно проявить ту заботливость о судьбе России, которая является его государственным долгом. Члены Особого Совещания по обороне предвидели все случившееся ныне еще полгода назад, и вы, Иван Логинович, не можете отрицать, что обо всем этом я лично неоднократно ставил вас в известность, в ответ на что слышал, однако, одно и то же уверение, что это не ваше дело и что вы в дела войны вмешиваться не можете.

«Ныне такие ответы уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а в тылу нашей доблестной и многострадальной армии растет общее расстройство всех проявлений народной жизни и удовлетворения первейших потребностей страны. Бездеятельностью власти угнетается победный дух народа и вера его в свои силы.

«Ваш первейший долг немедленно, не теряя минуты, проявить, наконец, всю полноту забот об устранении препятствий, мешающих достижению победы. Мы, члены Гос. Думы, имеем только совещательный голос, не можем принять на себя ответственность за неизбежную катастрофу, о чем я и заявляю вам категорически.

«Если Совет министров не примет, наконец, тех мер, которые возможны и которые спасли бы родину от позора и унижения, то ответственность падает на вас. Если вы, Иван Логинович, не чувствуете в себе сил нести это тяжелое бремя и не используете все имеющиеся средства, чтобы помочь стране выйти на стезю победы, — то имейте мужество в этом сознаться и уступить место более молодым силам.

«Настал решительный момент. Надвигаются грозные события, чреватые гибельными последствиями для чести и достоинства России. Не медлите, горячо прошу вас: отечество в опасности».

Письмо это я предварительно прочитал членам Думы, они одобрили его, и оно было послано. Кто-то

из членов Думы без моего ведома переписал это письмо. Оно стало ходить по рукам, и об этом мне сообщили потом с разных сторон. Получив письмо, Горемыкин прочитал его в Совете министров, возмущался «резким тоном» и заявил, что он доведет об этом до сведения государя императора.

После получения награды я испросил аудиенцию, но государь ответил, что он едет на южный фронт и примет меня через три недели. Это было в конце декабря. Бюджетная комиссия уже закончила работу, и депутаты настаивали на скорейшем созыве Думы. Не взирая на приближение праздника Рождества, я отправил доклад об окончании работ комиссии и вновь просил принять меня. Ходатайство было удовлетворено. На приеме я поблагодарил государя за награду, убеждал немедленно созвать Думу, передал об удручающем впечатлении от происходившего перед тем с'езда правых и, не желая, чтобы были какие кривотолки, показал отправленное Горемыкину письмо.

Никаких определенных ответов я не получил.

Ко всем волновавшим народ событиям в то время присоединились еще упорные слухи, что Германия предлагает нам сепаратный мир и что с ней негласно начали вести переговоры. Это тем более могло показаться правдоподобным, что еще в начале сентября я получил из Австрии от М. А. Васильчиковой [151] очень странное письмо, в котором она старалась убедить меня способствовать миру между воюющими странами. Письмо было достаточно неправильно написано по-русски и производило впечатление, что оно переведено с немецкого. На конверте не было ни марки, ни почтового штемпеля. Принес его какой-то неизвестный господин. Оказалось, что такие же письма были отправлены государю, великой княгине Марии Павловне [152], в. к. Елизавете Федоровне. А. Д. Самарину, князю А. М. Голицыну и министру Сазонову — всего в семи экземплярах. Я тотчас же переслал письмо Сазонову, министр сообщил, что и он получил такое же письмо и государь также, и советовал письмо бросить в корзину, заметив, что он тот же совет дал и государю.

Я не мог спросить Сазонова, как он терпит, чтобы Васильчикова сохраняла придворное звание (она была фрейлиной государынь императриц).

Ко всеобщему изумлению М. А. Васильчикова в декабре появилась в Петрограде. Ее встречал специальный посланный в Торнео, на границе, и в «Астории» для нее были приготовлены комнаты. Это рассказывал Сазонов, прибавивший, что, по его мнению, распоряжение было сделано из Царского. Все знакомые Васильчиковой отворачивались от нее; не желая ее принимать, зато в Царское она ездила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопрос о сепаратном мире в связи с ходившими слухами был поднят в бюджетной комиссии, министр внутренних дел Хвостов заявил, что, действительно, кем-то эти слухи распространяются, что подобный вопрос не поднимался в правительственных кругах и что если бы это случилось — он ни на минуту не остался бы у власти. После этого я счел нужным огласить в заседании письмо Васильчиковой и сообщил, что она находится в Петрограде. Хвостов, сильно смущенный, должен был сознаться, что она действительно жила в Петрограде, но уже выслана. После заседания частным образом Хвостов рассказал, что на следующий день после своего появления Васильчикова ездила в Царское Село (к кому, он не упомянул) и что он лично делал у нее в «Астории» обыск и в числе отобранных бумаг нашел письмо к ней Франца-Иосифа и сведения, говорившие, что она была в Потсдаме у Вильгельма, получила наставления от Бетмана-Гольвега, как действовать в Петрограде, а перед тем гостила целый месяц у принца Гессенского и привезла от него письмо обеим сестрам — императрице и в. к. Елизавете Федоровне. Великая княгиня вернула письмо, не распечатывая. Это передавала гофмейстерина ее двора графиня Олсуфьева.

Государь, как рассказывали, был очень недоволен появлением Васильчиковой и велел выслать ее в Сольвычегодск. Однако, Васильчикова преспокойно проживала в имении своей сестры Милорадович в Черниговской губернии.

XII

Питирим и Штюрмер. — Государь в Гос. Думе. — Гниющее мясо и недостаток продовольствия. — Приезд Вивиани и Тома. — На обеде у Штюрмера. — Русская парламентская делегация. — Проект диктатуры.

14 января (1916 года) вновь назначенный петроградский митрополит Питирим неожиданно позвонил по телефону, предупредив, что он желает посетить председателя Думы.

Питирим, бывший последовательно епископом во многих губерниях, а затем экзархом Грузии, сумел через Распутина втереться в доверие к императрице и был назначен вместо Владимира митрополитом петроградским. Он был великий интриган, а о его нравственности ходили весьма определенные слухи. Он сразу стал играть роль: его посещали министры, считались с ним, и его имя все время мелькало в газетах. Он успел побывать в Ставке у государя, и, как сообщалось в печати, ему было поручено передать председателю Думы о сроке созыва Думы.

Приехал он ко мне на квартиру с депутатом священником Немерцаловым,[153] взяв его, очевидно, в свидетели, и сразу начал с политики:

— Приехал выразить вам свой восторг по поводу письма вашего высокопревосходительства председателю Совета министров Горемыкину. Должен вам сказать, что об этом письме в Ставке известно.

— Для меня это не новость, владыко, я сам представил копию этого письма его величеству.

Питирим успокоительно заметил:

— Иван Логинович не долго останется: он слишком стар. Вероятно, вместо него будет назначен Штюрмер.

— Да, я слышал, но вряд ли это изменит положение, к тому же немецкая фамилия в такие дни оскорбляет слух.

— Он переменит фамилию на Панина...

— Обмен этот никого не удовлетворит... Вы знаете, владыко, есть хорошая пословица: жид крещеный, конь леченый и т. д.

Питирим заговорил о Думе и старался уверить, что

он бы хотел «столковаться с народным представительством и работать рука-об-руку». Я ему ответил, что это вряд ли возможно, так как вне сметы синода между Думой и митрополитом не может быть точек соприкосновения.

Митрополит чувствовал себя, видимо, не совсем хорошо и все время поглядывал на Немерцалова. Разговор перешел на реформу церкви, и я сказал ему откровенно:

— Реформа необходима и, если вы, владыко, хотите заслужить благодарность русских людей, то вы должны приложить все усилия, чтобы очистить православную церковь от вредных хлыстовских влияний и вмешательства врагов православия. Распутин и ему подобные должны быть низвергнуты, а вам надлежит очистить свое имя от слухов, что вы ставленник Распутина.

— Кто вам это сказал? — спросил бледный Питирим и, как бы проверяя меня, осведомился, говорил ли я о Распутине государю.

— Много раз... А что касается вас, владыко, то вы сами себя выдаете...

По выражению лица Питирима видно было, что он не поверил. На этом разговор оборвался, и мы простились.

Слова Питирима оправдались: Горемыкин был отставлен и заменен Штюрмером. Назначение это привело всех в негодование: те, которые его знали по прежней деятельности, не уважали его, а в широких кругах, в связи со слухами о сепаратном мире, его фамилия произвела неприятное впечатление, — поняли, что это снова влияние императрицы и Распутина и что это сделано умышленно наперекор общественному мнению.

Открытие Думы было назначено на 9 февраля. Ходили слухи, что правые хотят сорвать заседание. Отношения с новыми министрами не были установлены. Штюрмер, вопреки обычаю вновь назначенных премьеров посещать председателей палат, попробовал по телефону вызвать меня к себе, на что ему сказали, что председатель Думы ожидает его у себя. Штюрмер немедленно приехал и держался заискивающе.

4 февраля было получено радостное известие о взятии нашими войсками Эрзерума. Слава этой победы всецело принадлежала генералу Юденичу,[164] который, вопреки распоряжению штаба, взял крепость штурмом. Этот военный успех облегчил примирение с членами Думы и как-то сгладил последние вызовы власти.

Послы союзных держав и многие из иностранцев, принимавших участие в снабжении армии, обращались ко мне, желая проверить слухи об окончательном роспуске Думы. Слухи эти их очень волновали.

Надо было придумать что-нибудь, чтобы рассеять эти слухи, поднять настроение в стране и успокоить общество. Необходимо было, как я считал, убедить государя посетить Думу. Обостренные настроения народного представительства с правительством могли вызвать нежелательные выступления правых и левых, и эти выступления трудно было бы предотвратить. Между тем, посещение царя обезоружило бы тех и других. Но кто мог уговорить на такой шаг царя? Первым делом надо было обратиться к Штюрмеру и заручиться обещанием не мешать и не отговаривать царя. Бюрократ в душе, Штюрмер испугался возможности подобного шага, но все-таки обещал не вмешиваться, особенно после того, как я ему об'яснил всю выигрышную сторону этого для него лично: в обществе могли предположить, что это он, новый премьер, внушил такую благую мысль государю. После этого я решил прибегнуть к помощи некого Клопова, старого идеалиста, патриота, которого царь давно знал и любил и допускал к себе. Клопов этот бывал и у меня. Он согласился и написал царю письмо, изложив доводы касательно посещения Думы. Скоро он получил ответ следующего содержания:

«Господи благослови. Николай».

9 февраля за полчаса до открытия Думы приехал Штюрмер и предупредил, что государь прямо из Ставки будет в Думе. Немедленно был созван совет старейшин, которым я сообщил это радостное известие. Все депутаты, без различия партий, были приятно поражены и хотели видеть в этом хорошее предзнаменование для будущего. Решено было как можно торжествен-

нее обставить этот важный по своему значению для Думы день: о предстоящем посещении было сообщено послам союзных держав, и они были приглашены на торжественное молебствие. В городе эта весть быстро разнеслась, из уст в уста передавали с радостными лицами: «Царь в Думе... Слава богу, теперь все изменится к лучшему». Приставская часть осаждалась требованиями билетов, и публики на хорах набралось столько, как никогда.

Интересно, что накануне вечером священник Немерцалов от имени митрополита приходил ко мне в кабинет и передавал о желании владыки служить молебен на открытии Думы. Ему ответили, что при думской церкви имеется уважаемое всеми духовенство и что нет оснований изменять заведенный порядок.

Депутаты были все в сборе. В Екатерининском зале собрались представители союзных держав, члены Г. Совета и сенаторы. Председатель со своими товарищами и с советом старейшин встретили государя на крыльце. Государь под'ехал на автомобиле с в. к. Михаилом Александровичем и графом Фредериксом. Поздоровавшись, государь прошел в Екатерининский зал под неумолкаемые крики «ура» и приложился ко кресту. Государь был очень бледен и от волнения у него дрожали руки. Начался молебен; хор пел великолепно, все было торжественно и проникновенно. «Спаси, господи, люди твоя» пели члены Думы, даже публика на хорах. Вся эта обстановка, повидимому, успокоительно подействовала на государя, и его волнение сменилось довольным выражением лица. Во время провозглашения «Вечной памяти всем, на поле брани живот свой положившим», — государь встал на колени, а за ним опустилась и вся Дума.

По окончании молебна государь подошел ко мне со словами:

— Михаил Владимирович, я хотел бы сказать несколько слов членам Думы. Как вы думаете, это лучше здесь, или вы предполагаете в другом месте?

— Я думаю, ваше величество, лучше здесь.

— Тогда прикажите убрать аналой.

Поговорив несколько минут с подошедшими ино-

странными послами, государь обратился к депутатам, которые окружили его тесным кольцом. Речь, сказанная спокойно, внятно и громко, произвела хорошее впечатление, и громовое «ура» было ответом на царские милостивые слова. *

Присутствующие пропели гимн, и после короткого приветствия председателя Думы государь прошел через боковые двери в зал заседаний, а в это время через средние двери уже успели наполнить зал и депутаты, и государя снова встретило непрерывное «ура». Государь с интересом все рассматривал, спрашивал, где сидят какие партии, в полуциркульном зале он расписался в золотой книге и стал проходить далее.

Воспользовавшись тем, что я в это время остался с ним вдали от всех, я обратил его внимание на воодушевление и под'ем, царившие среди членов Г. Думы.

— Воспользуйтесь, ваше величество, этим светлым моментом и об'явите здесь же, что даруете ответственное министерство. Вы не можете себе представить величие этого акта, который благотворно отразится на успокоении страны и на благополучии исхода войны. Вы впишете славную страницу в историю вашего царствования...

Государь помолчал, а затем сказал:

— Об этом я подумаю.

Мы проходили дальше мимо дверей министерского павильона:

— А там что? — спросил государь.

— Комнаты министров, ваше величество, от которых вы должны быть как можно дальше.

Государь в павильон не зашел.

Приветливо поговорив с чинами канцелярии, окруженный толпой депутатов, он направился к выходу. Перед от'ездом государь несколько раз благодарил депутатов за прием и, обратившись ко мне, сказал:

— Мне было очень приятно. Этот день я никогда не забуду.

Все высыпали на под'езд, и царский автомобиль

---

* Придворная цензура совершенно исказила эту речь.

от'ехал при громовом «ура», подхваченном улицей, где собравшаяся толпа радостно приветствовала царя.

Великий князь Михаил Александрович оставался до конца заседания. Вечером того же дня государь посетил Гос. Совет, где все прошло холодно, без торжественности и под'ема. Контраст с приемом Думы всех поразил, и об этом потом много говорили в обществе.

Декларация Штюрмера, прочитанная после от'езда государя, произвела удручающее впечатление: произнес он ее невнятно, а когда по газетам ознакомились с ее содержанием, она еще более разочаровала. В длинных путаных фразах ничего не было сказано о намерениях правительства. Сошел он с кафедры при гробовой тишине, и только кто-то на крайней правой попробовал ему аплодировать. С первых же шагов Штюрмер предстал как полное ничтожество и вызвал к себе насмешливое отношение, выразившееся в яркой речи Пуришкевича. Он тогда пустил свое крылатое слово «чехарда министров», назвал Штюрмера «Кивач * красноречия» и сравнил его с героем «Мертвых душ» Чичиковым, который, посетив всех уважаемых в городе лиц, долго сидел в бричке, раздумывая, к кому бы еще заехать. Это сравнение было очень удачным, так как Штюрмер с момента вступления в должность все раз'езжал по разным министерствам и говорил речи.

Появление военного министра Поливанова было встречено овацией: его обстоятельная и деловая речь прослушана со вниманием. Так же сердечно Дума встретила Сазонова и Григоровича. Закончилось заседание декларацией прогрессивного блока,[155] в которой выражалось пожелание создать министерство, пользующееся доверием, чтобы с его помощью организовать силы страны для окончательной победы, упорядочение тыла и привлечение всех виновных в наших неудачах на фронте к ответственности. Тон декларации был уверенный и обязывающий правительство прислушаться к голосу народа.

В последующих заседаниях депутаты говорили в том же смысле; во многих речах слышалось требование

---

* Водопад в сев. России.

о предании суду Сухомлинова. Особенно яркие речи произнесли: В. Бобринский, Маклаков и Половцев.[156] Последний, говоря о Мясоедове и военном министре, упомянул, что Мясоедова постигла заслуженная кара, и заключил свою речь словами: «А где злодей, который обманул всех лживыми уверениями кажущейся готовности нашей к страшной борьбе, который тем сорвал с чела армии ее лавровые венки и растоптал в грязи лихоимства и предательства, который грудью встал между карающим мечом закона и изменником Мясоедовым? Ведь это он, министр, головой ручался за Мясоедова. Мясоедов казнен, где же голова его поручителя? На плечах, украшенных вензелями».

Наши союзники в полной мере учли важность события 9 февраля, и от палаты депутатов и английского парламента были присланы приветственные телеграммы[157], из которых было видно, что они поняли посещение государя как единение царя с народом, как новую угрозу для Германии, рассчитывающей на наши внутренние беспорядки.

В среде царской семьи шаг государя был встречен с большим одобрением. Недовольна была только императрица: она резко говорила против по научению своего злого гения.

За несколько дней до созыва Думы распространился слух, что в ресторане «Вилла Роде» убили Распутина. Все радовались, но оказалось, что его только избили. Позднее стало известно, что Штюрмер приказал охранять Распутина как высочайшую особу и помимо Поливанова велел дать в его распоряжение четыре военных автомобиля. Хвостов хвастался, что он организовал спаивание Распутина, но уже чувствовал, что его дни сочтены, что императрица и Штюрмер к нему охладели и хотят посадить на его место товарища министра Белецкого,[158] дружившего с Распутиным и непосредственно его охранявшего. Чтобы предупредить неприятность быть уволенным, Хвостов, как он признавался, подал рапорт об отставке. Государь отставки не принял. А когда произошло избиение Распутина и открылась путаная история с посылкой некого Ржевского[159]

для покупки документов у Илиодора, были уволены оба: и Хвостов и Белецкий.

Позднее я слышал от инженера Бахметьева, вернувшегося из Америки, что там писали о роли Илиодора, который продал выкраденные у Распутина письма императрицы журналу «American Magazine».

Наш посол старался перекупить документы, но это ему не удалось, и он зря потерял десять тысяч задатку.

Правительство своими действиями постаралось возможно скорее испортить впечатление от посещения государя. Оно продолжало прежнюю политику, вернее прежний разброд. В самой Думе правые подняли голову. Марков 2-ой позволял себе неприличные выходки против общественных организаций, обвиняя их, что они волнуют умы и наживаются на войне. Обвинения, конечно, бросались без всяких доказательств и фактов, с единственной целью внести раздор и посеять недоверие к этим организациям. С'езд крайних правых в Нижнем-Новгороде их не удовлетворил, и они начали подготовлять новый, на который предполагали привлечь духовенство и крестьян. Во главе этой затеи стоял бывший министр юстиции Щегловитов, а средства щедро отпускались от правительства. Одновременно ходили упорные слухи о роспуске Думы и о новых переменах в правительстве.

Пользуясь приездом государя в Царское, я испросил аудиенцию и 24 февраля 1916 г. был принят. Аудиенция продолжалась полтора часа. Я говорил обо всем с полной откровенностью, рассказал об интригах министров, которые через Распутина спихивают один другого, о том, что попрежнему нет сильной системы, что повсюду злоупотребления, что с общественным мнением и с народом не считаются, что всякому терпению бывает предел. Я упомянул об авантюрах Д. Рубинштейна [160], Мануса [161] и прочих тыловых героев, об их связи с Распутиным, об его кутежах и оргиях и о том, что близость его к царю и к царской семье и влияние его на все существенные вопросы государственной жизни в дни войны доводят до отчаяния честных людей. Уча-

стие Распутина в шпионаже [162], как агента Германии, не подлежало сомнению.

— Если бы министры вашего величества, — сказал я, — были независимые люди и преследовали единственную цель — благо родины, — присутствие такого человека, как Распутин, не могло бы иметь значения для дел государства. Но беда в том, что представители власти держатся им и впутывают его в свои интриги. Я опять должен доложить вашему величеству, что так долго продолжаться не может. Никто не открывает вам глаза на истинную роль этого гнусного старца. Присутствие его при Дворе вашего величества подтачивает доверие к верховной власти и может пагубно отразиться на судьбах династии и отвратить от государя сердца его подданных.

На все тяжелые истины государь либо молчал, либо выражал удивление, но, как всегда, был любезен и приветлив. Когда я прервал свой доклад, он обратился с вопросом:

— Ка вы думаете, чем окончится война... Благополучно ли для нас?

Я сказал, что за армию и народ можно отвечать, но что командный состав и внутренняя политика затягивают войну и мешают победе.

Доклад этот, все-таки, видимо произвел впечатление: 27 февраля было дано распоряжение выслать Распутина в Тобольск.

Через несколько дней распоряжение это по требованию императрицы было отменено.

1 марта последовало высочайшее соизволение о направлении дела Сухомлинова в первый департамент Г. совета для разрешения вопроса о предании его суду. Подписывая бумагу, государь заметил:

— Приходится принести эту жертву.

Три неделя спустя первый департамент вынес постановление о назначении предварительного следствия, которое признало, что к генералу Сухомлинову, согласно обвинительному акту, надо применить личное задержание. Верховный следователь доложил об этом министру юстиции, который согласился на арест Сухомлинова. Бывший военный министр был заключен

в Алексеевский равелин Петропавловской крепости [163]. Жена его, игравшая такую важную роль в его вольных и невольных связях с лицами, уличенными в шпионстве, не только была оставлена на свободе, но ей даже были разрешены свидания с мужем. Она добилась через Распутина аудиенции у царицы, и та ей стала покровительствовать.

3 марта был уволен министр внутренних дел Хвостов, сломавший себе шею в борьбе с распутинским кружком.

На заводах продолжались забастовки, вызывая опасения не только в тылу, но и на фронте. Генерал Алексеев писал мне, что доставка продовольствия в армию совсем не организована, что снова нехватает сапог, и опасаются, как бы не прекратилась доставка снарядов. На северном фронте, ближайшем от столицы, от плохого питания среди солдат распространилась цынга.

В Особом совещании прошел, наконец, вопрос с секвестре Путиловского завода. Не проходило аудиенции у государя, чтобы я не напоминал, что надо пересмотреть неправильное решение. После секвестра прежние члены правления были удалены и назначены надежные и знающие люди. Рабочие, как военно-обязанные, лишены были возможности бастовать.

15 марта был уволен без рескрипта военный министр Поливанов. Он только-что вернулся из Ставки после милостивого приема и неожиданно для себя и для всех получил уведомление, что он отставлен от должности. Все недоумевали и об'ясняли причину отставки секвестром Путиловского завода или доносами, что Поливанов инспирирует политические резолюции военно-промышленных комитетов. Сам Поливанов понял причину гораздо проще: он распорядился отобрать от Распутина данные ему Штюрмером четыре военных автомобиля; императрица, всегда относившаяся к нему недоверчиво, узнала об этом распоряжении и настояла на его удалении.

Незадолго перед тем Поливанов говорил:

— Теперь мне совершенно ясно, как можно упорядочить военные дела после сухомлиновской разрухи и привести к победе.

Отставка эта произвела удручающее впечатление. Газеты были полны восхваления ушедшего министра, оценивая результаты его работы сравнительно за короткий срок. В Думе и в обществе говорили о безответственном влиянии, о министерской чехарде и о том, что враг забирается все глубже и глубже и бьет по тем людям, которые вредны немцам и полезны России.

Взоры были обращены к народному представительству, которое в то время пользовалось популярностью и доверием страны, но и Дума уже сознавала, что при наличии Распутина и влиянии царицы, которое все усиливалось, невозможно достичь желаемых результатов в смысле успехов на фронте и порядка в тылу.

Вместо Поливанова был назначен генерал Шуваев, честный хороший человек, но недостаточно подготовленный для такого поста и в такое исключительное время. Его председательство в Особом Совещании делало заседания путаными и утомительными. После ухода Поливанова в. к. Сергей Михайлович повел агитацию против Особого Совещания и убеждал государя вовсе его упразднить. С Шуваевым на заседаниях происходили постоянные столкновения и, казалось, будто он нарочно вызывал резкости, чтобы иметь причины для ликвидации Совещания.

Беспорядки в тылу принимали угрожающий характер. В Петрограде уже чувствовали недостаток мясных продуктов. Между тем, проезжая по городу, можно было встретить вереницы подвод, нагруженных испорченными мясными тушами, которые везли на мыловаренный завод. Подводы эти попадались прохожим среди белого дня и приводили жителей столицы в негодование: на рынке нет мяса, а на глазах у всех везут чуть не на свалку испорченные туши.

Члены Особого Совещания ездили осматривать городские холодильники за Балтийским вокзалом. Холодильники были в полном порядке, мясо в них не портилось, но зато кругом были навалены горы гниющих туш. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки в армию. Его, видите ли, негде было хранить. Когда поставщики обращались за разрешением построить новые холодильники, им не давали ни средств,

ни разрешения. По обыкновению, министерства не могли между собой сговориться: интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось. Это было так же нелепо, как и многое другое: точно, сговорившись, все делали во вред России.

Члены Особого Совещания доложили обо всем виденном на заседании, я написал письмо Алексееву, и только после этого заинтересовались мясным вопросом. Тысячи пудов мяса, конечно, погибли. То же самое происходило и с доставкой мяса из Сибири: от недостатка и неорганизованности транспорта гибли уже не тысячи, а сотни тысяч пудов. Виновников, конечно, не нашлось, так как один сваливал на другого, а все вместе на общую бесхозяйственность.

Поливанов говорил, что мясную историю он считает не случайностью и даже не следствием разрухи, а планомерным выполнением немецкой программы.

В половине апреля вернулся из Кисловодска генерал Рузский, — ездил в Ставку, прося назначения на фронт, но ничего определенного не получил и томился в Петрограде без дела. Между тем, на северном фронте, где появился Куропаткин,[164] дела были хуже, и под Ригой мы понесли ненужные большие потери.

В Особом Совещании был поднят вопрос об усилении производства ручных гранат и орудий для разрушения проволочных заграждений. Во французской армии эти орудия были в большом употреблении, и генерал Жоффр,[165] узнав, что их у нас нет, прислал специалиста, с помощью которого был приспособлен для этой цели один завод. На фронте от этих новых орудий были в восторге. Мне самому пришлось быть во время их испытания на северном фронте, и они действовали прекрасно.

Между тем в. к. Сергей Михайлович распорядился прекратить выделку этих орудий. Об этом мне сообщил французский военный агент маркиз Лягиш.[166] Начальник артиллерийского управления генерал Маниковский подтвердил слова Лягиша. Снова пришлось говорить об этом в Особом Совещании, снова об'яснять то, что, казалось бы, должно было быть для всех оче-

видным, и снова вступать в борьбу с безответственными влияниями..

В газетах появилась короткая заметка о том, что какой-то чиновник назначается делопроизводителем при особом совещании пяти министров под председательством Трепова. Об этом совещании никто не имел представления. Какие пять министров и о чем они совещаются, и какое это учреждение, созданное помимо Думы? Я запросил Штюрмера, что представляет из себя это совещание и на основании какого закона оно действует. Ответа не последовало. Только через несколько дней на банкете в честь французских министров Штюрмер отвел меня в сторону и сказал, что он не мог ответить на письмо, так как это совещание было учреждено секретно по желанию государя.

Подробности этого дела следующие. При создании Особого совещания из общественных деятелей власть военного министра, как председателя Совещания, простиралась до известной степени на все ведомства в тех случаях, когда вопрос касался военной необходимости. Совещание решало, военный министр утверждал и ведомства должны были исполнять. Совет министров оставался в стороне. Такой порядок, несмотря на блестящие результаты, не мог нравиться чиновникам и некоторым министрам, и они убедили государя создать какой-то комитет из пяти министров. Пока был Поливанов, на это не решались, потому что он стоял на почве закона и пользы дела: поэтому-то его и уволили.

Создание министерского совещания, недоверие и негласный контроль над Совещанием общественных деятелей глубоко оскорбили и возмутили его участников. Они поручили мне передать Штюрмеру, что если совещание пяти не будет упразднено, то все члены Особого совещания по обороне подадут мотивированную отставку, а это будет чревато последствиями. Штюрмер поспешил заявить, что он тоже находит существование совещания пяти незаконным и доложит об этом государю.

В первых числах мая приехали представители французского правительства: Вивиани и Тома[167]. Дума устроила им торжественный банкет. Говорились речи

о взаимной братской дружбе и совместной борьбе до конца.

На другой день Тома пожелал иметь продолжительный разговор о снабжении армии, провел у меня целый вечер и поразил присутствовавшего при разговоре члена Особого совещания С. И. Тимашева[168] своей осведомленностью о положении наших дел. Говоря о недостатках снабжения, он перечислил все наши больные стороны и закончил остроумной, многозначительной фразой:

— La Russie doit être bien riche et sûre de ses forces pour se permettre le luxe d'un gouvernement comme le votre, car le premier ministre — c'est un désastre et le ministre de la guerre — une catastrophe. *

Когда через день французы уезжали и я их провожал, я спросил одного из них:

— Dites moi, monsieur, sincerement votre opinion qu'est ce que vous manque en Russie **.

Француз ответил:

— Ce qui nous manque? C'est l'autocratie de votre gouvernement car si j'ose vous dire encore, M. le president, la Russie doit être bien forte. Moralement pour supporter pendant le temps serieux que nous passons, cet état de douce anarchie, qui régne dans votre pays et jette aux yeux. ***

12 мая Штюрмер давал обед, на который были приглашены все министры, несколько членов Г. Совета, кое-кто из правых Думы. Я принял приглашение и пошел, чтобы в интимной обстановке высказать все, что наболело и волновало. После обеда, когда подали кофе и перешли в гостиную, я сказал собравшимся приблизительно следующее:

---

* Россия должна быть очень богатой и уверенной в своих силах, чтобы позволить себе роскошь иметь такое правительство, как ваше, в котором премьер-министр — бедствие, а военный министр — катастрофа.

** Скажите мне откровенно ваше мнение, чего недостает России.

*** Чего недостает?.. Это твердой власти в правительстве: я позволю себе снова повторить вам, г. председатель, что Россия должна быть морально очень крепка, чтобы переносить в такое тяжелое время, как мы переживаем, состояние тихой анархии, которая царит в вашей стране и бросается в глаза.

«Подумайте, что происходит... В великую годину, когда проявляется во всей красоте народный под'ем, доблесть армии, когда льются реки крови, — правительство не сумело стать во главе движения, не сумело уловить настроение и, мелко плавая, не шло дальше надзора над общественными организациями. Вы, представители правительства, ничего не поняли, ничего не учли и, цепляясь за свою власть и преимущества, оставались безучастными зрителями, когда перед вами церемониальным маршем демонстрировали патриотический под'ем всей страны, без различия партий, положения и национальностей. Вы оказались в обозе второго разряда, и когда все жаждали работы для победы, просили разумной твердой власти, правительство занялось поисками несуществующей революции. Вы устраивали монархические с'езды, травили общественные организации, вы создавали те бесконечные междуведомственные трения и интриги, от которых парализовались дела управления и государство попало в руки мародеров тыла. Лихоимство, взятки, грабежи растут изо дня в день, и с этим не борются. Лица, заслуживающие виселицы, продолжают играть роль, и всем двигает не патриотизм, а протекция и личная выгода»...

Я им напомнил Маклакова с историей поставки сапог на армию и Горемыкина, который во время отступления пятнадцатого года повторял, что война его не касается.

«Вся страна слилась в одном лозунге: «все для войны», а правительство жило и продолжает жить своей чиновничьей жизнью вне великих событий. Теперь приближается ликвидация войны и после колоссальной перестройки всего здания государства — готовится ли правительство к разрешению тех колоссальных вопросов, которые будут за войной? Понимает ли оно международные, торговые, экономические и другие перспективы и озабочено ли оно поднятием сельского хозяйства? Решительно нет. На мое предложение созывать периодически смешанные совещания министров, промышленников и сведущих людей по разным отраслям, членов палат, профессоров, словом, делать то, что давно делается нашими союзниками, — мне отвечают

все по очереди отказом, а Сазонов и Шаховской заявляют, что экономические вопросы их не интересуют и они в них не осведомлены. Дальше этого итти нельзя. И немудрено, что, когда в первый период войны правительство действовало без вмешательства общества, враг завладел двадцатью губерниями, а наши доблестные войска отступали без снарядов и ружей. Резкая перемена произошла с тех пор, как вмешались члены Думы, но правительство сразу начало им во всем мешать и создавало свои конспиративные совещания... Вы должны понять, что страна вас не любит, не верит вам; вы доказали, что у вас нет ни системы, ни знания, ни организации. Все заменяется полицейскими мерами преследования. В бесплодных поисках мнимой революции вы уничтожаете живую душу народа и создаете глухое брожение и недовольство, которые могут, в конце концов, вылиться в действительную революцию. Не понимая величия минуты, вы роняете власть и развращаете народ тем, что не внушаете ему уважения к власти. Но придет время, и он потребует возмездия за все ваши ошибки».

Князь В. М. Волконский говорил мне потом, что мои слова обрушились на министров, как гром, которого они не ожидали.

Штюрмер после этого обеда ездил в Ставку, и совещание пяти министров было отменено (через несколько месяцев было, однако, вновь образовано подобное совещание, на этот раз из шести министров).

16 мая был опубликован указ о возобновлении занятий Думы. Так как 27 апреля было десятилетие со дня созыва первой Думы,[169] то мне пришлось отметить это событие во вступительной речи. Я упомянул, что, несмотря на ошибки первых двух Дум[170], идея народного представительства укрепилась в сознании народа, как фактора, необходимого в государственном строе, и отметил заслугу императора Николая II, даровавшего России народное представительство. Правительство в полном составе отсутствовало: говорили, что оно ожидало каких-то резких выступлений.

В этой сессии занятия шли вяло, депутаты неисправно посещали заседания, часто не было кворума.

Правые делали резкие выходки, желая сорвать Думу, а в общем атмосфера была настолько неопределенной, что трудно было что-нибудь сделать. Постоянная борьба казалась бесплодной, правительство ничего не хотело слушать, неурядица росла, и страна шла к гибели. На Думу возлагали надежды, но она, к сожалению, была бессильна. Мы мучительно переживали это общее состояние упадка духа и энергии.

На кавказском фронте был новый успех, но и в то же время с кавказского фронта приходили известия, что войска терпят большие лишения, что, вообще, сил там мало и на просьбы прислать подкрепление в Ставке не обращали внимания.

По мнению генерала Поливанова следовало обратить главное внимание на кавказский фронт, продвигаться к Константинополю и взять его с помощью союзников, находившихся в Салониках. Об этом писали и французские газеты. В Ставке, однако, смотрели иначе, руководствуясь, главным образом, ревностью к в. к. Николаю Николаевичу. Стоило ему что-нибудь заявить, чтобы делали наоборот, и просьбы его вообще не исполнялись. Впрочем, недоброжелательство было обоюдное: когда в Ставке отстраняли кого-нибудь от должности, его брали на Кавказ.

Начались успехи Брусилова[171] на нашем западном фронте. За эту операцию брусиловские армии взяли 430 тысяч пленных. Успехи наши имели большое значение для союзников, так как мы снова откинули войска от Вердена, где в продолжение стольких месяцев немцы бесплодно истощали яростными атаками свои и французские силы. Италия тоже была спасена нашим наступлением и с ее фронта на наш были перевезены крупные австрийские части.

Офицеры, участники наступления, считали, что успеху операции помогло то обстоятельство, что Брусилов начал наступление на полтора суток раньше назначенного Ставкою срока: в армии ходили упорные слухи, что в Ставке существует шпионаж и что враг раньше нас осведомлен о всех наших передвижениях. К сожалению, многие факты подтверждали это подозрение.

В мае и июне наша парламентская делегация посетила союзные государства и везде была встречена с большим почетом и воодушевлением. Перед от'ездом я предупредил Протопопова, старшего в делегации, что наши русские посольства могут быть недостаточно внимательны. К сожалению, так и оказалось: наш посол в Англии граф Бенкендорф [172] отсутствовал при встрече и не командировал ни одного из чиновников посольства. Делегацию это особенно поразило, потому что со стороны англичан встреча была обставлена весьма торжественно: король выслал за делегацией свой поезд, и многие высшие чины были на вокзале. Когда Протопопов приехал в наше посольство, граф Бенкендорф был с ним почти невежлив и об'яснил отсутствие посольства тем, что не обязан встречать делегацию, не получив по этому поводу инструкций из Петрограда. Между тем во всех союзных государствах, в речах и разговорах иностранцы особенно подчеркивали свое доверие к русскому народному представительству. Судя по докладу Протопопова и отзыву о нем Милюкова, он, как глава делегации, держал себя умно и тактично. Наши депутаты были поражены идеальной организацией тыла у союзников и их работой на оборону.

Единственной фальшивой нотой поездки было бестактное свидание Протопопова с представителем Германии в Стокгольме [173] на обратном пути. Протопопов задержался и, когда остальные уехали, он не как председатель делегации, а как частное лицо имел свидание с Варбургом, подосланным германским послом Люциусом. Газеты подняли по этому поводу шум, и я вынужден был потребовать об'яснения Протопопова в Думе в присутствии депутатов. Протопопов не отрицал своего свидания с первым секретарем германского посольства, которому он подчеркнул невозможность для России мира до полного поражения Германии. Когда Варбург пытался оправдать Германию и сваливал всю ответственность на Англию, Протопопов заявил, что он не может позволить в своем присутствии порочить наших союзников. Дума удовлетворилась его об'яс-

нениями, и я послал в газеты письмо с описанием стокгольмского инцидента.

На фронте не могли понять, почему наступление шло только на юго-западе у Брусилова и почему его не поддерживают. Между тем у Барановичей прорыв начался неудачно, и действия словно оборвались.

В противовес брусиловским успехам в Особом совещании по обороне дела все более запутывались, и борьба с председателем министром Шуваевым усиливалась. Он все более и более обнаруживал свою неспособность к ответственной роли, подпадал под влияние придворных сфер и слепо исполнял приказания, исходившие из Царского Села. Несмотря на свою порядочность и честность, он терялся среди всевозможных течений и не умел сглаживать разногласий. Когда, благодаря в. к. Сергею Михайловичу, началось из Ставки гонение на энергичного начальника артиллерийского управления Маниковского, Шуваев не сумел его поддержать, и Маниковского удалось отстоять только настойчивыми требованиями членов Думы и Совета.

24 июня я отправился в Ставку с докладом и до приема у государя навестил генерала Алексеева. В Петрограде ходили слухи, что Алексеев готовит доклад об учреждении диктатуры в тылу по вопросам внутреннего управления и снабжения армии и страны. Незадолго до моего от'езда я получил сведения от генерала Маниковского, что новый проект уже разработан и что генерал Алексеев подал об этом доклад государю. В подтверждение своих слов Маниковский передал мне копию доклада, сущность которого сводилась к созданию диктатуры для упорядочения тыла с правом приостанавливать распоряжения министров и Особого совещания. Легко представить, чем грозило создание такой диктатуры, если предложение это было внушено в. к. Сергеем Михайловичем с тем, чтобы самому занять этот важный и ответственный пост.

Я спросил Алексеева, правильно ли то, что мне сообщили о его проекте, или нет, и показал ему копию доклада.

Алексеев признался, что он действительно подал государю такой доклад, настойчиво добивался, кто мне

передал секретную бумагу, и говорил, что он не может воевать с успехом, когда в управлении нет ни согласованности, ни системы и когда действия на фронте парализуются неурядицей тыла.

Я указал генералу Алексееву, что его сетования совершенно справедливы, но если дать настоящие полномочия председателю Совета министров, то можно обойтись без диктатуры. Назначение же на такой пост в. к. Сергея Михайловича было бы равносильно гибели всего дела снабжения армии. Вокруг него снова собрались бы прежние помощники и друзья, и, кроме вреда армии и стране, от этого ничего бы не последовало.

— Передайте от меня великому князю Сергею Михайловичу, — сказал я Алексееву, — что если он не прекратит своих интриг по части артиллерийского снабжения, то я, как председатель Думы, обличу его с думской трибуны: доказательств о его деятельности у меня больше чем достаточно.

В дальнейшем разговор коснулся общего положения на фронте, и я передал Алексееву о желании армии видеть Рузского снова командующим. В некоторых вопросах Алексеев вполне согласился, неодобрительно отзывался об Эверте [174] и Куропаткине, но про Рузского сказал, что назначения ему дать не может.

Это свидание с Алексеевым было у меня первым: до тех пор мы только переписывались. Алексеев производил впечатление умного и ученого военного, но нерешительного и лишенного широкого политического кругозора.

Прием у государя был по обыкновению любезный, и все сообщения о разных неприятностях тыла были выслушаны без противоречия и неудовольствия. Давая отчет о думской работе, я указал на желание правых создать конфликт по вопросу о борьбе с немецким засильем. Закон, внесенный правительством, не был принят, так как он не достигал цели: бороться с немецким засильем в тылу надо, но затрагивать приэтом во время войны во всей широте земельный вопрос опасно. Здесь должна быть система, и отнимать у одних землю, чтобы раздать их солдатам, пострадавшим на войне, рискованно и может повести к аграрным беспорядкам.

На это государь заметил, что раздача земель солдатам была его мыслью.

— Тем не менее, ваше величество, позвольте с вами не согласиться и всеподданнейше просить пересмотреть этот законопроект.

Когда речь зашла о Польше, я напомнил, что положение Польши до сих пор не выяснено, что поляки волнуются за свою судьбу, видя, что правительство постепенно забывает о воззвании в. к. Николая Николаевича.

Перед от'ездом в Ставку поляки мне рассказывали, что императрица в разговоре с графом Замойским [175] сказала:

«L'idée de l'autonomie de le Pologne est insensée on ne peut le faire sans donner les mêmes droits aux provinces baltiques». *

Переходя к вопросу о диктатуре, я сказал, что вынужден предостеречь государя от этого опасного шага, и к крайнему удивлению заметил, что государь, видимо, совсем забыл о проекте Алексеева и спросил:

— Какая диктатура?

Я подал копию доклада, государь посмотрел на нее равнодушно и сказал:

— Да, у меня в делах есть такая бумага.

Мое мнение сводилось к тому, что учреждение диктатуры не достигло бы цели и в то же время умаляло бы царскую власть. Государь слушал внимательно и спросил:

— Что же вы посоветуете сделать для упорядочения тыла?

— Ваше величество, я могу предложить вам один выход из создавшегося положения, и он тот же, который я вам предлагал и раньше: дайте ответственное министерство. Вы только расширите права, которые вы уже дали конституцией, но власть ваша останется незыблемой. Только ответственность будет лежать не на вас, а на правительстве, а вы попрежнему будете утверждать

---

* Идея об автономии Польши бессмысленна; она неосуществима без того, чтобы не дать тех же прав Прибалтийскому краю.

законы, распускать законодательные учреждения и решать вопросы войны и мира.

Государь ответил:

— Хорошо, я подумаю, — добавил: — а кого бы вы порекомендовали в председатели Совета Министров?

— Вы будете удивлены, ваше величество, но я назову адмирала Григоровича. В своем ведомстве он сумел в короткое время наладить дело образцово.

— Да, это правда, но его область иная, а в председателях он будет не на месте.

— Поверьте, государь, что он будет лучше Штюрмера.

Когда разговор коснулся непорядков в министерствах путей сообщения и торговли, то государь снова спросил:

— А кто ваши кандидаты на эти посты?

Я назвал инженера Воскресенского [176] и товарища председателя Думы Протопопова.

Царь не возражал, но, как и при других докладах, делал заметки в записной книжке.

Заканчивая доклад, я упомянул еще о двух вопросах: о защите министрами так называемого Кузнецкого предприятия, в котором был заинтересован брат министра Трепова и которому покровительствовали министры Трепов и кн. Шаховской, и о помощи увечным воинам. Предприниматели, участвовавшие в Кузнецких заводах, добивались получить огромные участки богатых казенных земель на Урале и для разработки просили беспроцентную ссуду в двадцать миллионов, которые обязались выплатить в течение пяти лет. Г. Дума отвергла это ассигнование на дело, казавшееся ей спекулятивным.

Вопрос о правильном попечении увечных воинов до сих пор не был как следует разработан. Государь просил представить по этому поводу проект в готовом виде, чтобы он мог быть передан в законодательные палаты.

После приема я был приглашен к высочайшему столу, но, несмотря на милостивое внимание, мне было ясно, что доклад мой не произвел должного впечатления: не

то усталость, не то равнодушие были заметны в отношении ко всему происходящему.

Когда в промежутке между приемом и обедом я рассказывал о впечатлении от своего доклада М. П. Кауфману [177] *, тот сказал: «Я бы посоветовал вам явиться к императрице и постараться образумить ее и об'яснить ей истинное положение вещей: может быть, вы там чего-нибудь и добьетесь».

XIII

Штюрмер-диктатор, — Гвардия на фронте. — Аэропланы из-за границы.

Министерская чехарда продолжалась. Министр Сазонов был отставлен без прошения, и на его место назначен Штюрмер с оставлением премьером. Хвостов, министр юстиции, назначен министром внутренних дел, а Макаров на место Хвостова. Причины отставки Сазонова никто не мог об'яснить. Один из служащих министерства иностранных дел мне говорил, что причина эта заключалась в докладе Сазонова о Польше. Сазонов настаивал на разрешения польского вопроса и на удалении Штюрмера, главного противника автономии Польши. Но я думаю, что причины эти лежали глубже. Про министра юстиции Хвостова говорили, что он пострадал из-за Сухомлинова, так как отказался приостановить следствие по его делу. Императрица призывала его к себе и в продолжение двух часов говорила об освобождении Сухомлинова. Сперва она доказывала его невиновность, потом в повышенном тоне стала требовать, чтобы Сухомлинов был выпущен из крепости, все время повторяя:

— Je veux, j'exige qu'il soit libéré **.

Хвостов отвечал, что он не может этого сделать, и на вопрос Александры Федоровны:

— Pourquoi? parce que je vous l'ordonne ***.

Он ответил:

---

* Представитель Красного Креста в Ставке и член Г. Совета.
** Я хочу, я требую, чтобы он был освобожден.
*** Почему? потому, что я вам приказываю.

— Ma conscience, Madame, me défend de Vous obèir et de libérer un traitre. *

После этого разговора Хвостов понял, что дни его сочтены и его перемещение на должность министра внутренних дел было только временным — для соблюдения приличия. Назначая Макарова, императрица надеялась, что он будет более податлив, но, к счастью, этого не оказалось.

После возвращения из Ставки я имел разговор со Штюрмером по поводу проекта о диктатуре. Он заявил, что ничего об этом не знает. Через неделю он отправился в Ставку с письмом императрицы.

На ближайшем заседании Особого Совещания обнаружилось, что назначенная Совещанием посылка нескольких артиллерийских парков была приостановлена Штюрмером. При своем возникновении Особое Совещание указом императора было поставлено выше Совета Министров. Члены Совещания требовали об'яснений от военного министра. Тогда военный министр показал нам секретную бумагу — указ, по которому Штюрмер назначался диктатором со всеми полномочиями. Немедленно были выбраны представители Совещания, которые отправились к Штюрмеру и выразили ему свое негодование. После этого он больше не касался распоряжений Особого Совещания, но продолжал вмешиваться во все остальные дела.

Власти произвели арест Д. Рубинштейна, председателя одного из частных банков, заведомо близкого к Распутину, двух братьев Рубинштейна, журналиста Стембо и присяжного поверенного Вольфсона, управляющего делами графини Клейнмихель [178]. Причины ареста: спекуляция с продуктами продовольствия, игра на понижение русских бумаг, акты явной измены — продажа Германии продуктов, нужных для обороны, которые были заказаны нами в нейтральных странах.

Приблизительно в то же время должен был подать в отставку последний министр из общественных деятелей — министр земледелия Наумов [179]. С помощью

---

* Моя совесть, ваше величество, не позволяет мне повиноваться вам и освободить изменника.

земств он составил записку о снабжении страны продовольствием. Под влиянием Штюрмера Совет Министров в резкой форме раскритиковал эту записку и отверг ее. Между тем, проект Наумова в свое время рассматривался и был одобрен Думой.

12 июля я поехал с женой на южный фронт и по пути остановились в Киеве. Там в это время жила императрица Мария Федоровна, удалившаяся от всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде. Я посетил ее, она продержала меня часа два, много говорила о деятельности Красного Креста и о жизни в Киеве и на замечание, что она хотела пробыть в Киеве неделю, а остается уже несколько месяцев, она ответила: «Да, мне здесь очень нравится, и я останусь до тех пор, пока захочу». Затем она в разговоре сказала:

«Vous en pouvez pas vous imaginer quel contentement pour moi après cinquante ans que je devais cacher mes sentiments c'est de pouvoir dire à tout le monde combien je déteste les allemands». *

16 июля в сопровождении В. А. Маклакова и М. И. Терещенко [180] я отправился в Бердичев для свидания с Брусиловым. Дела на его фронте были успешны, снаряжения достаточно и главнокомандующий бодро смотрел на положение армии. Некоторый недостаток чувствовался только в тяжелых снарядах, которых много израсходовали при наступлении.

Командующий восьмой армией Каледин, [181] у которого я был в Луцке, лишь недоумевал, почему Безобразов [182] действует совершенно самостоятельно, не согласуя свои действия с соседями. Совершенно отрицательно он относился к назначению в. к. Павла Александровича командующим одним из корпусов. Великий князь не исполнял приказаний даже своего прямого начальства и вносил еще большую путаницу.

Говоря о Ковеле, Каледин заметил: «Дали бы мне гвардию, я бы взял Ковель: он раньше не был так сильно укреплен, и австрийцы не располагали в этом пункте до-

---

* Вы не можете себе представить, какое для меня удовлетворение после того, что я пятьдесят лет должна была скрывать свои чувства, иметь возможность сказать всему свету, что я ненавижу немцев.

статочными силами. Ставка не выполнила своего первоначального плана».

Каледин очень хвалил пополнения молодых солдат, хорошо обученных, подобранных молодец к молодцу.

Из Луцка поехали в Торчин, где находился санитарный отряд земского союза, обслуживавший железную дивизию. По дороге постоянно встречали крытые повозки с ранеными, и повсюду были видны следы недавнего пребывания австрийцев. В Торчине увидели огромное количество трофеев: груды ручных гранат и снарядов и ряды орудий разных калибров. Тяжелые орудия были взяты целым парком, и их тотчас же повернули и обстреляли бежавшего неприятеля. Из земского отряда была выделена летучка, которая работала в полутора верстах от боя. Раненых было много, и все лазареты были переполнены; сестры и доктора работали без передышки вторые сутки. Генерал Каштalинский, командир корпуса, говорил, что ожидаются новые атаки и что австрийцы ведут артиллерийскую подготовку. Действительно, к вечеру начался гул, напоминавший беспрерывные раскаты грома с тяжелыми ударами.

По дороге из Рожища тянулась бесконечная вереница раненых в простых телегах. Многие с тяжелыми ранениями лежали даже без соломы и громко стонали. Уполномоченный Красного Креста при восьмой армии Г. Г. Лерхе [188] говорил еще в Луцке: «Обратите внимание на эвакуацию раненых из гвардии, — там бог знает что творится».

В Рожище бросалось в глаза множество раненых, лежавших где попало: в домах, в садах, на земле и в сараях; многие пострадали тут же в самом местечке при налетах аэропланов и от разрыва пироксилиновых шашек, сложенных под открытым небом рядом с лазаретом. Здесь погиб уполномоченный Красного Креста Г. М. Хитрово, который бросился выносить раненых из загоревшегося от взрыва шашек барака. У заведующего санитарной частью армии профессора Вельяминова [184] нехватало самых необходимых медикаментов и перевязочных средств. В штабе Безобразова поражало большое количество штабных офицеров. Из рассказов самого Безобразова о положении на фронте можно было

вынести впечатление, что у него полная неурядица.

На обратном пути я снова виделся в Луцке с генералом Калединым, и он не скрывал своего негодования по поводу тех огромных потерь, которые понесла гвардия, достигшая ничтожных результатов: «Нельзя так безумно жертвовать людьми, и какими людьми».

В Рожище мы приехали в надежде свидеться с сыном, полк которого участвовал во всех боях гвардии, потерявшей тогда убитыми и ранеными до тридцати трех тысяч. Безобразов разрешил вызвать сына по телефону, так как полк его отошел на вторую линию. Ждать пришлось до рассвета следующего дня. Мы сидели до поздней ночи на скамейке на шоссе и после всех тяжелых впечатлений дня ожидали с тревогой, с жутким чувством прислушиваясь к доносившемуся реву боя. Ночь была темная, и жена пошла отдохнуть в халупу В. В. Мещериновой, которая, верная себе, не отставала от Преображенского полка, где у нее из трех сыновей один уже погиб. Спать не хотелось; вернулась и жена, и мы обошли три лазарета: один из них имени Родзянко, где отлично работала жена племянника — англичанка, второй — английский с лэди Пэджет [185] во главе и третий Кауфмановской общины. Везде работали самоотверженно, но принимать всех не успевали — не хватало мест. Привозили исключительно из гвардейских частей: чудный молодой, рослый народ из последних пополнений — «поливановские». Они бодро и весело отвечали нам, а «старики» жаловались, что часто даром губят народ, заставляют брать проволочные заграждения без артиллерийской подготовки. Они отнеслись ко мне с большим доверием и тихо с грустью рассказывали про плохое начальство.

Вместе с Мещериновой мы похоронили Хитрово во временной могиле и после окончания церемонии остались на похоронах солдат, умерших в лазаретах. Их привезли без гробов, голых, и клали в общую могилу рядами. Тяжело было смотреть на эту безобразную картину. Священник скороговоркой, небрежно читал молитвы, а когда мы просили его не спешить и стали сами петь панихиду, он с удивлением посмотрел на нас и стал

служить как следует. Уходя, священник поблагодарил и, вздыхая, сказал: «Мы то-и-дело хороним, жаль смотреть», — и махнул рукой.

Сын приехал прямо в Луцк и после часового отдыха начал рассказывать все пережитое.

Преступная неурядица, несогласованность командного состава, путаница в распоряжениях погубили лучшие войска без всякой пользы. Не только офицерам, но и солдатам было очевидно, что при таких условиях победа немыслима, несмотря на геройство гвардейских частей. В. к. Павел Александрович, командовавший корпусом, не послушался приказания обойти намеченный пункт с флангов и приказал преображенцам и императорским стрелкам двинуться прямо на высоты Райместо. Полки попали в трясину, где многие погибли: пока они вязли, с трудом передвигаясь по болоту, над их головами носились немецкие аэропланы и расстреливали в упор. Сын провалился по плечи, и его с трудом вытащили солдаты. Раненых нельзя было выносить из болота, и они все погибли. Трясина тянулась вплоть до высоты, которая вся была опутана колючей проволокой. Наша артиллерия действовала слабо, проволочные заграждения не разрушала, снаряды ее не долетали или попадали в своих. Командовавший кавалерийской дивизией генерал Раух [186] не выполнил распоряжения штаба и вместо того, чтобы зайти неприятелю в тыл, отвел свои полки. Вообще, каждый командующий действовал по своему усмотрению, и люди гибли напрасно. Несмотря на все это, геройские полки гвардии выполнили возложенную на них задачу и, истекая кровью, заняли высоты, после чего им велели отступать.

Сын, всегда спокойный и уравновешенный, сильно волновался и говорил мне: «Ты должен довести до сведения государя, что преступно так зря убивать народ... Командный состав никуда не годится... Все чувствуют в армии, что без всяких причин дела пошли хуже: народ великолепный, снарядов и орудий в избытке, но не хватает мозгов у генералов. Плохо еще, что нет аэропланов. Ставке никто не доверяет, так же как и ближайшему начальству. Все это может кончиться озлоблением и развалом. Мы готовы умирать за Россию для родины, но

не для прихоти генералов. Они во время боев в большинстве случаев сидят в безопасных местах, на линии огня редко кто из них показывается, а умираем мы. У нас и солдаты, и офицеры одинаково думают, что если порядки не изменятся, — мы не победим. Надо открыть на все это глаза...».

Под впечатлением всего виденного и слышанного я отправил подробное письмо Брусилову, а Брусилов, прибавив к моему письму свой собственный доклад, переслал и то, и другое в Ставку. В результате генерал Безобразов, его начальник граф Игнатьев, в. к. Павел Александрович и профессор Вельяминов были смещены.

На первом же заседании Особого Совещания я поднял вопрос об авиации. Шуваев противился обсуждению вопроса, боясь, что будут критиковать деятельность в. к. Александра Михайловича, а когда члены Совещания тем не менее решили заняться этим вопросом, Шуваев без об'яснений закрыл заседание. Между тем с именем великого князя связывались многие злоупотребления: покупались бракованные аэропланы, причем приемная комиссия не раскрывала даже ящиков, и на фронт посылали аэропланы, на которых или вовсе нельзя было летать, или с большим риском. Ближайший помощник великого князя полковник Фогель пользовался плохой репутацией, через его руки проходили все заказы, и фактически он распоряжался всей военной авиацией. Когда этот вопрос обсуждался в июне в Особом Совещании, были затребованы сведения, сколько аэропланов находится в армии и сколько по подсчету их должно быть. Авиационный отдел очень долго не давал ответа, а когда, наконец, доставил его, то оказалось, что большинство аэропланов у нас учебные и находятся при авиационных школах. Тогда Особое Совещание предложило авиационному отделу выписать из-за границы недостающие аэропланы. Прошло много времени, с фронта умоляли о присылке аэропланов, а о заказе не было ни слуха ни духа. На повторный запрос Особого Совещания авиационный отдел ответил сперва, что заказы сделаны во Франции и скоро аппараты прибудут. А затем сообщил, что Франция отказалась выполнить заказ. Между тем до моего сведения дошло, что ни-

какого заказа, вообще, дано не было и что в. к. Александр Михайлович приказал все переговоры приостановить. Я решил собрать все необходимые сведения о постановке у нас авиационного дела. В этой работе мне много помогли два наших выдающихся военных авиатора, один из которых был начальником авиационной школы и получил за разведки и бои три Георгия. Кроме того, я получал много писем от других авиаторов фронта. Доклад получился очень подробный с точными цифрами заказов, с указанием сроков, в которые они были выполнены, и с перечислением всех фактов по недобросовестной приемке, гибели летчиков и прочее. Вскрылась вся система управления авиацией и ужасающая картина ее положения. Записку эту я отправил государю, в. к. Александру Михайловичу и всем членам Особого Совещания.

На следующем заседании, когда Шуваев отсутствовал, вопрос был снова поднят; я сообщил все данные моего доклада, рассказал, что видел на фронте, и передал, что такие авторитеты, как Брусилов, Каледин и Сахаров,[187] просили обратить самое серьезное внимание на авиацию. В то время как немцы летают над нами, как птицы, и забрасывают нас бомбами, мы бессильны с ними бороться; неприятель знает наше расположение, как свои пять пальцев, а у нас воздушная разведка почти совершенно отсутствует. Я убеждал Совещание, что если попрежнему полагаться на авиационный отдел и великого князя, то дело с места не сдвинется, и предлагал взять инициативу заказа аэропланов за границей. Совещание согласилось с этим, и, в виду нежелания Шуваева вести переписку по этому поводу с союзниками, мне поручено было взять эту миссию на себя. Шуваев предоставил мне военный шифр, и я послал телеграмму генералу Жоффру через нашего военного агента в Париже, графа Игнатьева. Ответа долго не получалось, и французский военный агент маркиз Лягиш сообщил мне, что по их агентурным сведениям граф Игнатьев задержал телеграмму и не передал ее Жоффру. Я просил Лягиша послать телеграмму французским шифром непосредственно Жоффру и министру снабжения Тома, а сам обратился к Шуваеву с просьбой раз'яснить, на каком

основании военный агент позволил себе цензуровать и задерживать телеграмму председателя Думы, посланную с ведома военного министра военным шифром. Игнатьев дал весьма странный ответ: он не хотел телеграммой председателя Думы волновать главнокомандующего. Между тем на телеграмму Лягиша пришел очень скоро ответ, в котором Жоффр извещал, что заказ сделан и аэропланы высылаются в ближайшее время. В Особом Совещании ответ Жоффра произвел прекрасное впечатление.

Этим история с заказами аэропланов, однако, не закончилась.

Я уехал на короткий срок в имение. Через несколько дней я получил телеграмму, что бюджетная комиссия просит меня настаивать перед правительством о скорейшем созыве Думы. В той же телеграмме сообщалось, что мой секретарь В. Садыков выехал ко мне с докладом. К немалому удивлению, Садыков, кроме постановления бюджетной комиссии, привез письмо от генерала Алексеева, в котором мне указывалось желание государя, чтобы я «устранил себя от непосредственного вмешательства в военные вопросы, не входящие в круг ведения ни председателя Г. Думы, ни члена Особого Совещания». * Секретарь обратил мое внимание, что письмо это получилось в конверте без печати, что не было над-

---

* Текст письма генерала М. В. Алексеева был следующий:

„Милостивый государь, Михаил Владимирович, ваше превосходительство через нашего агента во Франции обратились к генералу Жоффру и г. Альберту Тома с телеграммой о предоставлении русской армии аэропланов, определив по своему усмотрению число и систему их, вне связи с той общею программою, которая выработана по общему соглашению между нами, французским и английским правительством по этому вопросу. Копию веденной вами переписки, но уже после отправления своей телеграммы, вы препроводили в. к. Александру Михайловичу. По докладу государю императору этой переписки его величество повелел передать вам его волю, чтобы вы устранили себя от непосредственного вмешательства в военные вопросы, не входящие в круг ведения ни председателя Г. Думы, ни члена Особого Совещания. Дело, в котором окажется несколько хозяев, считающих себя друг от друга независимыми, одинаково компетентными и полновластными в своих распоряжениях, в самом непродолжительном времени будет доведено по полного развала. Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. *Михаил Алексеев.*

писи «секретно», несмотря на то, что под печатями и с такой надписью присылались постоянно самые незначительные бумаги. Садыков говорил, что, вскрыв конверт, он, не об'ясняя никому причин, решил ехать ко мне в имение, так как знал, что я перед возвращением в Петроград должен быть в Ставке: не зная содержания этого письма, я мог бы оказаться там в очень неловком положении.

Исполнить желание государя я, по своему разумению, не мог: это значило пойти против совести, молча сидеть в Совещании при обсуждении вопросов о снабжении армии и, вообще, по примеру Горемыкина решить, что «война меня не касается».

При следующем докладе эти мои соображения я сообщил государю и об'яснил, что согласно законоположению об Особом Совещании на мне, как на члене такового, лежит прямая обязанность активно принимать участие в вопросах снабжения армии, и приэтом добавил, что очевидно ему было совершенно неправильно доложено о моем вмешательстве в это дело.

Государь ответил:

— Да, вы были правы, и дело мне было доложено не так, как следовало.

Этим ответом государя я был вполне удовлетворен.

XIV

Манасевич-Мануйлов и Хвостов старший. — Протопопов — министр. — Условия председателя Думы. — Королевич греческий. — Отказ в аудиенции. — У Штюрмера.

При Штюрмере играл совершенно особую роль некий Манасевич-Мануйлов,[188] бывший сотрудник Рачковского, мелкий журналист, имевший связи с распутинским кружком и в значительной степени способствовавший назначению Штюрмера. Он был при Штюрмере в роли как бы личного секретаря. Пользуясь своим положением, он шантажировал банки, и они откупались от него взятками. Директор Соединенного банка граф Татищев[189] вместе с министром А. А. Хвостовым решили уловить этого Мануйлова. Взятка была дана, но на пяти-

сотенных билетах были сделаны пометки рукою Ивана Хвостова, племянника министра. Произошло это во время отсутствия Штюрмера, находившегося в Ставке. У Мануйлова сделали обыск, нашли пятисотенные билеты, которые лежали в том же порядке и только часть их успела уже исчезнуть. Мануйлова арестовали.

Когда Штюрмер узнал об аресте Мануйлова, он этому не поверил. Затем, убедившись, он вторично выехал в Ставку, неизвестно что там наговорил, и вернулся с отставкой Хвостова в кармане. Он вызвал к телефону Хвостова и заявил ему: «Вы мне сообщили неприятное для меня известие об аресте Манасевича-Мануйлова, теперь я вам сообщаю новость: вы больше не министр внутренних дел».

На место Хвостова (старшего) министром внутренних дел был назначен товарищ председателя Думы Протопопов.

После возвращения Протопопова из-за границы и его разговора в Стокгольме с германским представителем, имя его часто стало мелькать в газетах. Появилось известие, что Протопопов совместно с банками собирается издавать газету — «Воля России», [190] Терещенко, Литвинов-Фалинский и многие другие предупреждали меня, что Протопопов окружен подозрительными личностями, что имя его связывают с именем Распутина и что распутинский кружок проводит его в министры внутренних дел. Назначение Протопопова могло казаться популярным, так как он имел успех во время поездки парламентской делегации и даже состоял в прогрессивном блоке. Назначение Протопопова было встречено с недоумением, но в первой же беседе с журналистами он открыл свои карты, заявив, что вступает в правительство Штюрмера и отдельной программы не имеет. В последнее время Протопопов избегал со мной встреч и не показывался в Думу: Наконец, я к нему дозвонился и сказал, чтобы он непременно приезжал завтракать. Я поставил ему вопрос ребром:

— Скажите, Александр Дмитриевич, прямо: верны ли слухи о вашем назначении? Вы меня ставите в неловкое положение, — я должен знать, какой пост собирается принять мой товарищ.

— Да, действительно, мне предложили пост министра внутренних дел, — сказал Протопопов, — и я согласился.

— Кто вам предложил?

— Штюрмер, по желанию государя императора.

— Как... И вы пойдете в кабинет Штюрмера?

— Ведь вы же сами меня рекомендовали.

— Да, я рекомендовал вас на пост министра торговли в кабинет Григоровича, а не на пост министра внутренних дел к Штюрмеру.

— Я чувствую, — сказал Протопопов, — что вы на меня сердитесь.

— И очень даже: вы поступили предательски по отношению к Думе. Вы идете служить с тем правительством, которое только-что Дума осудила как бездарное и вредное для России, и это после того, как вы подписали резолюцию блока. Приэтом вы громко исповедуете, что у вас нет другой программы, кроме программы премьер-министра Штюрмера. Я вас предупреждаю — Дума потребует от вас об'яснений.

— Я надеюсь, — отвечал Протопопов, — что мне удастся что-нибудь изменить в положении вещей. Я уверяю вас, что государь готов на все хорошее, но ему мешают.

— Хорошо, пусть так, но при Штюрмере и Распутине разве вы в силах что-нибудь изменить? Вы только скомпрометируете себя и Думу. У вас не хватит сил бороться, и вы не отважитесь прямо говорить государю.

После назначения Протопопова прошел слух, что председатель Думы будет назначен министром иностранных дел и премьером. Слух подтвердился. Неожиданно приезжает Протопопов и обращается с такими словами:

— Знаете, Михаил Владимирович, в Ставке хотят назначить вас министром иностранных дел.

— Как я могу быть министром иностранных дел? — усмехнулся я.

— У вас будут помощники, которые знают технику этого дела.

— И что же — я должен соединить с этим и руководство всей политикой: быть премьером?

— Да, конечно, и это также.

Приходилось кончать комедию.

— Послушайте, — сказал я, — вы исполняете чье-то поручение: вас послали узнать мое мнение на этот счет. В таком случае передайте государю следующее: мои условия таковы. Мне одному принадлежит власть выбирать министров, я должен быть назначен не менее, как на три года. Императрица должна удалиться от всякого вмешательства в государственные дела и до окончания войны жить безвыездно в Ливадии. Все великие князья должны быть отстранены от активной деятельности и ни один из них не должен находиться на фронте. Государю надо примириться со всеми несправедливо обиженными им министрами. Поливанов должен быть помощником государя в Ставке, Лукомский — военным министром. Каждую неделю в Ставке должны происходить совещания по военным делам, и я должен на них присутствовать с правом голоса по вопросам нестратегического характера.

Протопопов был в ужасе от моих слов и не представлял себе, как он может их передать. Я ему помог.

— Если государь меня призовет, я сам все это ему скажу.

— Да, я знаю, вы скажете, — повторял Протопопов, почесывая затылок.

Я просил его записать мои условия, и он записал их в карманной книжке.

— И еще прибавьте: я приму этот пост с тем, чтобы все эти условия были обнародованы в Думе.

Через несколько дней Протопопов обедал у меня и за обедом заговорил про императрицу, страшно ее расхваливая.

— Она необыкновенно сильная, властная и умная женщина. Вы, Михаил Владимирович, должны непременно к ней поехать.

Ничего ему не говоря, я взял его за пульс и спросил:

— А где вы вчера обедали? (Перед этим мне его чиновник особых поручений Граве, бывший еще при П. А. Столыпине, рассказывал, что Протопопов ездил накануне обедать в Царское, повидимому, к Вырубовой, а вечер провел у Штюрмера).

Протопопов смутился:

— Да, нет, вы скажите, где вы вчера обедали? — продолжал я его допрашивать.

— А кто вам сказал?

— Это уже мое дело: моя тайная полиция лучше вашей... Так где же вы вчера обедали, дорогой мой?

— Вы уже наверно знаете, — отвечал Протопопов.

— А вечер вы провели у Штюрмера?

— И это вы знаете?

— Вы видите, я все знаю... Скажите, зачем вы все это делаете? Зачем вы себя компрометируете: ведь этого скрыть нельзя. Вы предлагаете мне ехать говорить с императрицей, я к ней ни за что не поеду. Вы хотите, чтобы и про меня говорили, что я ищу ее покровительства, а может быть и покровительства Вырубовой и Распутина? Я таким путем итти не могу.

Императрица все чаще ездила в Ставку, а когда находилась в Царском — к ней ездили министры с докладами.

Под влиянием митрополита Питирима и Распутина был назначен новый обер-прокурор синода некий Раев,[101] директор женских курсов. Депутация от синода во главе с этим Раевым поднесла императрице икону и благословенную грамоту. *

---

* „Благочестивейшая государыня! Настоящая великая война, небывалая по своим размерам и кровопролитию, вызывает в народе небывалые подвиги самоотвержения и христианской любви. Наше доблестное воинство, в высоком подвиге верховного вождя почерпая силы и воодушевление, грудью защищает родную землю, самоотверженно полагая жизнь свою за веру, престол и отечество. А за этим воинством идет сильная не смертоносным оружием, а христианскою любовью армия слабых телом, но кротких духом, жен, которые под знаменем креста скромно совершают свое столь же великое, святое дело любви — дело служения пострадавшим от войны. От них же ждут сострадательного участия и попечения тысячи беженцев, лишившихся крова, дети, потерявшие своих родителей, вдовы и сироты тех, кто положил свою жизнь за други свои.

„Всюду, где только есть страдание и нужда, идет эта крестоносная армия, на всех обездоленных войной простирая свои заботы и милосердие, и душой всего этого священного порыва и подвига русской женщины-христианки являетесь вы, ваше императорское величество, привлекши на дело служения им и своего августейшего сына, наследника цесаревича, вашу радость и надежду России. Разделяя со своим

Благословенная грамота была напечатана в газетах, но желаемого впечатления не произвела. Императрица никогда не была популярной, а когда в широких кругах стало известно о значении и влиянии Распутина и о ее вмешательстве в государственные дела, ее все стали осуждать, называли «немкой» и видели в ней причину всех неудачных и вредных для России шагов государя.

В Петроград через Вену и Берлин приехал греческий принц Николай, женатый на великой княжне Елене Владимировне. Стали говорить, что он имеет какую-то тайную миссию. Он пробыл довольно долго, несколько месяцев. Ездил в Ставку, и Алексеев жаловался, что однажды, когда он должен был докладывать государю, у него оказался греческий королевич и в. к. Мария Павловна. Государь предложил Алексееву докладывать в их присутствии, но Алексеев попросил государя переговорить с ним с глазу на глаз. Алексеев считал, что вообще присутствие греческого королевича в Ставке неуместно, и находил, что его следует даже задержать

венценосным родителем все тяготы походной жизни, он несет с собой свет и тепло в души защитников родины и, посещая лазареты, облегчает страдания раненых и больных воинов.

„Вы, как чадолюбивая мать, приняли в свою любовь с самаго начала страждущих нашей родины. В скромной одежде сестры милосердия вы стоите вместе с августейшими дочерями у самаго одра раненого и больного воина, своими руками обвязывая раны, своей материнской заботой и лаской утешая страждущего, вызывая во всех чувство умиления. Священны будут воспоминания тех, кого согрела ваша любовь. Горячи будут их благодарственные молитвы о вас к господу.

„Воздавая хвалу богу, дивно укрепляющего вас в великом подвиге любви к ближним, св. синод призывает божие благословение и на дальнейший подвиг вашего императорского величества и, благословляя вас иконой пречистой божьей матери, молит владычицу, да будет она всегда благодатным поступлением и покровом вам, благочестивейшая государыня, и всей августейшей семье вашей.

„Вашего императорского величества всеподданные богомольцы: Питирим, митрополит петроградский и ладожский, Сергий, архиепископ финляндский и выборгский, Иоанн архиепископ казанский и свияжский, Вениамин, архиепископ симбирский и сызранский, Дмитрий, архиепископ рязанский и зарайский, Василий, епископ черниговский и нежинский, епископ Иннокентий, председатель миссионерского совета, заведующий придворным духовенством, протопресвитер Александр Дернов, протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шабельский".

и не пускать обратно, особенно же не давать ему возможности ехать вновь через Берлин и Вену. По требованию военных властей королевича действительно отправили не через Торнео на Швецию, а прямо через Архангельск в Англию. Он вернулся в Грецию в разгар самой смуты. Потом в газетах мы прочли, что «при дворе короля Константина считают миссию королевича Николая выполненной и вполне удачно».

После вступления в должность Протопопов об'явил, что его главная задача — продовольствие страны. Он возбудил в Совете Министров вопрос о передаче продовольственных вопросов из министерства земледелия в министерство внутренних дел. Против этого восстала печать и земские деятели, которые работали как уполномоченные по продовольствию; с передачей продовольствия в министерство внутренних дел они справедливо опасались давления со стороны губернаторов, полиции и проч. Большинство из них заявило, что с министерством внутренних дел работать не будут.

Опасения земцев скоро оправдались. В Екатеринославской губернии произошел следующий случай. Губернатор передал по телефону председателю губернской земской управы Гесбергу (он же уполномоченный по продовольствию от министерства земледелия), чтобы он допустил агентов министерства внутренних дел к покупке полутора миллиона пудов ячменя для отправки в Петроград на Калашниковскую биржу. Допустить неопытных посторонних агентов — значило поднять цены и вызвать злоупотребления. Гесберг предложил закупить и послать ячмень, но губернатор настаивал на своем, сообщил, что он передает приказ министра внутренних дел и что, если это не будет исполнено, то будут приняты меры воздействия. Гесберг ответил губернатору, что он, как председатель земской управы, не может получать от губернатора указаний по продовольственному делу, а как уполномоченный он подчинен министерству земледелия. Ответ Гесберга был передан Протопопову, и Протопопов решил выслать Гесберга в Сибирь, как носящего немецкую фамилию. Предотвращено это было совершенно случайно. Протопопова посетил мировой судья Ново-

московского уезда Магденко, товарищ Протопопова по полку. Протопопов стал ему рассказывать о Гесберге и о своем желании его выслать. Магденко умолял его этого не делать, так как это вызовет негодование в губернии, где Гесберга любили и где недавно его чествовали по случаю двадцатипятилетия земской службы. И только после настойчивых просьб и уговоров Протопопов внял словам Магденко и при нем разорвал уже подписанный указ.

Вообще Протопопов вел себя очень странно и на многих производил впечатление ненормального человека. Он явился в Думу на заседание бюджетной комиссии в жандармской форме. Дума приняла его очень холодно, а его продовольственный проект встретил всеобщее осуждение. Так же высказались земский и городской союзы. Протопопов добивался поговорить со своими бывшими товарищами по Думе и просил меня в этом помочь. Он, очевидно, надеялся, что свидание ему будет устроено только с представителями земцев-октябристов, но я нарочно созвал к себе лидеров всех фракций прогрессивного блока. Протопопов в этот вечер вел себя странно: он все поднимал глаза кверху и с каким-то неестественным восторгом говорил: «Я чувствую, что я спасу Россию, я чувствую, что только я ее могу спасти». Шингарев,[192] врач по профессии, говорил, что по его мнению у Протопопова просто прогрессивный паралич. Протопопов просидел у меня до трех часов ночи, как будто не мог решиться уйти, и под конец я его почти насильно отправил спать.

Несмотря на старание Протопопова уверить всех, что он может спасти Россию, депутаты этому не поверили, бюджетная комиссия осудила его проект,[193] а когда проект окончательно пересматривался в Совете Министров, то и Совет Министров его провалил и оставил продовольственное дело в руках министра земледелия.

27 октября было торжественное заседание общества англо-русского флага. Это общество возникло за год перед тем по инициативе М. М. Ковалевского,[194] и он был его первым председателем. После его смерти председателем выбрали меня. На собрании, которое

происходило в зале городской думы, очень понравилась речь майора английской армии Торнхиля. Он удивительно верно охарактеризовал русского солдата и с большим юмором говорил о бесполезных попытках немцев поссорить Англию и Россию. Он сказал, что Англия хочет завоевать, но не территорию, а благородное русское сердце, и что ему, как англичанину, неудобно говорить, что в этом и наша выгода.

Шингарев, рассказывавший о своих впечатлениях из поездки с парламентской делегацией, подчеркнул, что в Англии существует удивительное взаимное доверие между правительством и общественными силами. Эти слова были покрыты аплодисментами, а когда он сказал, что там нет темных сил и безответственных влияний, аплодисменты еще более усилились. Когда один из ораторов упомянул о члене этого общества, бывшем министре Сазонове, в публике опять стали аплодировать, все искали глазами Сазонова, желая ему сделать овации, но его в зале не оказалось.

На мою просьбу об аудиенции, я получил ответ государя. На моем представлении его рукой было написано: «Поручаю председателю Совета Министров передать председателю Г. Думы, что он может быть принят по возобновлении занятий Думы и только с докладом по вопросам, касающимся ее сессии». Подписи не было. Бумага была вложена в конверт на мое имя и запечатана малой печатью. Очевидно, государь ошибся и вложил бумагу, предназначавшуюся для Штюрмера, в конверт Родзянки.

На другой день Штюрмер звонит по телефону. Он накануне был в Ставке и узнал, что государь по ошибке послал не туда свой ответ.

— Михаил Владимирович, вы получили бумагу от его величества, в которой он поручает мне передать вам, что он не может принять вас?

— Получил.

— Что же вы намерены предпринять?

— Это мое дело.

— А как же мне быть? Ведь я должен передать вам повеление государя.

— А это уже ваше дело, — и я не смею вам ничего советовать.

— Так нельзя ли считать, что это я вам передал по телефону?

— Я думаю, что приказание государя императора неудобно передавать по телефону.

— Так как же мне быть?

— Право не знаю.

— Не можете ли вы прислать мне эту бумагу?

— Копию, да, но подлинник останется у меня, так как я ее получил от государя в конверте на мое имя за печатью.

— Что же вы намерены предпринять по поводу отказа?

— Я не обязан давать вам отчет в своих действиях.

На другой день Штюрмер все-таки прислал бумагу, в которой официально передавал поручение государя. Таким образом, повторилась старая история, бывшая несколько лет назад при Коковцове.

В тот же день или на следущий два члена Думы встретили товарища министра юстиции Веревкина,[195] который их спросил: «Кого Дума намерена выбрать в председатели?». Депутаты ответили, что они не сомневаются в переизбрании прежнего председателя. Веревкин сделал удивленное лицо: «Как, после того, как государь его не принял?» Депутаты, хотя не знали об этом, но ответили, что это нисколько не помешает переизбранию. Они приехали ко мне и передали об этом разговоре.

Чтобы не повышать и без того напряженного настроения Думы, я решил скрыть от депутатов и письмо генерала Алексеева по поводу аэропланов и ответ государя на просьбу об аудиенции. Когда же правительство само стало об этом распространять слухи, то я созвал лидеров партий блока и все им рассказал.

Дума должна была собраться 1 ноября. Перед началом занятий происходили постоянные совещания блока, и была составлена в резких выражениях резолюция о необходимости создать правительство, опирающееся на большинство Г. Думы. Прогрессисты настаивали на

требовании ответственного министерства, но, благодаря Милюкову, резолюция была составлена в более мягких выражениях: мотивировалось это тем, что если бы требование блока не было исполнено, то ему все равно пришлось бы либо работать с тем же правительством, либо порвать с ним и стать на революционный путь. За два дня до созыва Думы ко мне приехал министр народного просвещения граф Игнатьев.[196] Оказалось, что резолюция блока уже попала в руки правительства. И министры были взволнованы тем, что в резолюции содержится слово «измена». * Граф Игнатьев сообщил, что по этому поводу был собран даже Совет Министров, и решили просить председателя Думы вычеркнуть это слово, так как иначе пришлось бы Думу распустить. Я не мог ничего определенного обещать Игнатьеву. Накануне открытия Думы по тому же поводу ко мне обратился Штюрмер. Ссылаясь на болезнь, он просил к нему приехать. Я сначала не хотел ехать к Штюрмеру и написал ему письмо. Потом передумал и решил об'ясниться лично. Я ему передал резолюции председателей губернских земских управ, в которых повторялось то, о чем уже неоднократно говорили правительству: что оно не использовало патриотического под'ема страны, пребывало в течение всей войны в борьбе с народным представительством, что оно при таких условиях не в силах успешно закончить войну и довело до такого положения, когда главная опасность угрожает не извне, а внутри.

— Это высказано наиболее консервативными элементами России, — говорил я Штюрмеру, — людьми, умудренными житейским опытом, это мнение всей земской России. Эта резолюция сходится и с резолюцией прогрессивного блока, и таким образом вы можете знать, как мыслит вся Россия. Совместная работа ваша с общественными силами невозможна, а без такой совместной работы нельзя выиграть войну. Все чувствуют, что правительство ведет страну к гибели. Надо

---

* После переворота было обнаружено, что правительство осведомлялось о всем, что происходило в Думе, через депутата П. Н. Крупенского.

говорить только одну правду, потому что мы переживаем страшный час.

Прочитав резолюцию, Штюрмер спросил:

— Что же мне делать?

— Подать в отставку.

— То-есть, как подать в отставку?

— Да так, взять перо, написать и подписать.

Штюрмер был страшно недоволен:

— Вот вы какие советы мне даете.

XV.

„Junge Zarin" в речи П. Н. Милюкова и последствия. — Штюрмер и Протопопов требуют разгона Думы. — Марков 2-ой устраивает скандал. — После убийства Распутина. — Спиритизм Протопопова.

За несколько дней до начала занятий Думы в Варшаве немецким генерал-губернатором был опубликован акт, в котором говорилось, что германский и австрийский императоры пришли к соглашению создать из польских областей, отвоеванных от России, самостоятельное государство под наследственным монархическим управлением с конституционным устройством. Это был новый ловкий ход Вильгельма. Поляки нейтральных стран вынесли после этого резолюции, в которых протестовали против нарушения международного права, против решения судьбы целых областей до окончания войны и заключения мира. Они видели в этом ловкий шаг немцев для набора армии из поляков. Точно так же думали и русские поляки. На первом же заседании Думы от имени польского коло было прочитано заявление с протестом против немецкого акта,[197] подтверждающего раздел Польши, и с выражением надежды на победу союзников, на об'единение всех польских земель и восстановление свободной Польши.

К сожалению, наше правительство, которое после отставки Сазонова показывало полное равнодушие к польскому вопросу и даже, как бы намеренно, давало чувствовать, что исполнение манифеста великого князя Николая Николаевича не обязательно для России, — и тут не поняло как ему поступить. В ответ на заявле-

ние Гарусевича от польского коло правительством ничего не было сказано, а в Г. Совете Протопопов уже после закрытия заседания вдруг, как бы вспомнив, что ему надо что-то сказать, попросил слова. Всех вернули снова в зал, и, выйдя на трибуну, Протопопов коротко заявил, что правительство по польскому вопросу продолжает стоять на точке зрения манифеста в. к. Николая Николаевича и декларации Горемыкина, произнесенной в свое время в Думе. Подобное заявление, конечно, никого не могло удовлетворить и не могло быть противовесом акту Вильгельма.

На открытие Думы явились министры во главе со Штюрмером, прослушали речь председателя, затем Штюрмер встал и под крики левых: «Вон, долой изменника Штюрмера!» вышел из зала, за ним вышли и остальные министры. Они все, якобы, торопились на заседание Г. Совета, которое на этот раз было назначено не в восемь часов вечера, как обычно, а в два часа дня. Председатель Г. Совета Куломзин был болен, а заменявший его Голубев по просьбе Штюрмера назначил раннее заседание, так как у Штюрмера и у Протопопова не было никакой декларации, и они не хотели выслушивать неприятных для них речей. Накануне заседания я простудился, чувствовал себя неважно, с трудом закончил свою речь и тотчас же передал председательское место Варун-Секрету. Этот маловажный факт однако чреват последствиями. Милюков во время своей речи [198] прочел выдержку из немецкой газеты; Варун-Секрет, очевидно, не расслышав хорошо, что читал Милюков, и упустив из вида, что наказом запрещается употреблять с трибуны иностранные выражения, не остановил Милюкова. Между тем в цитате Милюкова очень недвусмысленно намекалось, что в назначении Штюрмера принимала участие императрица Александра Федоровна. Штюрмера же он почти прямо назвал изменником. Фраза его была следующей:

«Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die jung Zarin gruppiert». *

---

* Это победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой императрицы.

В ту же ночь в половине второго я получил от Штюрмера следующее письмо.

«Милостивый государь, Михаил Владимирович. До сведения моего дошло, что в сегодняшнем заседании Г. Думы член Думы Милюков в своей речи позволил себе прочитать выдержку из газеты, издающейся в одной из воюющих с нами стран, в которой упоминалось августейшее имя ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны в недопустимом сопоставлении с именами некоторых других лиц, причем со стороны председательствовавшего не было принято никаких мер воздействия.

«Придавая совершенно выдающееся значение этому обстоятельству, небывалому в летописях Г. Думы, и не сомневаясь в том, что вами будут приняты решительные меры, я был бы признателен вашему превосходительству, если бы вы сочли возможным уведомить меня о поставленном вами решении».

Одновременно Штюрмер прислал и другое письмо, в котором он просил доставить ему копию стенограммы без цензуры председателя, сообщая, что «эта речь может быть предметом судебного разбирательства».

Начальник думской канцелярии Глинка рассказывал мне, что в этот вечер на квартире Штюрмера происходило совещание министров. Штюрмер настаивал на роспуске Думы, но в результате ограничились полученными мною письмами, а министр юстиции Макаров не нашел в словах Милюкова состава преступления и отказался привлечь его к суду.

После писем Штюрмера я получил еще письмо от министра Двора графа Фредерикса. Он напоминал мне, что я ношу звание камергера, и тоже просил уведомить, какие шаги я собираюсь предпринять по поводу упоминания имени императрицы. Штюрмеру я ответил, что председатель Думы не обязан уведомлять о своих действиях председателя Совета Министров, и послал ему полную стенограмму речи Милюкова. Фредериксу я официально ответил то же самое, но, кроме того, послал ему другое письмо, как человеку, которого я ценил, и сообщил, что в стенограммах для печати имя государыни не было упомянуто.

Следующее заседание открылось заявлением Варун-Секрета, который об'яснил свои действия накануне незнанием немецкого языка и тем, что стенограмма речи Милюкова была доставлена ему с пропуском немецких слов. Признавая себя, однако, виновным в недостаточном внимании к словам оратора, Варун-Секрет сложил с себя звание товарища председателя Думы.

В этом заседании удивительно сильную и прочувствованную речь произнес депутат Маклаков. Речь эта произвела большое впечатление.

Кажется, в тот же день я получил письмо от главного комитета всероссийского союза городов.[199] В нем еще в более решительных выражениях повторялось сказанное в резолюции председателей губернских земских управ. Обращение оканчивалось просьбой доложить Г. Думе, что по мнению комитета городов наступил решительный час и что необходимо, наконец, добиться такого правительства, которое в единении с народом повело бы страну к победе.

В вечернем заседании 3 ноября я был переизбран председателем большинством 232 против 58. Против голосовали правые. Левые по обыкновению воздержались.

В заседании 5 ноября случилось событие, которое оставило сильное впечатление не только в Думе, но и в стране. Во время речи Маркова, который старательно, но неудачно, отвечая Маклакову, защищал Штюрмера,* в зале заседания появились военный министр Шуваев и морской Григорович. Они обратились к председателю, заявив о желании сделать заявление. Когда Марков 2-й окончил свою речь, на трибуну поднялся Шуваев и, сильно волнуясь, сказал, что он, как старый солдат, верит в доблесть русской армии, что армия снабжена всем необходимым, благодаря единодушной поддержке народа и народного представительства. Он привел цифры увеличения поступления боевых припасов в армию со времени учреждения Особого Совещания

---

* Государственный контролер Временного Правительства Годнев обнаружил и опубликовал, что член Думы Марков 2-ой получал субсидии из секретных сумм департамента полиции.

по обороне. Закончил он просьбой и впредь поддерживать его своим доверием. Так же коротко и сильно сказал морской министр Григорович. Смысл их выступления всеми был понят так: «Если другие министры идут с Думой врозь, то мы, представители морского и военного ведомства, хотим итти вместе с народом». Когда министры спустились из своей ложи вниз в зал, их окружили депутаты и пожимали им руки. Шуваев оказался среди кадетов и, пожимая руку Милюкову, говорил: «Благодарю вас». Невольно возникал вопрос, действовали ли Григорович и Шуваев по своей инициативе или заручились разрешением Ставки. Характерно, что даже такое обычное событие, как появление министров в Думе и сказанные ими хорошие слова, отразилось в стране, и с разных концов стали получаться телеграммы с выражением сочувствия и радости как Думе, так и этим министрам. Правительство во главе со Штюрмером оставалось совершенно равнодушным: оказалось, что Шуваев и Григорович не сносились со Ставкой и явились в Думу за свой риск и страх.[200] После этого Штюрмер и Протопопов настаивали перед императрицей на разгоне Думы.

После своего избрания я послал царю просьбу принять меня для доклада. Одновременно я отправил ему и резолюцию земств и городов, а также полную стенограмму Милюкова с немецкой фразой. Ответа долго не было.

Министр путей сообщения Трепов пожелал сделать доклад о Мурманской железной дороге. Эта важная в стратегическом отношении ветвь только-что была окончена, и Трепов гордился, что дорога начала работать в бытность его министром. Он надеялся получить одобрение Думы и, быть может, разделить участь Григоровича и Шуваева и тоже стать популярным. Он оказался в должности министра путей сообщения далеко не на своем месте и не всегда оставался беспристрастным в вопросе о направлениях новых железных дорог, в чем были заинтересованы частные компании. Трепов запросил председателя комиссии обороны Шингарева, когда он может сделать свой доклад, и Шингарев просил его явиться на другой день. Когда же в комиссии узнали,

что на повестку поставлен доклад Трепова, большинство депутатов возмутилось, об'явило, что не желают слушать Трепова и что, если он явится, — устроят ему скандал. Между тем, Трепов приехал в Думу и ожидал в министерском павильоне. Шингарев тщетно пытался убедить членов комиссии выслушать министра. Отчаявшись чего-нибудь добиться, Шингарев вызвал меня по телефону в Думу, и мне с большим трудом удалось уговорить депутатов, что если председатель комиссии приглашает министра, то члены комиссии не могут его выгонять. Между тем, Трепов уже два часа ждал в министерском павильоне, и когда его пригласили на заседание, он быстро прочел свой доклад, спросил, не желает ли кто об'яснений, и когда никто не отозвался, он уехал из Думы.

9 ноября Штюрмер, Трепов и Григорович выехали в Ставку. Ожидались новые перемены. Действительно, Штюрмер был отставлен, а Трепов назначен председателем Совета Министров. Говорили, что Штюрмер получил свою отставку в Орше, не доехав до Ставки. Когда императрица узнала об отставке Штюрмера, она вместе с Протопоповым выехала в Ставку.

Трепов на следующий же день приехал ко мне и уверял, что он желает работать рука-об-руку с народным представительством и что он сумеет побороть влияние Распутина. Я ему сказал, что прежде всего должны быть убраны Протопопов, Шаховский и А. Бобринский (министр земледелия), иначе ему никто не будет верить.

Срок перерыва думских занятий подходил к концу, а между тем, кроме отставки Штюрмера, никаких дальнейших перемен не произошло. Возобновление Думы было отсрочено еще на несколько дней, и все предполагали, что Трепов добьется за это время удаления еще некоторых министров и что он подготовляет декларацию. Ходили слухи, что он принял пост под условием удаления Протопопова, но, к сожалению, и этого не случилось; был отставлен только А. Бобринский и на его место министром земледелия назначен Риттих. [201]

15 ноября я, наконец, получил высочайшую аудиенцию, представил обширный доклад все о том же, что и прежде, и пробыл у царя час и три четверти.

19-го возобновились занятия Думы. Трепов прочел свою декларацию, в которой не было никакой программы и содержались только одни общие места. Он обнародовал[202] наше соглашение с союзниками, по которому мы должны были получить после войны Дарданеллы. Риттих должен был признаться, что за короткий срок после своего назначения он не успел ознакомиться с продовольственным делом и тоже не мог дать никакой программы. Депутаты раскритиковали Трепова и Риттиха и энергично принялись за продовольственный вопрос, выработав стройную систему упорядочения продовольствия в стране. Мне было обидно, что по политическим соображениям левое крыло сразу повело открытую кампанию против Риттиха. Я его всегда считал выдающимся, необыкновенно работоспособным, талантливым человеком. Мне пришлось с ним вместе работать еще в то время, когда я был председателем земельной комиссии. Еще тогда я мог оценить Риттиха как безупречного и знающего свое дело работника. К сожалению, он был назначен слишком поздно и был в дурной компании.

В заседании 22 ноября в Думе произошел скандал. Очевидно, он подготовлялся заранее, потому что пристава слышали, как некоторые из правых появлялись в кулуарах и спрашивали: «А что, был скандал или еще нет?».

Попросивши слова, Марков 2-й умышленно говорил так, чтобы вызвать замечание председателя. Я его несколько раз останавливал и, наконец, лишил слова. Уходя с трибуны, размахивая бумагами и грозя кулаком, Марков совсем близко приблизился к председательскому месту и произнес почти в упор: «Вы мерзавец, мерзавец, мерзавец».

Я сразу даже не понял, что произошло. Потом сообщил Думе о нанесенном председателю оскорблении и передал председательствование старшему товарищу. *

---

* „Когда Марков произнес свои слова, из ложи печати было видно, как председатель сделался совершенно бледным, потом встал, как будто что-то обдумывая. Бобринский схватился за графин, очевидно боясь, чтобы Марков не позволил себе еще какой-нибудь выходки. Затем председатель взял из рук Бобринского звонок, позвонил и,

Граф Бобринский, доложив о происшедшем, предложил применить к Маркову высшую меру наказания — исключение на пятнадцать заседаний, что было принято единогласно.

Марков взял слово и заявил: «Я подтверждаю то, что я сказал. Я хотел оскорбить вашего председателя и в его лице хотел оскорбить всех вас, господа. Здесь были произнесены слова оскорбления высоких лиц и вы на них не реагировали, в лице вашего председателя, пристрастного и непорядочного... я оскорбляю всех вас...».

Выйдя из зала заседания и направляясь к себе в кабинет, я увидел фигуру удалявшегося Маркова. Мое первое движение было настигнуть его, но на мое счастье меня остановил мой духовник, священник думской церкви. Я пришел в себя и вместе с ним прошел в кабинет. Там уже было много депутатов. Нервный Дмитрюков со слезами на глазах стал меня обнимать, Бобринский успокаивал, подошел Марков I [203] и сказал, что «хотя он и дядя Маркову 2-му, но просил не смешивать его с его племянником». Бывший на хорах мой сын Георгий, офицер Преображенского полка, сбежал вниз с несколькими офицерами, стал звонить в телефон, прося вызвать командира полка, чтобы получить разрешение на дуэль с Марковым. Когда мне об этом сказали, я позвал его и запретил это делать. Я вызвал моих бывших товарищей по кавалергардскому полку Панчулидзева [204] и Д. Дашкова и просил их быть моими секундантами.

Вечером было назначено заседание для выборов президиума. Я был переизбран большинством против 26 голосов. Фракция земцев октябристов решила, что на речи и выходки Маркова не следует реагировать и что ему нельзя подавать руки. К этому присоедини-

---

обратившись к Думе, сказал: „Депутат Марков 2-ой позволил себе тяжело оскорбить председателя Думы в беспримерных выражениях. Поэтому я передаю председательствование старшему товарищу, который доложит Г. Думе весь инцидент и предложит его обсудить". „Как он оскорбил? Что он сказал?" — послышалось с депутатских мест. Председатель ответил: „Господа, это доложит вам граф Бобринский", — и ушел.

лись и остальные фракции блока. Ко мне приехали депутаты Савич и Капнист и вручили мне это постановление в присутствии моих секундантов Дашкова и Панчулидзева. Секунданты признали, что Марков 2-ой при таких условиях является недуэлеспособным. После этого грустного инцидента, в котором Марков явился только выразителем чьих-то намерений и желаний, я стал получать множество писем и телеграмм от знакомых и незнакомых лиц, от земских и дворянских собраний, от уездных и губернских управ, от городских дум и т. д. Совет профессоров петроградского университета почтил меня избранием почетным членом университета. Из екатеринославской городской думы была получена телеграмма: «Поздравляем с блестящей победой над гнусной выходкой холопа министерской передней». Что выходка Маркова была заранее обдумана и инспирирована — в этом никто не сомневался: ясно было, что хотели унизить председателя Думы, смешать его с грязью. Вышло иначе.

Через день после этого инцидента я получил через французского посла от президента французской республики большой орден Почетного Легиона.

На одном из ближайших заседаний исключительную по силе и вдохновению речь произнес Пуришкевич. Отмежевавшись от крайних правых, он говорил о темных силах и призывал сидевших в Думе министров: «Вы должны немедленно ехать в Ставку, броситься к ногам государя императора и умолять его поверить всему ужасу распутинского влияния и тяжелым, и опасным последствиям такого положения вещей и изменить своей программе».

Так как в то время думские стенограммы проходили через цензуру и отчеты о Думе появлялись с массой белых пропусков, то речи депутатов попадали в публику в совершенно искаженном виде. Злонамеренные лица стали даже фабриковать некоторые речи, делая свои добавления и продавая оттиски по несколько рублей.

Резкая перемена в настроении произошла и в Гос. Совете. И там тоже поняли, что немыслимо поддерживать такое правительство. Евгений Трубецкой[205] при-

зывал членов синода вспомнить о кресте, который они носят на груди, взять свой крест, итти к царю и умолять его избавить церковь и правительство от грязных влияний. Гос. Совет, подобно Думе, вынес резолюцию, в которой указывал, что правительство должно внять голосу народа и к власти должны быть призваны лица, облеченные доверием страны (в который раз это уже повторялось). Такую же резолюцию вынес и с'езд об'единенного дворянства. Вся Россия одинаково мыслила и к одному стремилась, но курс правительства все-таки не изменился: напротив, как будто умышленно подчеркивалось резкое расхождение правительства с обществом.

Общеземский с'езд[206] в Москве в последнюю минуту не был разрешен, хотя Протопопов перед этим в беседах с корреспондентами и говорил о своем благожелательном отношении к земству и к общественным силам. С'ехавшиеся члены с'езда собирались на частных квартирах, обсуждали политическое положение, передали свои полномочия комитету во главе с князем Львовым, а в газетах вместо сведений, передававшихся по телефону из Москвы, были пустые белые столбцы.

В газетах промелькнуло известие, что княгиня С. Н. Васильчикова, жена члена Гос. Совета, уезжает в свое имение в Новгородскую губернию. Все поняли, что Васильчикова[207] уезжает не по своей воле. И скоро все знали, что Васильчикова написала письмо царице о Распутине. Так же, как Васильчикова, пострадал обергофмейстер Кауфман-Туркестанский. Он был представителем Красного Креста в Ставке. Он решился говорить с государем: он убеждал его удалить Протопопова и поставить во главе правительства лицо, облеченное доверием страны. Царь с ним соглашался. Приехала в Ставку императрица. Кауфман уезжал, его очень ласково провожали, а когда он приехал в Петроград, то получил уведомление от царя, что он освобождается от представительства Красного Креста в Ставке.

За несколько дней до инцидента с Марковым целая группа депутатов левой[208] была исключена кто на пятнадцать, кто на восемь заседаний. Они устроили скандал во время речи Трепова, не давая ему говорить.

После исключения Маркова возник вопрос, что наказания были одинаковы, хотя поступки далеко не равны. Я предполагал предложить Думе уменьшить наказания исключенным депутатам левой. Но в это время ко мне явились представители от рабочих и заявили, что они пришли «потребовать» уменьшения наказания для левых депутатов. Я с ними долго беседовал о политическом положении страны, а насчет их требования определенно заявил, что у меня было намерение предложить смягчить наказание левым депутатам, но пред'явленные мне рабочими требования меняют положение, и я считаю невозможным для себя действовать под чьим бы то ни было давлением.

Министр юстиции Добровольский [209] неожиданно и незаконно прекратил дело Манасевича-Мануйлова, дело, которое уже слушалось в суде с участием присяжных заседателей. Это небывалый пример в судебной практике. Это было сделано по высочайшему повелению.

16 декабря Дума была распущена на рождественские каникулы.

В ночь на 17 декабря 1916 года произошло событие, которое по справедливости надо считать началом второй революции — убийство Распутина. Вне всякого сомнения, что главные деятели этого убийства руководились патриотическими целями. Видя, что легальная борьба с опасным временщиком не достигает цели, они решили, что их священный долг избавить царскую семью и Россию от окутавшего их гипноза. Но получился обратный результат. Страна увидала, что бороться во имя интересов России можно только террористическими актами, так как законные приемы не приводят к желаемым результатам. Участие в убийстве Распутина одного из великих князей, члена царской фамилии, представителя высшей аристократии и членов Г. Думы как бы подчеркивало такое положение. А сила и значение Распутина как бы подтверждались теми небывалыми репрессиями, которые были применены императором к членам императорской фамилии. Целый ряд великих князей был выслан из столицы в армию и другие места. Было в порядке цензуры воспрещено газетам писать о старце Распутине и вообще о старцах.

Но газеты платили штрафы и печатали мельчайшие подробности этого дела.

Политика правительства как бы на зло общественному мнению повернула еще правее, и доверие оказывалось только сторонникам Распутина. Результатом шума, поднятого возле этого дела, было то, что террористический акт стал всеми одобряться, и получилось внутреннее убеждение, что раз в нем участвовали близкие к царской чете лица и представители высших слоев общества, — значит, положение сделалось безвыходным.

Еще с зимы 1913 — 1914 годов в высшем обществе только и было разговоров, что о влиянии темных сил. Определенно и открыто говорилось, что этих «темных сил», действующих через Распутина, зависят все назначения как министров, так и должностных лиц. Приближенные ко Двору вовсе не отдавали или не хотели отдавать себе отчета, какими гибельными последствиями для династии грозит такое положение вещей. Возмущались решительно все, но... почти все молчали и покорялись. При таком настроении общества вспыхнула в июле 1914 года мировая война. Всеобщий горячий и искренний патриотический под'ем народного духа на время отодвинул на задний план все внутренние тревоги и опасения русского общества. Казалось, что перспективы жестокой, требовавшей жертв, войны сгладили все разногласия, и общество слилось на одной мысли — «война до победоносного конца».

Но распутинцы не дремали. Скоро опять начались их происки, направленные к тому, чтобы поставить правительство в оппозиционное положение к обществу. Осторожно, опытной рукой была пущена легенда о назревавшем революционном настроении в стране: хотели возбудить недоверие власти к народу. Никакой почвы для таких страхов тогда не было, но русское общество было взято правительством под подозрение, и эта политика недоверия упорно проводилась властью вплоть до дней переворота. Так как в большинстве случаев министры назначались по указаниям Распутина, то я в праве утверждать, что именно из недр его кружка исходил лозунг раз'единения общества и правительства.

Патриотический под'ем сменился тревогой, и роковое слово «измена» сначала шопотом, тайно, а потом явно и громко пронеслось над страной. Пораженческое движение подняло голову, и пропаганда преступных и предательских мыслей стала все более и более усиливаться, захватывая колеблющихся и малодушных.

Я заканчиваю на этом описание жизненного пути Распутина, пройденного им в истории русского государства. Ручаясь за точность приведенных мною фактов, я вижу, как они складываются в определенную и бесформенную картину того громадного влияния, которое имел Распутин через императрицу Александру Федоровну на ход государственных дел. Сомнениям в этом случае нет места, но при близком наблюдении всех указанных мною явлений меня всегда поражала планомерность действий распутинского кружка. Как-будто он вел дело к заранее обдуманной и твердо намеченной цели.

Я далек от мысли утверждать, что Распутин являлся вдохновителем и руководителем гибельной работы своего кружка. Умный и пронырливый по природе, он же был только безграмотный, необразованный мужик с узким горизонтом жизненным и, конечно, без всякого горизонта политического, — большая мировая политика была просто недоступна его узкому пониманию. Руководить поэтому мыслями императорской четы в политическом отношении Распутин не был бы в состоянии. Если бы он один был приближенным к царскому делу, то, конечно, дело ограничилось бы подарками, подачками, может быть некоторыми протекциями известному числу просителей и только. С другой стороны, следует совершенно и раз навсегда откинуть недобрую мысль об «измене» императрицы Александры Федоровны. Комиссия Временного Правительства под председательством Муравьева [210] с участием представителей от совета р. и с. депутатов, занимавшаяся этим вопросом специально по документальным данным, совершенно отвергла это обвинение. Быть может, императрица Александра Федоровна полагала, что сепаратный мир с Германией был более выгоден для России, чем дальнейшее участие в союзе с Антантой,

но фактически это установлено не было. Тем менее можно говорить об «измене» русскому делу императора Николая II, он погиб мученическою смертью именно в силу верности данному слову.

А между тем совершенно ясно, что вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство с начала войны, неизбежно и методично вела к революции, к смуте в умах граждан, к полной государственно-хозяйственной разрухе.

Довольно припомнить министерскую чехарду. С осени 1915 года по осень 1916 года было пять министров внутренних дел: князя Щербатова сменил А. Н. Хвостов, его сменил Макаров, Макарова — Хвостов старший, и последнего—Протопопов. На долю каждого из этих министров пришлось около двух с половиной месяцев управления. Можно ли говорить при таком положении о серьезной внутренней политике? За это же время было три военных министра: Поливанов, Шуваев и Беляев. Министров земледелия сменилось четыре: Кривошеин, Наумов, граф А. Бобринский и Риттих. Правильная работа главных отраслей государственного хозяйства, связанного с войной, неуклонно потрясалась постоянными переменами. Очевидно, никакого толка произойти от этого не могло; получался сумбур, противоречивые распоряжения, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, решимости и одной определенной линии к победе.

Народ это наблюдал, видел и переживал, народная совесть смущалась, и в мыслях простых людей зарождалось такое логическое построение: идет война, нашего брата, солдата, не жалеют, убивают нас тысячами, а кругом во всем беспорядок, благодаря неумению и нерадению министров и генералов, которые над нами распоряжаются и которых ставит царь.

Все то, что творилось во время войны, не было только бюрократическим легкомыслием, самодурством, безграничной властью, не было только неумением справиться с громадными трудностями войны, это была еще и обдуманная, и упорно проводимая система разрушения нашего тыла, и для тех, кто сознательно работал в тылу, Распутин был очень подходящим оружием.

Вот почему я утверждаю, что тяжкий грех перед родиной лежит на всех тех, кто мог и обязан был бороться с этим уродливым явлением, но не только не боролся, но еще и пользовался им во вред России.

Интересно, что охранники, которые дежурили около квартиры Распутина и которых он в роковую ночь отпустил перед тем, как за ним приехал автомобиль от Юсупова, — наутро явились и, не подозревая об убийстве, заняли свои посты. Слухи об убийстве Распутина ходили еще задолго до того, как это совершилось, а после убийства полиция бросилась по всем направлениям. Заподозрила даже моих сыновей, и под видом грабежа у меня на квартире произвели обыск. Какие-то люди выломали замок в парадной двери, перерыли комоды и ящики, ничего из одежды не унесли, зато разбросали на квартире все бумаги.

Надеялись, что убийство даром не пройдет, что в Царском Селе, наконец, опомнятся, послушают предостережений или просто испугаются. Вышло совсем наоборот. Как бы на зло стали выдвигать тех, кто был сторонником Распутина. Протопопов был утвержден в должности министра внутренних дел, чем подчеркивалось одобрение его политики. Трепов подал в отставку, то же сделали — Граф Игнатьев, Макаров и товарищ министра внутренних дел князь Волконский. Трепов был замещен старым князем Н. Д. Голицыным,[211] который был помощником царицы в комитете военнопленных. Отставка Игнатьева и Волконского временно не была принята, а через несколько дней они прочли в газетах, что оба уволены. В Думе узнали о странной роли, которую играет в министерстве внутренних дел не имевший официального положения генерал Курлов,[212] которого считали организатором убийства Столыпина. В отсутствии Протопопова, который делами почти не занимался и все ездил в Царское, Курлов подписывал бумаги «за министра внутренних дел». Между тем указа правительствующего сената о его назначении не было, и высшие правительственные учреждения отказывались принимать такие бумаги. Курлов был назначен как бы тайком без опубликования через сенат. До чего дошло правительство, . . Разоблачения в Думе не

помогли, и Курлов продолжал оставаться на своем посту.

К 1 января произошли соответствующие перемены и в Гос. Совете. Был отстранен от председательствования Куломзин и заменен Щегловитовым и назначен ряд крайних черносотенцев в члены Совета. И все-таки направление верхней палаты изменить не удалось. Недавние сторонники правительства во что бы то ни стало — определенно высказывались против Протопопова, а когда прошел слух, что среди назначенных будет и Штюрмер, правые об'явили, что не примут его в состав своей группы. Они избрали председателем группы Трепова, как бы подчеркнув, что одобряют его отрицательное отношение к Протопопову и разделяют мотивы его ухода из правительства.

Вся политика правительства за это время носила характер неумелых репрессий, соединенных с бездействием власти. После роспуска Думы на рождественские каникулы стали ходить слухи, что Дума не будет созвана в назначенный срок — 9 января. В рескрипте на имя князя Голицына при его назначении было упомянуто «о благожелательном отношении к законадательным палатам и о необходимости совместной с ними работы». Но это нисколько не помешало Протопопову за спиной у Голицына добиться отсрочки Думы, и возобновление ее занятий было передвинуто на 14 февраля. Вообще, Протопопов не только продолжал играть в Царском роль, но и, повидимому, заменил Распутина. Рассказывали, что он занимается спиритизмом и вызывает дух Распутина. Считаю небезынтересным упомянуть, что мне рассказывал граф Д. М. Граббе. Его пригласил к завтраку известный князь Андронников, обделывавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли на Распутина: борода, волосы, костюм — все было под Распутина. Андронников пытливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что он вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся.

XVI

Развал тыла. — Генерал Крымов настаивает на перевороте. — Завтрак у в. к. Марии Павловны. — Визит в. к. Михаила Александровича. — Аудиенция 7 января.

С продовольствием стало совсем плохо. Города голодали, в деревнях сидели без сапог, и приэтом все чувствовали, что в России всего вдоволь, но нельзя ничего достать из-за полного развала в тылу. Москва и Петроград сидели без мяса, а в это время в газетах писали, что в Сибири на станциях лежат битые туши и что весь этот запас в полмиллиона пудов сгниет при первой же оттепели. Все попытки земских организаций и отдельных лиц разбивались о преступное равнодушие или полное неумение что-либо сделать со стороны властей. Каждый министр и каждый начальник сваливал на кого-нибудь другого, и виновников никогда нельзя было найти. Ничего, кроме временной остановки пассажирского движения, для улучшения продовольствия правительство не могло придумать. Но и тут получился скандал. Во время одной из таких остановок паровозы оказались испорченными: из них забыли выпустить воду, ударили морозы, трубы полопались, и вместо улучшения только ухудшили движение. На попытки земских и торговых организаций устроить с'езды для обсуждения продовольственных вопросов правительство отвечало отказом, и с'езды не разрешались. Приезжавшие с мест заведывавшие продовольствием, толкавшиеся без результата из министерства в министерство, принесли свое горе к председателю Думы, который в отсутствие Думы изображал своей персоной народное представительство. Многие распоряжения правительства наводили на странное и грустное размышление: казалось, что будто бы власть сознательно работает во вред России и на пользу Германии. А при ближайшем знакомстве с источниками подобных распоряжений приходилось убеждаться, что во всех таких случаях невидимые нити вели к Протопопову и через него к императрице.

С начала января приехал с фронта генерал Кры-

мов [213] и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Гос. Совета и членов Особого Совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет другого курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили, — не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу, и временные успехи сводятся к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами:

— Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя.

Крымов замолк, и несколько минут все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

— Генерал прав — переворот необходим... Но кто на него решится?

Шидловский с озлоблением сказал:

— Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским; поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова:

«Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду за Россией».

Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

— Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения — пусть она это де-

лает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, но не насилием...

Много и долго еще говорили у меня в этот вечер. Чувствовалась приближающаяся гроза, и жутко было за будущее: казалось, какой-то страшный рок влечет страну в неминуемую пропасть.

Приблизительно в это время довольно странное свидание произошло у меня с великой княгиней Марией Павловной.

Как-то поздно вечером, приблизительно около часа ночи, великая княгиня вызвала меня к телефону:

— Михаил Владимирович, не можете ли вы сейчас приехать ко мне?

— Ваше высочество, я, право, затрудняюсь: будет ли это удобно в такой поздний час... Я, признаться, собираюсь итти спать.

— Мне очень нужно вас видеть по важному делу. Я сейчас пришлю за вами автомобиль... Я очень прошу вас приехать...

Такая настойчивость меня озадачила, и я просил разрешения ответить через четверть часа. Слишком подозрительной могла показаться поездка председателя Думы к великой княгине в час ночи: это было похоже на заговор. Ровно через четверть часа опять звонок, и голос Марии Павловны:

— Ну что же, вы приедете?

— Нет, ваше высочество, я к вам приехать сегодня не могу.

— Ну, тогда приезжайте завтра к завтраку.

— Слушаюсь, благодарю вас... Завтра приеду.

На другой день на завтраке у великой княгини я застал ее вместе с ее сыновьями, как будто бы они собрались для семейного совета. Они были чрезвычайно любезны, и о «важном деле» не было произнесено ни слова. Наконец, когда все перешли в кабинет и разговор все еще шел в шутливом тоне о том, о сем, Кирилл Владимирович [214] обратился к матери и сказал:

— Что же вы не говорите?

Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове и об императрице. При упоминании ее

имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну, что, благодаря ей, создается угроза царю и всей царской фамилии, что такое положение дольше терпеть невозможно, что надо изменить, устранить, уничтожить...

Желая уяснить себе более точно, что она хочет сказать, я спросил:

— То есть, как устранить?

— Да я не знаю... Надо что-нибудь предпринять, придумать... Вы сами понимаете... Дума должна что-нибудь сделать... Надо ее уничтожить...

— Кого?

— Императрицу.

— Ваше высочество, — сказал я, — позвольте мне считать этот наш разговор как бы небывшим, потому что, если вы обращаетесь ко мне как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к государю императору и доложить ему, что великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить императрицу.

Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию. После убийства Распутина разговоры об этом стали еще более настойчивыми. Многие приэтом были совершенно искренно убеждены, что я подготовляю переворот и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен. Меня это приводило в негодование, и, когда люди проговаривались, начинали на что-то намекать или открыто говорить о перевороте, я отвечал им всегда одно и то же:

— Я ни на какую авантюру не пойду как по убеждению, так и в силу невозможности впутывать Думу в неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дело законодательных палат, а поднимать народ против царя — у меня нет ни охоты, ни возможности.

Все негодовали, все жаловались, все возмущались и

в светских гостиных, и в политических собраниях, и даже при беглых встречах в магазинах, в театрах и трамваях, но дальше разговоров никто не шел. Между тем, если бы все об'единились и если бы духовенство, ученые, промышленники, представители высшего общества об'единились и заявили царю просьбу или даже обратились бы с требованием прислушаться к желаниям народа, — может быть и удалось бы чего-нибудь достигнуть. Вместо этого одни низкопоклонничали, другие охраняли свое положение, держались за свои места, охраняли свое благополучие, третьи молчали, ограничиваясь сплетнями и воркотней, и грозили за спиной переворотом...

Из среды царской семьи, как ни странно, к председателю Думы тоже обращались за помощью, требуя, чтобы председатель Думы шел, доказывал, убеждал.

Близкие государю тоже понимали, какая надвигается опасность, но и эти близкие, даже брат государя, были и нерешительны и тоже бессильны.

8 января ко мне на квартиру неожиданно приехал великий князь Михаил Александрович.

— Мне хотелось бы с вами поговорить о том, что происходит, и посоветоваться, как поступить... Мы отлично понимаем положение, — сказал великий князь.

— Да, ваше высочество, положение настолько серьезное, что терять нельзя ни минуты и спасать Россию надо немедленно.

— Вы думаете, что будет революция?

— Пока война, народ сознает, что смута — это гибель армии, но опасность в другом. Правительство и императрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии. Этого нация не снесет и, если бы это подтвердилось, а довольно того, что об этом ходят слухи, — чтобы наступила самая ужасная революция, которая сметет престол, династию, всех вас и нас. Спасти положение и Россию еще есть время, и даже теперь царствование вашего брата может достичь еще небывалой высоты и славы в истории, но для этого надо изменить все направление правительства. Надо назначить министров, которым верит страна, которые бы не оскорбляли

народные чувства. К сожалению, я должен вам сказать, что это достижимо только при условии удаления царицы. Она вредно влияет на все назначения, даже в армии. Ее и царя окружают темные, негодные и бездарные лица. Александру Федоровну яростно ненавидят, всюду и во всех кругах требуют ее удаления. Пока она у власти — мы будем итти к гибели.

— Представьте, — сказал Михаил Александрович, — то же самое говорил моему брату Бьюкенен. Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна. Брата и ее окружают только изменники. Все порядочные люди ушли... Но как быть в этом случае?

— Вы, ваше высочество, как единственный брат царя, должны сказать ему всю правду, должны указать ему на вредное вмешательство Александры Федоровны, которую в народе считают германофилкой, для которой чужды интересы России.

— Вы считаете, что необходимо ответственное министерство?

— Все просят только твердой власти, и ни в одной резолюции не упоминается об ответственном министерстве. Хотят иметь во главе министерства лицо, облеченное доверием страны. Такое лицо составит кабинет, который будет ответственен перед царем.

— Таким лицом могли бы быть только вы, Михаил Владимирович: вам все доверяют.

— Если бы явилась необходимость во мне, — я готов отдать все свои силы родине, но опять-таки при одном условии: устранения императрицы от всякого вмешательства в дела. Она должна удалиться, так как борьба с ней при несчастном безволии царя совершенно бесплодна. Я еще 23 декабря послал рапорт о приеме и до сих пор не имею ответа. Благодаря влиянию царицы и Протопопова царь не желает моего доклада, и есть основание предполагать, что Дума будет распущена и будут назначены новые выборы. У меня есть сведения, что под влиянием разрухи тыла начинаются волнения и в армии. Армия теряет спокойствие... Если вся пролитая кровь, все страдания и потери окажутся напрасными, — возмездие будет ужасным.

— Вы, Михаил Владимирович, непременно должны видеть государя и еще раз сказать ему всю правду.

— Я очень прошу вас убедить вашего державного брата принять меня непременно до Думы. Ради бога, ваше высочество, повлияйте, чтобы Дума была созвана и чтобы Александра Федоровна с присными была удалена.

Беседа эта длилась более часа. Великий князь со всем согласился и обещал помочь.

Не только в. к. Михаил Александрович понимал угрожающее положение, сознавали это и другие члены царской семьи. Еще раньше в. к. Николай Михайлович [215] говорил мне: «Они бог знает что делают своей неумелой политикой. Они хотят все русское общество довести до исступления».

Я решил еще раз отправить рапорт царю с просьбой о приеме. 5 января я писал:

«Приемлю смелость испросить разрешения явиться к вашему императорскому величеству. В этот страшный час, который переживает родина, я считаю своим верноподданнейшим долгом как председатель Думы доложить вам во всей полноте об угрожающей российскому государству опасности. Усердно прошу вас, государь, повелеть мне явиться и выслушать меня».

На другой день был получен ответ, а 7 января я был принят царем.

Незадолго перед тем, 1 января, как всегда, во дворце был прием. Я знал, что увижу там Протопопова, и решил не подавать ему руки. Войдя, я просил церемониймейстера барона Корфа и Толстого предупредить Протопопова, чтобы он ко мне не подходил. Не передали ли они ему, или Протопопов не обратил на это внимания, но я заметил, что он следит за мной глазами и, по-видимому, хочет подойти. Чтобы избежать инцидента, я перешел на другое место и стал спиной к той группе, в которой был Протопопов. Тем не менее Протопопов пошел напролом, приблизился вплотную и с радостным приветствием протянул руку. Я ему ответил:

— Нигде и никогда.

Смущенный Протопопов, не зная, как выйти из положения, дружески взял меня за локоть и сказал:

— Родной мой, ведь мы можем столковаться.

Он мне был противен.

— Оставьте меня, вы мне гадки, — сказал я.

Это происшествие, хотя и не во всех подробностях, появилось в газетах: писали также, что Протопопов намерен вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не последовало.

На докладе у государя я прежде всего принес свои извинения, что позволил себе во дворце так поступить с гостем государя. На это царь сказал:

— Да, это было нехорошо — во дворце...

Я заметил, что Протопопов, вероятно, не очень оскорбился, так как не прислал вызова.

— Как, он не прислал вызова? — удивился царь.

— Нет, ваше величество... Так как Протопопов не умеет защищать своей чести, то в следующий раз я его побью палкой.

Государь засмеялся.

Я перешел к докладу.

— Из моего второго рапорта вы, ваше величество, могли усмотреть, что я считаю положение в государстве более опасным и критическим, чем когда-либо. Настроение во всей стране такое, что можно ожидать самых серьезных потрясений. Партий уже нет, и вся Россия в один голос требует перемены правительства и назначения ответственного премьера, облеченного доверием народа. Надо при взаимном доверии с палатами и общественными учреждениями наладить работу для победы над врагом и для устройства тыла. К нашему позору, в дни войны у нас во всем разруха. Правительства нет, системы нет, согласованности между тылом и фронтом до сих пор тоже нет. Куда ни посмотришь — злоупотребления и непорядки. Постоянная смена министров вызывает сперва растерянность, а потом равнодушие у всех служащих сверху донизу. В народе сознают, что вы удалили из правительства всех лиц, пользовавшихся доверием Думы и общественных кругов, и заменили их недостойными и неспособными. Вспомните, ваше величество, Поливанова, Сазонова, графа Игнатьева, Самарина, Щербатова, Наумова, — всех, кто был преданными слугами вашими и России

и кто отстранен без всякой причины и вины... Вспомните таких старых государственных деятелей, как Голубев и Куломзин. Их сменили только потому, что они не закрывали рта честным голосам в Г. Совете. Точно умышленно все делается во вред России и на пользу ее врагов. Поневоле порождаются чудовищные слухи о существовании измены и шпионства за спиной армии. Вокруг вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, а остались только те, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секрет, что императрица помимо вас отдает распоряжения по управлению государством, министры ездят к ней с докладом и что по ее желанию неугодные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными. В стране растет негодование на императрицу и ненависть к ней... Ее считают сторонницей Германии, которую она охраняет. Об этом говорят даже среди простого народа...

— Дайте факты, — сказал государь, — нет фактов, подтверждающих ваши слова.

— Фактов нет, но все направление политики, которой так или иначе руководит ее величество, ведет к тому, что в народных умах складывается такое убеждение. Для спасения вашей семьи вам надо, ваше величество, найти способ отстранить императрицу от влияния на политические дела. Сердце русских людей терзается от предчувствия грозных событий, народ отворачивается от своего царя, потому что после стольких жертв и страданий, после всей пролитой крови народ видит, что ему готовятся новые испытания.

Переходя к вопросам фронта, я напомнил, что еще в пятнадцатом году умолял государя не брать на себя командование армией и что сейчас после новых неудач на румынском фронте всю ответственность возлагают на государя.

— Не заставляйте, ваше величество, — сказал я, — чтобы народ выбирал между вами и благом родины. До сих пор понятие царь и родина — были неразрывны, а в последнее время их начинают разделять...

Государь сжал обеими руками голову, потом сказал:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался? . .

Минута была очень трудная. Преодолев себя, я ответил:

— Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути.

Несмотря на эти откровенные слова, которые не могли быть приятными, государь простился ласково и не выказал ни гнева, ни даже неудовольствия.

Мне невольно вспоминается одна из аудиенций, во время которой больше, чем когда-либо, можно было понять императора Николая II. Ошибаются те, которые называют его лживым и черствым человеком. Он был только слабый волей, легко подпадающий под чужое влияние.

После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

— Я утомил вас, ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня — ходил на глухарей... Хорошо в лесу было...

Государь подошел к окну (была ранняя весна). Он стоял молча и глядел в окно. Я тоже стоял в почтительном отдалении. Потом государь повернулся ко мне:

— Почему это так, Михаил Владимирович? Был я в лесу сегодня... Тихо там, и все забываешь, все эти дрязги, суету людскую... Так хорошо было на душе... Там ближе к природе, ближе к богу...

Кто так чувствует, не мог быть лживым и черствым.

Незадолго до доклада, 3 января, я вызвал из Москвы Самарина, избранного председателем совета об'единенного дворянства. Нужно сказать, что тогда упорно ходили слухи, что я буду арестован и выслан из Петрограда. Мне это подтвердил и один из членов правительства. Я счел нужным осведомить об этом тех из своих единомышленников, которые могли взять на себя в мое отсутствие борьбу за интересы и достоинство России и могли бы защитить народное представительство от незаслуженных оскорблений. Самарин приехал ко мне с двумя членами совета об'единенного дворянства — Карповым и князем Куракиным. Самарин также просил аудиенцию и просил доложить государю

о резолюции с'езда об'единенного дворянства, подробно об'яснил ее истинный смысл и в волнении говорил, что он чувствует, что долг его откровенно все высказать царю. Накануне своего доклада он весь вечер просидел у меня, и его до последней минуты не оставляла вера в торжество справедливости и правды, в то, что нас, наконец, услышат.

После Самарина у меня был князь Львов, Челноков и Коновалов [216]. Все они одобряли мои действия, поддерживая в том, что настало время говорить одну правду, как бы она ни была неприятна.

После этих двух докладов, Самарина и моего, пошли слухи, что Трепову было предложено составить кабинет доверия из членов законодательных палат. Слухи эти проникли и в газеты, но скоро они заглохли. Протопопов продолжал оставаться министром и постоянным посетителем Царского Села, и все шло по-прежнему. Стали даже говорить, что Дума будет распущена до окончания войны, а затем будут назначены новые выборы. Начались даже как-будто приготовления к новой избирательной кампании. Так как на дворянство и духовенство уже не полагались, то по мысли Протопопова решено было привлечь на сторону правительства крестьян, и с этой целью стали разрабатывать законопроект о наделении крестьян — георгиевских кавалеров — землею в количестве до тридцати десятин, путем принудительного отчуждения от частных владельцев.

В старом Новгороде происходило дворянское собрание. Настроение дворян вылилось в резолюцию, [217] в которой необыкновенно ярко были выражены боль и страх за будущее России. Надеялись, что непосредственное обращение высшего сословия к царю приведет к желательным результатам. Дворяне единогласно поручили, чтобы губернский предводитель Будкевич лично передал резолюцию государю. К сожалению, государь не нашел времени принять Будкевича, и резолюция была передана ему через Протопопова. В результате вызвали в Петроград новгородского губернатора Ислявина для об'яснения и отстранили его от должности.

XVII

Представители Антанты в Петрограде. — Полиция и пулеметы. — Последняя аудиенция. — Аресты рабочих. — Согласие царя на ответственное министерство и неожиданный отъезд. — Оборвалось...

В конце января в Петроград приехали делегаты союзных держав для согласования действий на фронтах в предстоящей весенней кампании.

На заседаниях конференции с союзниками обнаружилось полнейшее невежество нашего военного министра Беляева [218]. По многим вопросам и Беляев и другие наши министры оказывались в чрезвычайно неловком положении перед союзниками: они не сговорились между собой и не были в курсе дел даже по своим ведомствам. В особенности это сказалось при обсуждении вопроса о заказах за границей. Лорд Мильнер долго молча вслушивался в речи наших министров и затем спросил:

— Сколько же вы делаете заказов?

Ему сообщили.

— А сколько вы требуете тоннажа для их перевозки?

И получив снова ответ, он заметил:

— Я вам должен сказать, что вы просите тоннажа в пять раз меньше, чем нужно для перевозки ваших заказов.

Союзные делегаты выражали сожаление, что, в виду отдаленности России и оторванности ее от общего командования на Западе, они имеют о нас мало сведений. На это министр Покровский [219] предложил создать новую должность комиссара, который был бы на Западе представителем России и по своему положению стоял бы выше наших послов. Присутствовавший на конференции Сазонов, только что назначенный послом в Лондон, возмутился, и между Покровским и Сазоновым начались пререкания. Иностранцам было ясно, что у нас нет ни согласованности, ни системы, ни понимания серьезности переживаемого момента. Это их очень возмущало. Хладнокровный лорд Мильнер, еле сдерживавший свои чувства, откидывался на спинку стула и

громко вздыхал. Каждый раз приэтом стул трещал, и ему подавали другой.

Французы тоже очень нервничали, и видно было, что недовольны нами. Еще в январе 1916 года во время своего пребывания в Петрограде члены делегации Думерг [220] и Кастельно [221] ездили в Царское Село и к своему изумлению увидели там тяжелые орудия, присланные для нашего фронта из Франции.

Мне сообщили, что петроградскую полицию обучают стрельбе из пулеметов. Масса пулеметов в Петрограде и в других городах вместо отправки на фронт была передана в руки полиции.

Одновременно появилось весьма странное распоряжение о выделении Петроградского военного округа из состава Северного фронта [222] и о передаче его из действующей армии в непосредственное ведение правительства с подчинением командующему округом. Уверяли, что это делается неспроста. Упорно говорили о том, что императрица всеми способами желает добиться заключения сепаратного мира и что Протопопов, являющийся ее помощником в этом деле, замышляет спровоцировать беспорядки в столицах на почве недостатка продовольствия, чтобы затем эти беспорядки подавить и иметь основание для переговоров о сепаратном мире. Слухи эти были настолько упорны, что вызвали смущение не только среди членов Думы, но и среди представителей союзных держав. Члены Особого Совещания по обороне решили на первом же заседании поднять вопрос о французской артиллерии и пулеметах. Они запросили военного министра Беляева, по какому праву он без санкции Особого Совещания передал такое огромное количество оружия, которое нужно на фронте, — в ведение министерства внутренних дел. Беляев обещал дать ответ на том же заседании, но не дал, а когда вопрос был снова поднят, министр старался прекратить прения. Члены Гос. Совета Стишинский, [223] Гурко и Карпов горячо поддержали меня, когда я протестовал, доказывая, что военный министр обязан дать ответ Совещанию и не может ему зажимать рот. Не добившись ничего, члены решили прибегнуть к крайней мере и просить государя председательствовать на

следующем заседании. Члены Совещания единогласно вынесли такое решение, напомнив, что государь сам обещал председательствовать в особо важных случаях. Беляев, однако, стоял на своем и отказался передать постановление Совещания царю, говоря, что это несвоевременно и что государя не следует тревожить такими не первостепенными вопросами. Тогда члены Совещания изложили свою просьбу письменно, и я отправил их записку вместе со своим очередным докладом. Никакого ответа не последовало.

10 февраля мне была дана высочайшая аудиенция. Я ехал с тяжелым чувством. Уклончивость Беляева, затягивавшего ответы на важные вопросы, поставленные Особым Совещанием, нежелание царя председательствовать — все это не предвещало ничего хорошего.

Необычайная холодность, с которой я был принят, показала, что я не мог даже, как обыкновенно, в свободном разговоре излагать свои доводы, а стал читать написанный доклад. Отношение государя было не только равнодушное, но даже резкое. Во время чтения доклада, который касался плохого продовольствия армии и городов, передачи пулеметов полиции и общего политического положения, государь был рассеян и, наконец, прервал меня:

— Нельзя ли поторопиться? — заметил он резко: — меня ждет великий князь Михаил Александрович пить чай.

Когда я заговорил об ужасном положении наших военнопленных и о докладе сестер милосердия, ездивших в Германию и Австрию, государь сказал:

— Это меня вовсе не касается. Для этого имеется комитет под председательством императрицы Александры Федоровны.

По поводу передачи пулеметов царь равнодушно заметил:

— Странно, я об этом ничего не слыхал...

А когда я заговорил о Протопопове, он раздраженно спросил:

— Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе... Почему же теперь он вам не нравится?

Я ответил, что с тех пор, как Протопопов стал министром, он положительно сошел с ума.

Во время разговора о Протопопове и о внутренней политике вообще я вспомнил бывшего министра Маклакова.

— Я очень сожалею об уходе Маклакова, — сказал царь, — он во всяком случае не был сумасшедшим.

— Ему не с чего было сходить, ваше величество, — не мог удержаться я от ответа.

При упоминании об угрожающем настроении в стране и возможности революции царь прервал:

— Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена.

Приходилось кончать доклад:

— Я считаю своим долгом, государь, высказать вам мое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас последний.

— Почему? — спросил царь.

— Потому что Дума будет распущена, а направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, повидимому, не будет. Вы, ваше величество, со мной не согласны, и все останется по-старому. Результатом этого по-моему будет революция и такая анархия, которую никто не удержит.

Государь ничего не ответил и очень сухо простился.

14 февраля Дума должна была возобновить свои занятия. За несколько дней до этого мне сообщили, что на первое заседание явятся петроградские рабочие с какими-то требованиями. Одновременно я узнал, что какой-то господин, выдававший себя за Милюкова, ходит по заводам и возбуждает рабочих к беспорядкам. Милюков написал письмо в газеты [224], разоблачая самозванца и предостерегая рабочих от провокации. Письмо это было запрещено военной цензурой, и только после моих настойчивых требований командующий Петроградским округом генерал Хабалов [225] наконец понял, что надо разрешить письмо Милюкова, и одновременно

сам опубликовал воззвание к рабочим, призывая их к спокойствию и угрожая в случае беспорядков действовать силою.

Перед самым открытием Думы были арестованы члены рабочей группы, входящей в состав военно-промышленного комитета [226]. Это были умеренные по своим взглядам люди, и казалось непонятным, что побудило правительство к их аресту. Арестованы были не все: двое остались на свободе. Они обратились с воззванием к рабочим, призывая их, несмотря ни на что, сохранять спокойствие. Это обращение, так же как и письмо Милюкова, не было разрешено к печати.

Открытие Думы обошлось совершенно спокойно. Никаких рабочих не было, и только вокруг по дворам было расставлено бесконечное множество полиции. Чтобы не подлить еще больше масла в огонь и не усиливать и без того напряженное настроение, я ограничился в своей речи только упоминанием об армии и ее безропотном исполнении долга. Вместо общеполитических прений заседание оказалось посвященным продовольственному вопросу, так как министр земледелия Риттих пожелал говорить и произнес очень длинную речь. Центр поддерживал Риттиха, кадеты резко на него нападали. Из речи Риттиха было ясно, что в короткий срок ему немногое удалось сделать и что с продовольствием у нас полный хаос. Городам из-за неорганизованности подвоза грозит голод, в Сибири залежи мяса, масла и хлеба, разверстка между губерниями сделана неправильно, таким образом, что хлебные губернии поставляли недостаточно, а губернии, которым самим нехватало хлеба, — были обложены чрезмерно. Крестьяне, напуганные разными разверстками, переписками и слухами о реквизициях, стали тщательно прятать хлеб, закапывая его, или спешили продать скупщикам.

Настроение в Думе было вялое, даже Пуришкевич и тот произнес тусклую речь. Чувствовалось бессилие Думы, утомленность в бесполезной борьбе и какая-то обреченность на роль чуть ли не пассивного зрителя. И, все-таки, Дума оставалась на своей прежней позиции и не шла на открытый разрыв с правительством.

У нее было одно оружие — слово, и Милюков это подчеркнул, сказав, что Дума «будет действовать словом и только словом».

Дума уже заседала около недели.

Стороной я узнал, что государь созывал некоторых министров во главе с Голицыным и пожелал обсудить вопрос об ответственном министерстве. Совещание это закончилось решением государя явиться на следующий день в Думу и об'явить о своей воле — о даровании ответственного министерства. Князь Голицын был очень доволен и радостный вернулся домой. Вечером его вновь потребовали во дворец, и царь сообщил ему, что он уезжает в Ставку.

— Как же, ваше величество, — изумился Голицын,— ответственное министерство?.. Ведь вы хотели завтра быть в Думе.

— Да... Но я изменил свое решение... Я сегодня же вечером еду в Ставку.

Голицын об'яснил себе такой неожиданный от'езд в Ставку желанием государя избежать новых докладов, совещаний и разговоров.

Царь уехал.

Дума продолжала обсуждать продовольственный вопрос. Внешне все казалось спокойным... Но вдруг что-то оборвалось, и государственная машина сошла с рельс.

Совершилось то, о чем предупреждали, грозное и гибельное, чему во дворце не хотели верить...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Григорий Распутин — кр-н Тобольской губернии, осужденный в молодости за конокрадство, использовал впоследствии религиозно-мистические настроения и, сделавшись «старцем», при поддержке некоторых представителей высшего духовенства, проник в придворные круги. Опираясь на развращенность и суеверие петербургской аристократии и пользуясь неограниченным доверием у истерической и мистически-настроенной императрицы Александры Федоровны, получил влияние на Николая II и государственные дела. 17 декабря 1916 года убит В. М. Пуришкевичем, Ф. Ф. Юсуповым и вел. кн. Дмитрием Павловичем. Распутин назначал и смещал министров, давал указания по внешней, внутренней политике и военным делам. Являясь орудием в руках банковской клики Мануса (см. прим. 161), он в то же время подвергался влиянию кружка аферисты Бадмаева. При помощи Р. целая банда авантюристов и мошенников устраивала свои дела и наживала огромные состояния. Распутинщина являла собой картину полного разложения царской монархии.

2. Рачковский, П. И. — потомственный дворянин. Имея домашнее образование, поступил в 1867 г. младшим сортировщиком в киевскую губ. почтовую контору. В 1879 г. за участие в революционном движении арестован, но вскоре выпущен, так как согласился быть секретным сотрудником охранки. Вскоре Р. был разоблачен и вынужден был скрыться в Галицию. В 1883 г. поступает в мин. внутр. дел. В 1885 г. был назначен заведующим заграничной секретной агентурой, на этом посту оставался до 1902 г. Под его руководством работали провокаторы Е. Азеф и Гартинг. В 1905 г. Рачковский опять занял должность в департаменте полиции, организовал типографию для печатания погромной литературы. С назначением Столыпина председателем совета министров вторично вышел в отставку и к деятельности больше не возвращался. (См. «Былое» за 1918 г. № 2 [30].)

3. Епископ Феофан (Быстров) — род. ок. 1872 г., архимандрит. С 1909 г. состоял ректором петербургской духовной академии. При содействии и по рекомендации Ф. приблизился к царскому двору Распутин. В 1910 г. Ф. разочаровался в Распутине и выступил его обличителем при дворе, но был переведен на епископскую кафедру в Симферополь. (См. Б. В. Титлинов «Церковь во время революции», Л. 1924 г.)

4. Абалакский монастырь — находился в Тобольской губ., в 25 верстах от Тобольска. Основан в 1637 г.

5. Епископ Гермоген — саратовский епископ, черносотенец и погромщик. Покровитель другого черносотенца — иеромонаха Илиодора. Защищая и поощряя погромные действия Илиодора, неоднократно сталкивался с светской властью, требующей высылки Илиодора. Долго выходил победителем, благодаря поддержке Распутина, влиявшего в этом отношении на синод. В 1912 г. по принципиальным вопросам Г. разошелся с синодом, выступил с телеграммой на имя царя, требуя защитить церковь от неканонических действий синода, за что был уволен. Г. отказался выехать из Петербурга и вместо этого вызвал к себе на помощь Илиодора, начав открытую борьбу с синодом. После Февральской революции Г. вновь появляется на общественной арене в Тобольске (место ссылки царской семьи). Там он пытается создать вокруг себя подпольную монархическую организацию для устройства побега Романовых.

6. Иеромонах Илиодор — реакционный проповедник, фанатик, пользовавшийся в 1908 — 12 гг. сильным влиянием в реакционных кругах. Кончив духовную академию в 1905 г., И. был послан в Ярославль преподавать в духовной семинарии. Здесь развивает бешеную черносотенную деятельность. Организует банды «Союза русского народа», произносит погромные речи и т. д. В Царицыне И., под покровительством саратовского епископа Гермогена, такого же махрового погромщика, снова развил настолько активную деятельность, что синод принужден был выслать его и отсюда в Тульскую губ., откуда он через месяц бежит обратно в Царицын, продолжая в том же духе свою работу, под покровительством Гермогена и Распутина, до 1912 года. Издает газету «Гром и Молния». Потеряв опору в правительственных кругах (после ссоры Гермогена с Синодом и Распутиным), И. публично отрекается от монашества, синодальной церкви, пробует снова завоевать репутацию, прикинувшись либералом, и, в конце концов, бежит за границу, где издает воспоминания о Распутине — «Святой чорт». (См. «Похождения Илиодора», журнал «Былое», № 24 за 1924 г.)

7. Хлыстовские корабли — название отдельных общин мистической секты «Хлысты». Появление этой секты большинство ученых относят к 1645 г. Основателем ее называют Данила Филиппова (костромского жителя). Будучи недовольны существующим церковным строем, они ушли из городов, образовав свои общины в лесах, скрываясь от преследований царской администрации. Хлыстовцы отрицают иконопочитание, библию, православное духовенство и всю обрядность православной церкви.

8. Горемыкин, И. Л. (р. в 1839 г.) — первый министр вн. дел, назначенный Николаем II (1895 — 99). На посту мин. вн. дел проявил себя как усмиритель рабочих, студентов и голодающих крестьян. В 1899 г. он назначается чл. Гос. Совета. В это время Г. выступал в известной мере защитником земств против Витте. После удаления Г. с должности мин-ра внутр. дел, между ним и Витте разыгрывается ожесточенная закулисная борьба. Г. выступает против либеральных реформ, главным противником 1-го конституц. кабинета Витте. После отставки Витте Г. назначается

председ. Совета Министров в апреле 1906 г. Его декларационная речь в I Госуд. Думе вызвала резко отрицательное отношение со стороны последней. I Дума была распущена, а Г. подал в отставку. В январе 1914 г. снова назначен председателем Совета Министров. Во время войны Г. вел борьбу с Гос. Думой, выполняя волю кружка, возглавлявшегося Алекс. Федоровной и Распутиным. В январе 1916 г. Г. был заменен Б. В. Штюрмером.

9. Дедюлин, В. Н. (1858 — 1913) — ген. от кавалерии, ген. ад'ютант, дворцовый комендант. Стоял близко к монархическим организациям и оказывал им содействие.

10. Штюрмер, Б. В. (1848 — 1917) — гофмейстер, землевладелец. Первый назначенный председ. губ. земской управы. Новгородский губернатор (1894 г.), ярославский губернатор (с 1896 г.). В Ярославле вел борьбу с земством, городским самоуправлением. Борьба создала за ним репутацию твердого администратора, и он был назначен директором департ. общих дел мин. внутр. дел (1902 г.). Будучи на той должности, отличился разгромом тверского земства, за что получил назначение чл. Гос. Совета (1904 г.). Сблизившись с Распутиным и Ал. Фед., был выдвинут, вместо Горемыкина, в председ. Сов. Министров (январь — ноябрь 1916 г); назначен затем м-ром внутр. дел (март — июль 1916 г.) и, наконец (июль — ноябрь 1916 г.), м-ром иностр. дел; после разоблачений в Думе германофильской политики Штюрмера Николай вынужден был снять его с поста предс. Сов. М-ров. (См. «Падение царского режима», т. V. Допрос Б. В. Штюрмера).

11. Саблер, В. К. (р. в 1847 г.) — доцент по кафедре уголовного судопроизводства в Моск. ун-те (1871 — 1873). Состоял при вел. кн. Екатерине Михайловне. Юрисконсульт синода. Товар. обер-прокурора синода. После манифеста 17 октября 1905 г. вынужден был, вслед за Победоносцевым, оставить эту должность и был назначен сенатором. Во время Столыпина был назначен обер-прокурором синода (до 1915 г.). Во время войны переменил фамилию и стал называться — Десятовский.

12. Митрополит Питирим — б. экзарх Грузии; с 23/XI 1915 г. митрополит петербургский и ладожский. Чл. синода. Получил петербургскую митрополию благодаря поддержке Распутина. При содействии Распутина Питирим стал пользоваться влиянием при царском дворе и оказывать давление на назначение м-ров. При помощи П. получил пост премьер-м-ра Б. В. Штюрмер. В феврале 1917 г. П. председательствовал в комиссии, работавшей над проектом обеспечения духовенства большим казенным жалованьем.

После Февр. революции П. получил отставку и был выслан на Кавказ. (См. Б. В. Титлинов «Церковь во время революции»).

13. Протоиерей Васильев, Ал-др Петр. — настоятель царскосельского Федоровского собора, воспитатель наследника по закону божьему.

14. Воейков, В. Н. (р. в 1868 г.) — ген.-майор, входил в состав царской свиты. С 24/XII 1913 г. до Февральской революции — дворцовый комендант. Воейков стоял во главе группы придворных, которая боролась против распутинского влияния

на царя и царицу. Он старался влиять на царя в назначении министров в угодном этой группе направлении. В последние дни самодержавия был против уступок Николая и высказывался за подавление всеми способами револ. движения. В. был также связан с банковской группой Мануса и др. (см. прим. 161). (См. «Падение царского режима», т. III, 1925 г. и В. И. Семенников «Политика Романовых накануне революции», ГИЗ, 1926 г.).

15. Танеев, А. С. (р. в 1850 г.) — с 1873 гг. служил в судебном ведомстве. Работал по мин-ву юстиции в Польше. С 1880 г. н-к отд. канцелярии комитета министров. С 1887 г. — состоял при канцелярии, а в 1896 г. назначен управляющим последней. С 1906 г. чл. Гос. Совета. Во время импер. войны — чл. верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну.

16. Вырубова, А. А. (р. в 1884 г.) — урожд. Танеева. В 1904 г. стала фрейлиной царского двора. Фаворитка Николая и любимица Ал. Фед. В. имела большое влияние на политику царского правительства последних лет, выполняя волю «своего друга» Распутина. В ее доме происходили свидания Ал. Фед. с Распутиным. (См.: 1) «Падение царского режима», т. III; 2) «Февральская революция», сост. Алексеевым; 3) Вырубова «Страницы моей жизни»).

17. Столыпин, П. А. (1862 — 1911) — министр внутр. дел в эпоху I Думы, премьер-министр с 1906 г. по 1911 г. С. был выразителем дворянской реакции после революции 1905 г. Под его руководством проводился контр-революционный террор в форме военно-полевых судов, отправивших на виселицу много революционеров. С. провел аграрную реформу, которая имела в виду разрушение общины и создание крепкого хозяйственного мужика. 1/IX 1911 г. С. был убит в Киеве охранником-провокатором Дм. Богровым.

18. Митрополит петербургский Антоний (А. В. Вадковский; 1846 — 1912) — митрополит петерб. и ладожск., один из немногих церковных деятелей, стремившихся в эпоху беспросветного обскурантизма, когда Победоносцев направлял духовную и иную политику, к обновлению церкви. Антоний является одним из организаторов религиозно-философского общества, которое ставило себе целью сближение интеллигенции с прогрессивным духовенством.

19. «Митя» Козельский — юродивый из Оптиной пустыни. Был близок к царскому двору, который видел в нем «святого». М. обращался к Николаю II с письмами по разным поводам. Одно из писем М. помещено в «Архиве тибетского врача Бадмаева», изданном ГИЗ в 1925 г. под ред. и со вступительной статьей В. И. Семенникова.

20. Елизавета Федоровна, великая княгиня — принцесса Гессен-Дармштадтская (р. 20 октября 1864 г.); дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и сестра императрицы Александры Федоровны, жена в. кн. Сергея Александровича (убитого в 1905 г. Каляевым).

21. Архимандрит Варнава (Вас. Накропин) — бывший огородник, монах, при содействии Витте назначен настоятелем

Клименецкого монастыря, затем викарным епископом олонецкой епархии. При содействии Распутина В. был назначен епископом в Тобольск. Там он самовольно открыл мощи Иоанна Тобольского (Максимовича) и при помощи шапочки этого святого «лечил» наследника Алексея Николаевича. Варнава дружил с проходимцем кн. Андронниковым. В бытность А. Д. Самарина обер-курором синода последним были в сентябре 1915 г. приняты шаги к удалению В. с епископской кафедры, но, при содействии Распутина, В. сохранил свое место, а Самарин, энергично боровшийся с распутинщиной, получил отставку.

22. Епископ Сергей финляндский (Иван Старогородский) (р. в 1867 г.). В 1901 — 1905 гг. ректор петербургской духовной академии, с 1905 г. — архиепископ финляндский. Деятельный сотрудник Саблера (см. примеч. 11).

23. Пуришкевич, В. М. (1870 — 1919) — землевладелец, земский деятель в 1898 — 1901 гг. С 1901 г. поступает на службу в м-во внутр. дел. С 1904 г. начинается активная деятельность Пуришкевича, как ярого черносотенца и монархиста, организатора различных черносотенных союзов. Работает в ц. к-тах разных правых организаций. Чл. II, III и IV Гос. Думы, занимает место на крайней правой. В 1906 г. организует «Союз архангела Михаила». Один из организаторов и исполнителей убийства Распутина. После Октябрьской революции принимал участие в борьбе белогвардейцев против сов. власти.

24. Мандрыка, А. И. Флигель-ад'ютант, капитан лейб-гвардии 4 стрелк. импер. фамилии полка. В феврале 1911 г. был командирован Николаем II в Царицын, в связи с появлением там Илиодора, переведенного синодом в январе 1911 г. в один из монастырей Тульск. губ. и бежавшего оттуда.

25. Извольский, П. П. (р. в 1863 г.)— гофмейстер, работал при министерстве нар. просвещения (чиновником особых поручений, 1891 — 1905 гг.); тов. министра нар. просвещ. (1905 г.); обер-прокурор синода (1906 — 1909 гг.). С этой службы уволен, так как заявил себя сторонником самостоят. церкви; назначен членом Госуд. Совета (с 1909 г.).

26. Лукьянов, С. М. (р. в 1865 г.) — сенатор, изв. патолог. С 1883 г. по 1902 г. занимался научной деятельностью. 1902 — 1905 гг. — тов. министра нар. просвещ.; в 1906 г. — чл. Гос. Совета; 1909 — 1911 гг. — обер-прокурор св. синода. Ему принадлежит ряд научных трудов по биологии и медицине.

27. Думбадзе, Ив. Ант. (1851 — 1911)' — генерал, ялтинский градоначальник в эпоху Столыпина. Крайний черносотенец, считавший даже царское правительство слишком либеральным. Типичный провинциальный самодур в годы реакции. Предложил свои услуги для убийства Распутина во время пребывания последнего в Крыму.

28. Коковцов, В. Н. (р. в 1853 г.) — с 1896 г. до 1902 г. тов. м-ра финансов, в 1902 г. госуд. секретарь; с 1904 до 1905 гг. и с 1906 по 1914 г. министр финансов. После убийства Столыпина К. был назначен председателем Совета Министров (11/IX 1911 г.— 30/I 1914 г.). После 9 января 1905 г. вел политику обмана рабочих,

задабривания их всяческими обещаниями. Ему принадлежит инициатива приема Николаем II поддельной верноподданнической депутации от петербургских рабочих. К. сыграл активную роль при получении займа пр-ва Николая II от французских банкиров, позволившего справиться с финансовыми затруднениями и подавить революцию. 24/IV 1908 г. в Г. Думе К. заявил, что «у нас парламента, слава богу, нет». Перед войной 1914 г. К. выполнил такую же миссию в целях подготовки к мировой бойне.

29. «Голос Москвы» — ежедневная газета, орган октябристов, издавалась в Москве с 1906 по 1918 г., отстаивала необходимость военно-полевых судов, защищала реакционную политику Столыпина. Издавалась на средства группы московских промышленников во главе с А. Гучковым.

30. Гучков, А. И. (р. в 1862 г.) — крупный московский домовладелец и промышленник, гласный московской гор. думы, участвовал добровольцем в англо-бурской войне. Во время русско-японской войны работал на Д. Востоке в Кр. Кресте. Участник с'ездов земских и городских деятелей. Основатель «Союза 17 октября» (в 1905 году) и вождь его в Думе III созыва. Представитель реакционных кругов крупной буржуазии и вдохновитель третьеиюньского блока. Председатель Гос. Думы III соз. (март 1910 по март 1911 г.). Во время импер. войны председатель военно-промышленного к-та. Был сторонником дворцового переворота. Ездил в Псков вместе с Шульгиным настаивать на отречении Николая Романова. В I Временном правительстве в 1917 г. — военный и морской министр, аннексионист и сторонник «войны до конца». Отстаивал восстановление в армии железной дисциплины. После Окт. револ. поддерживал все контр-революционные выступления (с 1917 г. по 1921 г.). В настоящее время эмигрант.

31. Львов, В. Н. (р. в 1872 г.) — землевладелец, октябрист. Чл. Госуд. Думы III и IV созывов. Постоянный член комиссии по церковным делам в Думе. После Февральской революции — член I Врем. Правит. и обер-прокурор синода.

32. Макаров, А. А. (1857 — 1919) — происходил из купеческой семьи. До 1906 г. служил в судебных ведомствах в Москве, Киеве, Саратове, Харькове. С 1906 г. тов. министра внутр. дел. Ближайший сотрудник Столыпина по усмирению и подавлению революции. Руководил Департаментом полиции. С 20 сент. 1911 г. по 16 дек. 1912 г. мин. вн. дел. 11 апреля 1912 г. в ответ на запрос в Думе по поводу расстрела рабочих на Ленских приисках сказал: «Так было, так будет». С 7 июля по 19 дек. 1916 г. — мин. юстиции. С должности мин-ра юстиции был уволен в связи с делом Манасевича-Мануйлова, которого взял под свою защиту Распутин, боявшийся разоблачений своих проделок на суде.

33. Бадмаев, П. А. (Жамсаран) (1851 — 1919) — сын крупного бурятского скотопромышленника. По окончании университета Б. служил в министерстве иностранных дел (1875 — 1893 гг.). У брата своего Сильтима Б. научился тибетской медицине и стал практиковать по окончании у-та, не оставляя этого занятия вплоть до Февральской революции 1917 г. Основным «занятием» Б. были различные аферы (железнодорожные и др.) и влияние

на внутреннюю и внешнюю политику царизма. Б. являлся одним из видных инспираторов дальневосточных авантюр Николая II. Из кружка Б. вышел А. Д. Протопопов. Достаточно политически грамотный, Б. внушал Распутину выгодные его кружку политические идеи, которые последний непосредственно передавал царю и царице. В кружке Б. происходила обработка кандидатов в министры, которые, по назначению, целиком служили интересам этого кружка. Б., таким образом, возглавлял ту «банду аферистов», которая наживалась при помощи Распутина. (См. «За кулисами царизма», Архив тибетского врача Бадмаева, под редакцией и вступительной статьей В. П. Семенникова, ГИЗ, Л. 1925 г.).

34. Сумароков, Ф. Ф. (Юсупов) — граф, муж княжны Ирины Александровны, дочери в. кн. Александра Михайловича, принимал участие в убийстве Распутина, за что был выслан в декабре 1916 г. в свое имение «Ракитное», Курской губ. Там проживал под надзором до Февральской революции. В настоящее время эмигрант.

35. Мария Федоровна (р. в 1847 г.) — б. императрица, мать императора Николая II.

36. Ольга Александровна — вел. кн., сестра Николая Романова, была замужем за принцем Ольденбургским, Петром Александровичем, в 1916 г. развелась и вступила в брак с ротм. л. г. кирас. полка Н. А. Куликовским.

37. Волконский, В. М. (р. в 1868 г.) — землевладелец, уездный предводитель дворянства. Земский гласный, камергер, правый, чл. Думы III и IV созывов. Тов. предс. Госуд. Думы с 1907 по 1913 г. С 27 июля 1915 г. по 3 янв. 1916 г. тов. м-ра внутр. дел, был назначен царем как человек, связанный с общественными кругами, но правых убеждений и могущий вести линию правительства. В своих показаниях следств. комиссии от 19/VII 1917 г. увиливал от прямых ответов на вопросы о политике правительства и о влияниях на эту политику. По его словам, он подал в отставку, мотивируя тем, что не может работать, когда «все идет в разрез с обществ. организациями, с земской Россией, Гос. Думой и Гос. Советом». Однако, в 1915 г., временно заведуя делами о беженцах, В. издал циркуляр, согласно которому попечение о беженцах было из'ято из органов земского и городского самоуправления и подчинено губернаторам. (См. «Падение царского режима», т. VI).

38. Сергей Михайлович (1869 — 1917) — вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича. С 1904 г. инспектор и с 1905 г. ген.-инсп. всей арт., с 1915 по 1917 г. — полевой ген.-инсп. при верх. главнокомандующем. Благодаря его попустительству в артил. ведомстве развивалась система взяток и хищений, в которых принимала также участие и его фаворитка — балерина Кшесинская.

39. Воронцов-Дашков, Ив. Ив. (1837 — 1916) — граф, начальник дворцовой охраны и министр двора при императоре Александре III. В начале царствования Николая II был уволен (в мае 1897 г.). Поводом для снятия В.-Д. послужила «ходынская катастрофа», в которой его обвиняли. С 1905 по 1916 г. был кавказским наместником.

40. Карпов, В. И. (р. в 1859 г.) — правый, член Гос. Совета с 1907 г.; выбыл по жребию в 1912 г.; в том же году переизбран.

41. Каменский, П. В. (р. в 1860 г.) — землевладелец, октябрист, земский деятель, уездный предводитель дворянства (1900—1908 гг.), чл. III Госуд. Думы. Тов. председ. центр. бюро «Союза 17 октября». Занимался специально вопросами призрения. Был докладчиком на международном конгрессе борьбы с пауперизмом.

42. Шубинский, Н. П. (р. в 1853 г.) — дворянин-землевлад., коннозаводчик, адвокат, «октябрист», чл. Гос. Думы III и IV созывов. В Гос. Думе выступал с речами реакционного характера.

43. Пункт 10 «Учреждения Госуд. Думы» гласит: «Председатель Гос. Думы всеподданнейше повергает на высочайшее благовоззрение о занятиях Думы». («Свод Законов», т. I, ч. II, изд. 1908 г.).

44. Балашев, П. Н. — крупный землевладелец, егермейстер, чл. Гос. Думы III и IV созывов. Председатель главного совета Всероссийского национ. союза. Когда был создан прогрессивный блок (см. прим. 155), Б. выступил с предложением создать «информационное бюро» правых и центра Гос. Думы и Гос. Совета. Как говорили тогда кадеты. Б. хотел создать «черный блок».

45. Фредерикс, В. Б. (р. в 1838 г.) — граф, ген.-ад'ютант. Командовал л.-гв. конным полком (1875 г.), гвард. кавал. бригадой (1884 — 1891 гг.). С 1893 по 1897 гг. пом. министра импер. двора. С 1897 г. до Февр. революции министр импер. двора и уделов. Чл. Гос. Совета с 1905 г. Один из придворных, выступавших против влияния Распутина. Его считали членом так наз. «немецкой партии» и через него действовали по подготовке сепаратного мира с Германией. После Февр. революции уехал в Могилев, где был арестован. (См. «Падение царского режима», т. V).

46. Евлогий — архиепископ холмский, один из лидеров реакционной партии духовенства, группировавшейся вокруг В. К. Саблера (см. прим. 11). Е. принимал участие в учрежденном Саблером в 1912 г. совещании для октроирования проектов 1906 г. по вопросам церковного переустройства. Член III и IV Гос. Дум. Поддерживал распутинскую политику в церковных вопросах. После Октябрьской революции эмигрировал за границу и принимал участие в травле Сов. России. В декабре 1921 г. Е. принял участие в соборе заграничного русского духовенства, состоявшемся в Карловице в Сербии, осудившем из'ятие церковных ценностей для помощи голодающим и высказавшемся за восстановление династии Романовых. После смещения Антония Храповицкого с должности управляющего русскими заграничными церквами, на эту должность был назначен патриархом Тихоном Евлогий.

47. Ковзан, А. И. (р. в 1862 г.) — чл. Гос. Думы III созыва, октябрист.

48. Милюков, П. Н. (р. в 1859 г.) — лидер российской буржуазии, буржуазный историк. Бывший приват-доцент Московского университета. Принимал активное участие в «Союзе освобождения». Редактор кадетской газеты «Речь» с 1905 г. Лидер кадетской партии. Член думы III и IV созывов. Во время войны

1914 — 1917 гг. — идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и т. д. В февральские дни, после отречения Николая II от престола, защищал необходимость сохранения конституционной монархии во главе с Михаилом Александровичем. В I Врем. Правительстве М. занял пост министра иностранных дел, где выявил себя самым верным сторонником договоров, заключенных Николаем II с союзниками. Написанная в этом духе нота от 18 апреля 1917 г. вызвала сильный протест рабочих, и он должен был подать в отставку. Уйдя из Врем. Правительства, М., вместе с Корниловым и др., организует подпольную организацию «Республиканский Центр» в Петрограде, ставящую себе целью восстановление в России монархии; принимает участие в подготовке корниловского восстания. После Октябрьской революции М. является вдохновителем крупных контр-революционных заговоров, участник и инициатор интервенции. М. в начале гражданской войны придерживался германофильской позиции. Сейчас живет в Париже, редактирует кадетскую газету «Последние Новости».

49. Выборгское воззвание — составлено на совещании депутатов I Гос. Думы, после разгона ее царским правительством 9 июля 1906 г. в г. Выборге. В воззвании, озаглавленном: «Народу от народных представителей», говорилось: «... Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Госуд. Думу... До созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». Составленное кадетами, имевшими большинство в I Думе и до разгона стремившимися к «творческой» работе совместно с правительством, выборгское воззвание, несмотря на словесную революционность, не вызвало никакого массового движения и не дало ощутительных результатов. Целью выборгского воззвания, как говорит в своих воспоминаниях Милюков, было не вызвать революцию, а избежать ее. Привлеченные к ответственности депутаты, подписавшие воззвание, и в первую голову кадеты, на суде старались замолить свой грех перед царским правительством и усердно доказывали, что воззвание имело в виду призвать народ к ограждению правительства от революционного потрясения... Суд приговорил всех выборжцев (кроме 2-х) к 3 месяцам тюремного заключения.

50. Хвостов, А. Н. — депутат Гос. Думы, б. нижегородск. губернатор, член IV Гос. Думы, проявил себя речами против так наз. немецкого засилья. Назначен м-ром вн. дел по рекомендации придворного авантюриста Андронникова. Вел крайне реакционную политику, боролся с Г. Думой и рабочим движением. Вместе с С. П. Белецким — Х., путем подкупов, заручился поддержкой Распутина и при его содействии стал играть роль при царском дворе. В борьбе за влияние Х. не остановился и перед организацией убийства Распутина (см. прим. 1), но, разоблаченный Белецким, был смещен и больше политической роли не играл.

51. Маклаков, Н. А. — министр вн. дел с декабря 1912 г.

по июль 1915 г., чл. Гос. Совета. При его содействии палач ленских рабочих Трещенков избежал суда. Проводил яркую реакционную политику. Крайний реакционер, противник Гос. Думы и неоднократно выступал за ее разгон. В этом смысле М. влиял на царя путем посылки ему писем. Пытался поставить на обсуждение вопрос об изменении основных госуд. законов, которые он считал слишком либеральными. После отставки получил 20 000 руб. на устройство квартиры; в конце 1916 г. и в начале 1917 г. принял активное участие в кружке правых Римского-Корсакова (Макаров, Кульчицкий, Голицын, Ширинский-Шахматов и др.). По поручению царя написал манифест о роспуске Г. Думы. В декабре написал письмо царю, в котором указывал, что династия в опасности и что требуются крутые меры. Был намечен председателем монархического с'езда, состоявшегося в конце 1916 г. в Петрограде. Перед самым февральским переворотом намечался Николаем II к роли диктатора, который сможет справиться с растущим революционным и оппозиционным движением и отстоять монархию. (См. «Падение царского режима», тт. III, V. Допросы Н. А. Маклакова от I/V, 14/VI и 21/VI 1917 г.).

52. Романовские торжества происходили 21, 22 и 23 февраля 1913 г. Царь, по обыкновению, дал народу «милость», принял в Зимнем дворце депутации от дворянских обществ, губ. земств, биржевых комитетов, купеч. об-в и т. д. В Дворянском собрании в присутствии царя состоялся бал петерб. дворянства. Родзянко, как председ. Г. Думы, получил приветственные телеграммы от народных собраний Сербии, Болгарии и Греции. В Москве празднования происходили с участием царя 25, 26 и 27 мая.

53. Ковалевский, Е. П. (р. в 1865 г.) — землевладелец, октябрист, чл. III и IV Гос. Думы. Тов. председателя думской комиссии по народному образованию. Служил в министерстве народного просвещения. Автор одного из министерских проектов всеобщего обучения. Важнейшие труды его: «Народное образование в России»; «Народное образование в С. Ш. Америки» и др.

54. Балканская война с Турцией — началась осенью 1912 г. по инициативе русского царского правительства, имевшего целью захват Константинополя и проливов. Вопрос о войне с Турцией ставился в 1908 г. в феврале на совещании под председ. Столыпина. За войну был м-р ин. дел А. П. Извольский и генеральный штаб. Столыпин высказался категорически против войны, ссылаясь на неподготовленность и слабость России, только-что оправлявшейся от войны с Японией и революции. В 1911 г. после смерти Столыпина мысль о войне с Турцией опять стала разрабатываться и частично была осуществлена в войне балканских государств (Болгарии, Сербии, Греции) против Турции. При этом имелось в виду, что слабые балканские государства не устоят против Турции, и тогда Россия окажет им «поддержку» и заберет себе Константинополь. Путем переговоров с Англией и уступок ей в центральной Азии и Персии, царское правительство подготовляло коалицию против Германии и захват проливов. Однако, ход войны, приведшей к поражению Турции и торжеству Болгарии, стремившейся к занятию Константинополя,

заставил царское правительство забить отбой. Путем давления на Болгарию со стороны Румынии удалось остановить движение Болгарии на Константинополь. На этом и закончилась неудачная попытка царского правительства захватить проливы. (См. «Красный Архив», №№ 8, 16, «Балканская война с Турцией»).

55. Сазонов, С. Д. — гофмейстер, чл. Гос. Совета, министр иностранн. дел правительства Николая II до июля 1916 г. Один из вдохновителей русского империализма и виновников империалистической войны. Сторонник захвата Дарданелл. Посол правит. Керенского в Лондоне. Сазонов был в числе м-ров, считавших, что правительство должно опираться на Гос. Думу и др. общ. организации. Этим он восстановил против себя большую часть Совета м-ров во главе с Горемыкиным. Сазонов стоял за «автономию» Польши, считая, что этой политикой удастся обезвредить влияние Германии в Польше. С. высказывался и против смены Ник. Ник. Отставка С. вызвана изменением курса внешней политики царя под влиянием Ал. Фед. с Распутиным и банковской клики, стоявшей за ними.

56. Радко-Дмитриев — окончил академию генерального штаба. Генерал болгарской армии. Болгарский посланник в Петрограде. В 1914 г. во время импер. войны командовал 7-м армейским корпусом, III армией, 2-м сиб. корпусом и XII армией. В конце войны уволен в резерв чинов Петроградск. военного округа и жил в Кисловодске. Убит в Пятигорске в октябре 1918 г.

57. Председателем болгарского народного собрания был Данев, болгарский политический деятель, лидер партии прогрессистов, председатель народного собрания в 1911 — 1913 гг. («О первой балканской войне» — см. «Кр. Архив», тт. VIII и XVI).

58. Взятие Адрианополя. Главные военные операции против Турции развернули болгарские армии. Армия ген. Иванова осадила Адрианополь, а армия ген. Радко-Дмитриева, прорвав турецкий фронт восточнее Адрианополя, заставила турецкие войска отступить. Собрав все свои силы, турки дали бой болгарской армии, закончившийся 22 октября победой болгар. Через 2 дня турки снова дали болгарам бой, на этот раз решающий, и снова потерпели поражение. Этим самым участь Адрианополя была решена. Турецкое правительство обратилось 22/X к европейским державам с просьбой о вмешательстве. Пока велись переговоры, шла осада Адрианополя, который пал 13/III 1913 г.

59. Бобчев, С. С. — болгарский посланник в Петербурге, назначен 3/X 1912 г., заменен Р.-Дмитриевым 3/VII 1913 г.

60. Фракцию октябристов составляли депутаты Гос. Думы, члены партии «Союз 17 октября», организованный в 1905 г. «Союз» выражал интересы землевладения и крупной реакционной буржуазии. «Союз» сразу занял контр-революционную позицию, выступив в защиту политики Столыпина. Большое влияние приобрел «Союз» в III Думе, сделавшись выразителем реакционных настроений дворянства и буржуазии. Во время империалистической войны являлся сторонником «войны до по-

бедного конца». После Февральской революции «октябристы» остались в лагере контр-революционеров.

61. Речь идет о совещании, устроенном Сазоновым 22 и 23/III 1913 г. у себя на квартире, на котором он излагал точку зрения правительства на балканские события, обходя вопрос о причинах, побуждавших правительство не поддерживать Болгарию. Самодержавие боялось, что Болгария захватит себе Константинополь и проливы, на которые целились империалисты России. (См. «Красный Архив», тт. VIII и XVI).

62. «Речь» — орган конституционно-демократической партии (к.-д.), организованный и руководимый Милюковым, П. Н. Издавался в Петербурге при участии Гессена и Набокова. С первых дней Февральской революции «Речь» заняла позицию, враждебную советам. В предоктябрьские дни — орган корниловщины и контр-революции.

63. Сухомлинов, В. А. (1848 — 1926) — генерал. С 1909 г. по 1915 г. военный министр. Был обвинен в измене и уволен в отставку. Издал за границей воспоминания о своей деятельности. Переписка Сухомлинова с нач. штаба во время войны ген. Янушкевичем напечатана в «Красном Архиве», №№ 1, 2, 3. Биография С. написана В. А. Апушкиным: «Генерал от поражений, А. А. Сухомлинов».

64. Незаконное изменение устава военно-медицин. академии Сухомлиновым. — В своих воспоминаниях Сухомлинов рисует дело так, что «пришлось академию закрыть и уволить всех обучавшихся в ней», в силу того, что внутренний порядок в ней сложился под влиянием либеральных течений, «слушатели», подражая студентам университета, вели себя совсем свободно, не отдавали чести офицерам при встречах и т. п. На основании нового положения академия была подчинена главному военно-медиц. инспектору. От академии требовали реорганизации преподавания в целях приближения военных врачей к армии и ее санитарным нуждам. На деле изменение устава академии имело целью подавить даже ту маленькую свободу, которой пользовались преподаватели и слушатели, и внести в жизнь академии дух казармы и муштры.

65. Отказ сената распубликовать измененный устав военно-медицинской академии. — Сухомлинов по этому поводу пишет следующее: «Против моего проекта (см. прим. 64), утвержденного государем, были возражения в сенате, согласие которого на опубликование единственно придавало ему законную силу. Когда стали собирать голоса, то оказалось, что за опубликование — две трети сенаторов; от голоса председателя зависело решение вопроса. Я сидел рядом с председателем, и он мне заявил, что, к сожалению, должен подать голос против опубликования, — что таков обычай, установившийся в сенате. На это я ему об'яснил, что мне повелено после заседания доложить его величеству результаты, и я вынужден буду рассказать все, как было. После некоторого колебания он подписал направо, и сенатская оппозиция государю провалилась».

66. Мещерский, В. П. (1839 — 1914) — известный реак-

ционер-черносотенец. В 60-х годах сотрудничал в «Моск. Вед.», «Русск. Вестнике» и др. реакционных изданиях. В 1872 г. начал издавать газету «Гражданин», крайне монархического направления, затем одновременно с «Гражданином» «для народа» «Дружеские Речи». В своих газетах он в течение 40 лет бешено нападал на револ. движение и имел огромное влияние на Николая II.

67. «Гражданин» — газета политическая и литературная, издававшаяся с 1872 г. Мещерским. Редакторами ее последовательно были: Гр. К. Градовский, Ф. М. Достоевский, В. Пуцыкевич и кн. Мещерский. Выступив сначала в относит. умеренно-консервативном тоне, она превратилась в последние годы в махрово-черносотенную газету.

68. Заседание соединенных монархических организаций состоялось 21—23 декабря под председательством Щегловитова. На этом с'езде монархисты выступили с контр-программой против декларации «прогрессивного блока» (см. прим. 155). В своих постановлениях с'езд квалифицировал деятельность прогрессивного блока как внесение в государство «опасной смуты», а деятельность земского и городского союзов — как узурпацию задач, принадлежащих государственной власти.

69. Марков II, Н. Е. (р. в 1867 г.) — землевладелец, гражданский инженер, монархист-черносотенец. Организатор «партии народного порядка» в Курске в 1905 г. В 1907 г. эта партия слилась с «Союзом Русского Народа», в котором он состоял членом центр. к-та. Чл. черносотенного «Союза Архангела Михаила». Видный деятель с'ездов об'единенного дворянства, на которых выступает ярым крепостником. Чл. III и IV Гос. Думы.

Получал для черносотенных организаций и для поддержки черносотенных газет («Земщины») крупные суммы от правительства.

70. Алексеенко, М. М. (1847—1917) — землевладелец; проф. Харьковского университета по кафедре финансового права (1870—90). Ректор Харьковского ун-та. Гласный уездного и губ. екатеринославских земств. Попечитель екатеринославского учебного округа. Чл. III и IV Гос. Думы от землевладельцев, октябрист. Председатель бюджетной комиссии Гос. Думы.

Важнейшие труды А.: 1) «Взгляд на развитие учения о налогах у Смита, Ж. Б. Сея, Рикардо, Сисмонди и Д. С. Милля» и 2) «Государство и кредит».

71. «Русское Слово» — распространенная либеральная газета, издававшаяся в Москве Сытиным под редакцией Дорошевича и Благова. Превратилась после Февральской революции в контр-революционный орган. В начале 1918 года «Р. Слово» выходило несколько месяцев под названием «Наше Слово», но после июльского лево-эс-эровского мятежа окончательно закрыта.

72. Урусов, Н. П. (1863 г. — князь, екатеринославский губ. предводитель дворянства; с 1912 г. — член Гос. Совета от екатеринославского земства.

73. Петлюра — б. украинский с.-д. правого направления, националист и глава Директории, выдвинутый Украинской Радой. Вытесненный революцией из Киева, П. вошел в секретное

соглашение с Германией и при помощи немецких штыков восстановил на Украине власть Рады, но вскоре немцы заменили его гетманом Скоропадским. Во время ноябрьской революции в Германии, после ухода немцев с Украины, вновь пытался восстановить свою власть, но, сброшенный восстанием и Красной армией, эмигрировал в Галицию, откуда организовал бандитские отряды против Сов. Украины (атаманы Зеленый, Ангел, Соколовский и др.). Весною 1920 года заключил договор с Польшей, с помощью которой пытался восстановить свою власть на Украине. После Рижского мира, заключенного с Польшей 12 октября 1920 года, вновь прибегал к методу бандитских набегов с польской границы. В мае 1926 года убит в Париже.

74. Харитонов, П. А. (1852 — 1916) — гофмейстер, работал статс-секретарем в различных департаментах Гос. Совета; товарищ государственного секретаря (1904 г.). В 1906 году получил звание сенатора. С 1907 г. государственный контролер до 25 января 1916 года. Во время империалистической войны отстаивал в Совете Министров позицию совместной работы правительства с Думой и общественными организациями. Решительно выступил против смены Ник. Ник. с поста верховного главнокомандующего и занятия этого поста Николаем II. Под письмом 8-ми министров Николаю II, в котором они просили не отстранять Ник. Ник. от участия в верховном командовании армией (см. Семенников: «Политика Романовых»), подпись Х. стоит первой. Вместе с Кривошеиным, Х. являл собою тип «либерального» бюрократа, охранявшего монархию, но добивавшегося этого путем уступок так наз. общественному мнению.

75. Шидловский, Сергей Илл. (р. 1861 г.) — землевладелец. Октябрист. Чл. III и IV Гос. Думы. Чл. земельной комиссии в Гос. Думе. В первые дни Февральской революции — чл. Временного К-та Гос. Думы.

76. Хомяков, Н. А. (1850— 1925) — сын известного славянофила Хомякова. Землевладелец. Уездный и губернский предводитель дворянства. Директор департамента министерства земледелия (1896 — 1902). Член Гос. Совета в 1906 г.; чл. Гос. Думы II и III созывов. Был председателем III Гос. Думы. Октябрист.

77. Звегинцев, А. И. (р. в 1869 г.) — крупный землевладелец. Писал в спец. журналах по сел.-хоз. вопросам. Октябрист; член Гос. Думы III и IV созывов.

78. Годнев, И. В. (род. в 1856 г.) — врач; уездный земский и городской гласный; октябрист; член Гос. Думы III и IV созывов. После Февральской революции был членом I Временного Правительства — государственным контролером.

79. Саввич (р. в 1870 г.) — дворянин-землевладелец, октябрист, член Гос. Думы III и IV созывов.

80. Шидловский, Николай Илл. — член Гос. Думы IV созыва; октябрист; губ. предводитель дворянства.

81. Битти (Beatty), Давид (р. в 1871 г.) — граф, адмирал. В 1913 г. он был назначен командиром I эскадры линейных крейсеров. Во время войны провел ряд удачных боев с немецким флотом. В декабре 1916 г. был назначен главнокомандую-

щим «Большим флотом». В 1919 г. Б. назначен первым морским лордом (нач. морского генер. штаба). Принял участие в Вашингтонской конференции по разоружению (в 1923 г.).

82. Члены Гос. Совета по назначению. До революции 1905 г. Гос. Совет целиком назначался царем. Революция заставила и здесь пойти на уступки. Статья 100 «Основных госуд. законов», введенных под давлением революции, гласит: «Гос. Совет образуется из членов по высочайшему назначению и членов по выборам. Общее число членов Совета, призываемых высочайшей властью к присутствованию в Совете из среды его членов по высочайшему назначению, не должно превышать общего числа членов по выборам». Ежегодно царем назначался определенный состав членов Гос. Совета по числу членов выборных. Назначались, главным образом, люди, стоявшие на позиции царского правительства. В последние годы перед революцией в среде членов Гос. Совета выявилась небольшая группа, ставшая в оппозицию к царскому правительству и его политике.

83. 87-я статья свода основных государственных законов гласит: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменения ни в основные государственные законы, ни в учреждения Гос. Совета или Гос. Думы, ни в постановлении о выборах в Совет или Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Гос. Думу, в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы, соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Гос. Дума или Гос. Совет». (См. «Свод Законов», т. I, ч. I, изд. 1906 г.).

84. Григорович, И. К. (р. в 1853 г.) — адмирал; командовал различными судами Балтийского флота (1883 — 1896 гг.); командир броненосца «Цесаревич» (до 1904 г.); командир Порт-Артурского порта (1904 г.); нач. штаба Черноморского флота (1905 — 1906 г.); товарищ морского министра (1909 — 1911 гг); с 1911 г. — морской министр, с 1913 г. — член Гос. Совета. Во время империалистической войны защищал необходимость совместной работы правительства с Думой.

85. Австрийский престолонаследник и его смерть 15/VI 1914 г. — М. Н. Покровский считает, что «убийство Франца-Фердинанда было спровоцировано русским генеральным штабом». Ссылаясь на разоблачения бывшего начальника сербской разведки полк. Дмитриевича, он рассказывает, как в мае 1914 г. «в Белграде была получена депеша, адресованная русским генеральным штабом сербскому генеральному штабу и гласившая, будто бы Вильгельм и Франц-Фердинанд на свидании в Конопшите решили в ближайшее время напасть на Сербию. Душой проекта является Франц-Фердинанд. Его поездка в Боснию, якобы на маневры, есть не что иное, как подготовка к нападению на Сербию, и самые маневры — только ширма для

сосредоточения войск на сербской границе». Спровоцированный сербский генеральный штаб организовал убийство Франца-Фердинанда в Сараеве, после которого последовал ультиматум, пред'явленный Австрией Сербии, знаменовавший начало мировой империалистической войны 1914 — 1918 гг. (См. М. Н. Покровский: «Очерки по истории рев. движения в России XIX и XX вв.»).

86. Колебание Николая II и приказ его о приостановлении мобилизации. — В ежедневной записи б. м-ва ин. дел «о начале войны» приведена телеграмма Вильгельма II, отпр. 13/VII Николаю II с сообщением, что им принимаются меры к достижению соглашения между Австрией и Россией. В ответной телеграмме от 15/VII Николай просит Вильгельма сделать все возможное для предотвращения войны. 16/VII произошел новый обмен телеграммами между Николаем и Вильгельмом, причем последний потребовал прекращения военных приготовлений России и рекомендовал России остаться только зрителем австро-сербского конфликта. 17 июля Николай II дал приказание об отмене общей мобилизации, решенной за несколько дней ранее по настоянию министерства ин. дел и генерального штаба.

В этот же день после совместного обсуждения создавшегося положения м-р ин. дел, военный м-р и нач. ген. штаба, а также м-р земледелия Кривошеин решили воздействовать на Николая II и провести общую мобилизацию. После доклада С. Д. Сазонова царю им была разрешена общая мобилизация, и ген. штаб поспешил ее немедленно об'явить, дабы не произошло новой задержки со стороны царя.

87. Николай Николаевич (р. в ноябре 1856 г.)—вел. кн., дядя б. императора Николая II (двоюродный брат Александра III). Участвовал в русско-турецкой войне 1877 — 78 гг.; с 1905 по 1908 г. — председатель вновь образованного совета государственной обороны; с 1905 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа; главнокомандующий сухопутных и морских сил русской армии во время империалистической войны (июль 1914 г. по август 1915 г.). Был снят с поста главнокомандующего по настоянию Распутина и Ал. Федоровны, боявшихся влияния Николая Николаевича на царя. После снятия — наместник Кавказа и главнокомандующий кавказской армией до Февральской революции (с августа 1915 г. по 1917 г.). После Февральской революции назначен Вр. Правительством верховным главнокомандующим, но вскоре был заменен генералом Алексеевым. Эмигрировал за границу и после расстрела Николая и вел. князей выдвинут монархической эмигрантщиной кандидатом на русский престол.

88. Голубев, Ив. Як. (1841 — 1918) — статс-секретарь, председатель Департамента гражданских и духовных дел старого (до 1905 г.) Гос. Совета. С 1906 г. член Гос. Совета и товарищ председателя. Открывал Гос. Думы II, III и IV созывов. В начале 1917 г., заподозренный в сочувствии прогрессивному блоку, не был вновь назначен присутствующим чл. Гос. Сов. В дальнейшем от политической деятельности отошел.

89. Акимов, М. Г. (1847—1914) — с 1894 по 1905 г. служил в судебном ведомстве. В 1905 г. — министр юстиции, принимал участие в подготовке выборов в I Гос. Думу, аресте петербургского Совета Рабочих Депутатов, подготовке политических процессов и т. д. Перед созывом Думы А. вместе с Витте получил отставку (апрель 1906 г.) и назначен член. Гос. Совета, а с 10 апреля 1906 г. — председат. Гос. Совета. А. принимал участие в выработке закона 3 июня 1907 года.

90. Барк, П. Л. — занимал пост министра финансов с 30/I 1914 года по март 1917 г. Был чл. Гос. Совета. В министры прошел при поддержке Распутина, выполнявшего в данном случае волю Мануса и его кружка (см. прим. 161). Б. был большим специалистом по части ведения переговоров с союзными правительствами на предмет получения займов для нужд войны. Б. подписался под коллективным письмом министров по поводу смещения Ник. Ник., чем вызвал большое неудовольствие Распутина и Александры Федоровны. Однако, по настоянию Мануса, Распутин не довел дело до смещения Барка.

91. «Историческое заседание Гос. Думы» 26/VII 1914 г. — Милюков по этому поводу говорил в следств. комиссии следующее: «Несмотря на разницу во взглядах на внешнюю политику и на способы борьбы во внутренней политике, — мы, при начале войны, совершенно определенно стали на точку зрения поддержки правительства и именно, таким образом, реагировали в заседании 26 июля, создавши атмосферу общего единодушия» («Падение царского режима», т. VI. ГИЗ. 1926 г.). Однако, полного единодушия, какого хотелось буржуазии, не было. С.-д. фракция Думы декларировала против войны и покинула заседание до голосования вопроса о кредитах на войну и о доверии правительству. В декларации с.-д. фракции говорилось: «Настоящая война порождена политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие всех воюющих теперь стран»... Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны... Но мы глубоко убеждены в том..., что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительные источники насилий и угнетений, от которых они страдают, и что теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой». Меньшевистская часть с.-д. фракции скатилась к оборончеству, и лишь депутаты большевики продолжали борьбу против империалистической войны и ее вдохновителей.

92. Принц Ольденбургский, А. П. (р. в 1844 г.). — В 1870 г. назначен командиром Преображенского полка. Участник русско-турецкой войны (1877—78 гг.); командовал гвард. корпусом (1886—1889 гг.). Член Гос. Совета в звании сенатора (с 1896 г.). Попечит. имп. института экспериментальной медицины, им. основанного. Председатель противочумной комиссии (с 1897 г.). В империалистической войне — верховный начальник санитарной и эвакуационной части (1914—16 гг.).

93. Бои под Лодзью и Березинами — происходили с 12—13 ноября до 5 декабря 1914 г. и закончились взятием

Лодзи немцами. Приэтом выявилась полная несостоятельность русского командования; армия немецкого ген. Макензена, несколько раз окруженная превосходными силами русских войск, не только ушла из кольца, но и увела 75 000 пленных, очень много орудий и пулеметов.

94. Рузский, Н. В. (1854 — 1918) — генерал, принимал участие в русско-турецкой войне (1877 — 78 гг.). Кончил академию генерального штаба. Ген-кварт. штаба Киевского военного округа. Нач-к штаба Виленского военного округа. В русско-японской войне (1904 — 1905 гг.) — начальник полевого штаба II манчжурской армии. Командир 21 армейского корпуса. Член военного совета. Во время империалистической войны командовал III армией, затем главнокомандующий Северо-Западным и Северным фронтом. Во время февральского переворота был одним из военных деятелей, оказавших влияние на Николая II и побудивших его отречься. Когда началось проведение выборного начала в армии, Р. вышел в отставку. В октябре 1918 г. он был убит в Пятигорске.

95. Недостаток в снарядах. — В своем исследовании «Боевое снабжение русской армии в войну 1914 — 18 гг.» А. А. Маниковский (см. прим. 129) устанавливает, что на 1/I 1915 г. имелся запас около четырех с половиной миллионов 3" выстрелов, т. е. около $^2/_3$ того запаса, с которым мы начали войну. По его мнению, нехватка снарядов об'ясняется тем, что предполагали, будто «современную войну можно вести только за счет заготовленных в мирное время запасов». «В этом, — пишет Маниковский, — был наш главный грех и наше главное несчастье»... На деле «истинные причины наших поражений кроются глубоко в общих условиях нашей жизни за последний перед войной период. И сам недостаток боевого снабжения является лишь частичным проявлением этих условий, как неизбежное их следствие». Изготовив потом достаточное число снарядов, правительство неспособно было обеспечить доставку этих снарядов. Так, например, из изготовленных в России и приобретенных за границей 95 миллионов 3" снарядов до фронта дошло лишь 60 миллионов, из 15 миллионов снарядов средн. калибра дошло 12 миллионов.

96. Кривошеин, А. В. (р. в 1861 г.) — гофмейстер. Начальник переселенческого управления, тов. министра финансов, завед. государств. дворянским и крестьянским земельным банками; член Гос. Совета (1907 г.); с 1908 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. На этом посту выявил себя активным сторонником уничтожения общинного землевладения и насаждения хуторского хозяйства. В первые годы войны имел большое влияние на политику Горемыкина, который часто совещался с К. по политическим вопросам. Но после установления тесной связи Горемыкина с кружком Рубинштейна — Мануса Кривошеин стал группировать вокруг себя либеральных министров, причем в эту группу в 1915 г. кроме него входили Поливанов, Харитонов, Барк и гр. Игнатьев. Как показывал в следств. комиссии гр. Игнатьев, Кривошеин сыграл большую роль в сме-

щении и осуждении Сухомлинова. Он стремился занять пост премьер-м-ра и для этого особенно старался тесно работать с общественными организациями и Думой. Однако, победа досталась распутинской клике, и Кривошеин получил в октябре 1915 г. отставку. Стоял во главе правительства Врангеля. (См. «Падение царского режима», т. VI. Допрос графа П. Н. Игнатьева).

97. Приказ Маклакова — о запрещении вывоза продуктов (17 июля 1915 г.) из одной губернии в другую имел самые печальные последствия, как и другие правительственные мероприятия по ослаблению продовольственного кризиса, например, установление административными властями такс и т. п. Б. Граве в своей книге: «К истории классовой борьбы в России» пишет: «Крестьяне и землевладельцы в производящих районах не могли перебросить продукты в потребляющие районы, и, вследствие этого, цены на продукты сельского хозяйства были не только низки, но за них, кроме бумажек, крестьяне на городском рынке могли приобрести лишь ограниченное количество необходимых для их хозяйства товаров. Угрозы голода в городах и прекращение снабжения армии вынудили правительство к декретированию продовольственной разверстки».

98. Шуваев, Д. С. (р. в 1854). — По окончании академии генерального штаба занимал штабные должности и был преподавателем военных наук. В 1905 — 1906 гг. командовал 2 Кавказским армейским корпусом. В 1909 — 1916 гг. — начальник интендантского управления. В 1916 г. назначен военным министром. В январе 1917 г. получил отставку и назначен членом гос. военного совета. Занимая пост военного министра, Ш. видел необходимость согласованной работы с буржуазными общественными организациями в целях боеспособности армии. Вследствие этого он в правительстве солидаризировался с оппозицией реакционному курсу Горемыкина и Штюрмера. Он был против смещения Ник. Ник. с поста верховного главнокомандующего, но не подписался под коллективным письмом м-ров, по условиям дисциплины. Его выступление в Думе (см. прим. 200) послужило поводом к отставке, на которой особенно настаивала Ал. Фед., желавшая посадить на эту должность выслужившегося перед ней Беляева (см. прим. 219).

99. Арест соц.-дем. рабочей фракции IV Думы. — 30/X 1914 г. состоялось совещание с.-д. фракции IV Гос. Думы с ответственными партработниками Петрограда в Финляндии, близ ст. Мустамяки в дер. Нейвола в кв. Л. Б. Каменева, посвященное вопросу об отношении к войне. Совещание, по окончании работ, решило созвать через месяц более широкое совещание с представителями местных с.-д. организаций крупных промышленных центров. Последнее совещание состоялось 2 XI в Озерках в кв. рабочего Гаврилова, нанятой б. депутатом III Гос. Думы Шуркановым, оказавшимся впоследствии провокатором. На совещании присутствовали: с.-д. депутаты (большевики) IV Гос. Думы тт. Петровский, Самойлов, Бадаев, Шагов и Муранов и кроме них Л. Б. Каменев, тт. Антипов, Козлов от Петроградской организации, Воронин — от Ив.-Вознесенской, Линде —

от Рижской, Яковлев от Харьковской. Совещание обсудило тезисы В. И. Ленина о войне, доклад Л. Б. Каменева о текущем моменте, заслушало доклады с мест о положении в организациях и настроении рабочих и др. организационные вопросы. К самому концу совещания 4/XI в кватиру ворвалась полиция и после обыска арестовала всех присутствовавших, кроме членов Думы. Последние были обысканы, но выпущены на свободу. Вскоре, однако, их арестовали по обвинению в принадлежности к с.-д. партии и посадили в петроградский дом предварительного заключения. За время, которое депутаты оставались на свободе, они успели сообщить рабочим о бесчинствах полиции над депутатами рабочих и довести до сведения Думы и ее председателя — Родзянко о нарушении депутатской неприкосновенности. Однако, буржуазно-помещичья Дума, находясь в плену шовинистической идеологии и собравшаяся воевать «до победного конца», не вступилась за депутатов, разоблачавших империалистический характер войны. 10 февраля 1915 года состоялся суд над арестованными на совещании 4/XI, который длился 4 дня и приговорил: на поселение — Петровского, Бадаева, Самойлова, Шагова, Муранова, Каменева, Линде, Воронина, и Яковлева; Гаврилова — в крепость 1 г. 6 мес., Антипова — 8 мес., Козлова оправдали и выпустили. Гос. Дума совершенно обошла молчанием арест и осуждение депутатов.

100. Колюбакин, А. М. (1869 — 1914) — земский деятель Новгородской и Тверской губ.; в 1903 году избран председателем губ. земской управы; в 1904 г. был уволен по распоряжению Плеве. Член центрального комитета кадетской партии. В предвыборную кампанию в 1907 г. об'езжал по поручению к-та поволжские города. После избрания К. в III Гос. Думу против него возбужден был процесс по поводу речи, произнесенной в предвыборной кампании. К. был приговорен к тюремному заключению и исключен из Гос. Думы. В начале империалистической войны пошел добровольцем на фронт и был убит.

101. Мясоедов — полковник, свыше 13 лет прослужил жандармом на пограничной с Германией станции. На этой службе он большую часть времени проводил за пограничной чертой, находясь в прекрасных отношениях с германским правительством. Подозреваемый в контрабанде, он был переведен во внутренние губернии. Но М. ушел с «невыгодной» для него службы и вместе еще с некоторыми дельцами, обвиненными впоследствии в госуд. измене, образовал «Акционерн. о-во для перевозки грузов и эмигрантов в Гамбург и Америку», в котором занял место председателя. В 1914 г. М. с разрешения Сухомлинова вступает в ряды действующей армии. Был обвинен в шпионаже и повешен.

102. Неудача русских войск под Сольдау. По требованию Франции (август 1914 г.) русское командование решило вторгнуться в Вост. Пруссию и этим оттянуть на себя часть немецких войск. Для этой цели были предназначены армии Ренненкампфа и Самсонова. Наступление, по мнению воен. спец.,

заранее было обречено на неудачу, но нужно было спасать Париж, и его настоятельно требовал посол Франции Палеолог.

103. Иванов, Н. И. (1851 — 1919 гг.) — генерал-лейт. Участник русско-турецкой войны (1877 — 78 гг.), нач-к Кронштадтской крепостной артиллерии (1890 — 99 гг.), участник русско-японской войны (1904 — 05 гг.). Временный генерал-губернатор, затем главн. начальник Кронштадта в 1906 — 07 гг. Своей усмирительной деятельностью по подавлению революции 1905 г. приобрел к себе особое расположение Николая II. С 1908 г. по 1914 г. — командующий войсками Киевского военного округа. В начале империалистической войны (1914 г.) — назначен главнокомандующим Юго-Зап. фронтом, но проиграл ряд сражений, заменен в марте 1916 г. Брусиловым. С этих пор до Февральской революции состоит при Николае. В первые дни Февральской революции И. был назначен Николаем II «главнокомандующим Петроградским военн. округом с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров» и с 2-мя георгиевск. батальонами отправлен на Петроград, но войска его сдались восставшим, а сам он был арестован Врем. Пр-вом. Потом освобожден Керенским. После Октябрьской революции боролся против Советской власти.

104. Селиванов, А. Н. (р. в 1847 г.) — генерал. Кончив военную академию, служил в генер. штабе. Участник турецкой и китайской кампаний. В русско-японской войне команд. 37 пехотной дивизией. Был иркутским генерал-губернатором (1906 — 1910 гг.), команд. войсками Иркутского военного округа и наказн. атаманом забайкальского казацк. войска. С 1910 г. член Гос. Совета. Во время империалистич. войны (1914 — 1918 гг.) командовал 2-й армией.

105. Лечицкий, П. А. (1856 — 1920) — с 1877 г. служил в строю, командир полка во время русско-японской войны (1904 — 1905 г.). До войны команд. войсками Приамурского военн. округа, командующий IX армией в империалистич. войне. Во время наступления Брусилова летом 1916 г. армия Л. одержала победу, разбив австро-венгерскую армию и оттеснив ее до Карпатских перевалов. После Февральской революции, в связи с демократизацией армии, Л. вышел в отставку. После Октябрьской революции служил в Красной армии в Петроградском военном округе.

106. Брусилов, А. А. (1853 — 1925) — один из генералов, перешедших на сторону советской власти. Генерал-от-кавалерии, генерал-ад'ютант. Участник русско-турецкой войны (1877 — 1878 гг.). Начальник офицерской кавалерийской школы; начальник 2 кавал. дивизии (1906 г.), к-р 14 арм. корпуса (1909 — 1912 гг.); помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1912 — 1913 гг.). В импер. войне командовал VIII армией, затем был главнокомандующим Юго-Западн. фронта. Летом 1916 г. начал удачное наступление на австро-венгерские армии и разгромил их, но его не поддержали другие фронты, и потому успех не был закреплен. Верховный главнокомандующий (после ухода Алексеева) с мая 1917 г. до июля. Перешел на

сторону Советской власти и в 1920 г. во время польского наступления назначен был председателем особого совещания при главкоме. Во время войны с Польшей обратился с воззванием к офицерам и всему населению, в котором призывал отстоять Советскую власть от панской Польши.

107. Приезд Николая II во Львов — состоялся 9 апреля 1915 г. Там он выступил перед населением с речью, по поводу которой Ал. Фед. потом писала в письме, что «было как раз то, что надо», и что «Николай I был бы счастлив тем, что его правнук завоевывает обратно эти старинные области и отплачивает Австрии за ее измену». Сам Николай по поводу посещения Львова писал в письме к Ал. Фед.: «Очень красивый город, немножко напоминает Варшаву, пропасть садов и памятников, полный войск и русских людей».

108. Корнилов, Л. Г. (1870 — 1918). — В 1898 г. окончил ак. ген. штаба, с 1898 г. по 1904 г. служил в штабе Туркестанского военн. округа. Участвовал в русско-японской войне, затем с 1907 по 1911 г. был военным агентом в Китае. Перед войной К. командовал бригадой 9-й вост.-сиб. дивизии. После об'явления войны К. отправился на фронт. Будучи окружен неприятелем, был ранен и взят австрийцами в плен, откуда бежал. Связавшись с некоторыми членами Думы, сделался выразителем интересов крупной буржуазии. После Февральской революции был назначен главнокоманд. войск. Петроградского военного округа, затем ком. VIII армией и Юго-Зап. фронта. После июльских дней 1917 г. был назначен Керенским верховн. главнокомандующим русской армии. По требованию Корнилова, Керенским восстановлена была смертная казнь для солдат на фронте, почти уничтожены права солдатских выборных к-тов и предпринята жестокая борьба с солдатами-большевиками. Сотни солдат были брошены в тюрьмы. В августе 1917 г. К. предпринял поход на революционный Петроград, окончившийся полным поражением. Был арестован, бежал из тюрьмы на Дон к Каледину, организовал там белогвардейские отряды против Советской власти, убит при штурме Краснодара в марте 1918 года.

109. Драгомиров, В. (р. в 1867 г.). — Окончив академию генеральн. штаба (1892 г.), служил на разных штабных должностях. Участвовал в русско-японской войне (1904 — 1905 гг.). В 1906 г. — команд. л.-гв. Преображенского полка. В 1908 г. ген.-кварт. штаба Киевского военного округа. С 1912 по 1914 г. начальник штаба. С марта 1915 г. н-к штаба III армии, затем н-к штаба Юго-Западн. фронт. В 1917 г. вышел в отставку. После революции эмигрировал за границу.

110. Кшесинская, М. Ф. — балерина б. Мариинского театра. Была сначала любовницей Николая II до вступления его на престол, а потом б. в. кн. Сергея Михайловича. Имела довольно большое влияние на Николая. В революционные дни 1917 г. до июльских дней в ее дворце помещался центр. и петербургск. к-ты большевиков.

111. Янушкевич, Н. Н. (1868 — 1918) — генерал от-инфантерии, окончил академию генерального штаба. Служил в штабе

Виленского военного округа, откуда в 1898 г. переведен в Главн. штаб. Занимал должность в кодификационном отделе при военном совете и в канцелярии военн. министерства (до 1913 г.); профессор академии генерального штаба (1910 — 1914 г.), нач-к академии (1913 г.), начальник генерального штаба (1914 г.). В начале империалистич. войны — нач-к штаба верховн. главнокомандующего. С уходом с поста верховн. главноком. Николая Николаевича (1915 г.) Я. назначается помощником наместника на Кавказе и гл. начальником снабжения Кавказск. фронта. В 1917 г. уволен в отставку. После Октябрьской революции был арестован и по дороге в Петроград убит. (См. «Переписку В. А. Сухомлинова и Н. Н. Янушкевича». «Кр. Архив», т. I, т. II и т. III.)

112. Протопопов, А. Д. — владелец крупной суконной фабрики; предводитель дворянства, член III и IV Гос. Дум; тов. председателя IV Гос. Думы; октябрист. Во время империал. войны — организатор текстильного к-та. Играл в Гос. Думе роль представителя промышленности, был приглашен крупными металлургическими заводчиками в их совет с'ездов. Популярный в Думе, он постепенно отходит от думских кругов, все больше связываясь с крупным промышленным и банковским капиталом и Распутиным. Во время поездки парламентской делегации за границу без ведома других членов делегации виделся в Стокгольме с агентом германского правительства. В конце 1916 г. П., вопреки воле прогрессивного блока, по протекции Распутина назначается министром внутренних дел. Из «октябриста» и члена прогрессивного блока в Гос. Думе. П. делается крайним реакционером. После убийства Распутина заменил его при дворе. В февральские дни 1917 г. расставил городовых с пулеметами на чердаках высоких домов Петрограда для «усмирения» восставших рабочих и солдат. После Октябрьской революции в 1918 г. расстрелян ВЧК (См. «Последний временщик». Изд. «Прибой», 1927 г.)

113. Дмитрюков, И. И. (1872 — 1917) — член Гос. Думы III и IV созывов. После Февральской революции член Временного Комитета Гос. Думы.

114. Вышнеградский, А. И. — директор Петроградского Международного банка, член совета с'ездов металлообрабатывающей промышленности, крупный акционер ряда больших металлургических предприятий, председатель правления о-ва Коломенского машиностроит. завода, железоделательных, сталелитейных и механического завода «Сормово», машиностроит. завода Гартмана, Кузнецк. каменноугольных копей, тульских меднопрокатных и патронных заводов и др., один из активных организаторов синдиката банков — мощный финансовой организации, оказавшей влияние на политику правительства через Распутина в интересах банков. Являясь членом правления Международного банка, наиболее тесно связанного с германским капиталом, В. осуществлял «личную унию» указанных банковских сфер с правительством, так как состоял камергером «высочайшего двора».

115. Путилов, А. И. — крупнейший промышленный и банковский делец. Председатель правления О-ва путиловских заво-

дов; член «совета с'ездов металлообрабатывающей промышленности». Участник многих акционерных, металлургических и нефтепромышленных предприятий. Председатель правления Русско-Азиатского банка. П. этими банковскими и промышленн. связями был тесно соединен с англо-французским и германским капиталом. Находясь на верхушке промышленного и банковского мира, имел большое влияние на политику царского правительства через Распутина.

116. Утин, Я. И. — банкир, председатель правления Петроградского учетного и ссудного банка. Председатель синдиката всех частных банков. Один из банковских деятелей, имевших влияние на политику царского правительства через Распутина.

117. Щегловитов, И. Г. (р. в 1861 г.) — до 1905 г. сотрудничал в либеральных журналах («Юридич. Вестник» и «Право»), считаясь неблагонадежным. В первом «конституционном» к-те Витте — тов. мин. юстиции. С апреля 1906 г. по 6 июля 1915 г. мин. юстиции. Постепенно переходит в реакционный лагерь. Со времени II Думы Щ. становится одним из главных реакционных деятелей. Он превращал суды в послушное орудие реакционной политики. Чтобы окончательно упрочить за собой репутацию черносотенца, Щ. выдвигает и раздувает «дело Бейлиса», для чего производит целый ряд перемещений в Киевском суде. Щ. скрывал преступления Распутина. Был одним из самых ненавистных министров Николая II. В 1916 г. Николай II назначает Щ. председателем Гос. Совета. После Октябрьской революции расстрелян ВЧК.

118. Керенский, А. Ф. (р. в 1881 г.) — впервые появился на политической арене в 1905 г., подписавшись под коллективным заявлением, поданном общественными деятелями Москвы по поводу ареста депутации радикальной интеллигенции, пытавшейся предотвратить расстрел шествия к царскому дворцу (9-е января). Работая присяжным поверенным с 1906 г. по 1913 г. — приобрел известность в качестве защитника по политич. делам. В 1912 г. проходит в IV Гос. Думу, будучи с.-р., и примыкает к фракции трудовиков. Социал-патриот с начала войны. После Февральской революции — член Врем. К-та Гос. Думы и тов. председателя Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Вопреки решению Совета (не давать министров в бурж. прав-во), К. входит в состав Врем. Правительства министром юстиции. После отставки Гучкова — во II Временное Правительство — военным и морским министром, где выявил себя ярым патриотом и сторонником «войны до победного конца». По требованию союзных империалистических держав толкнул русскую армию к наступлению 18 июня, кончившемуся полной неудачей. Будучи председателем III Врем. Правит-ва, К. уничтожает «крамолу» в войсках, арестовывает большевиков, вводит смертную казнь на фронте, вводит военную цензуру и т. д. Все больше скатываясь от революции к контр-революции, К. поддерживает связь с существовавшей в Петрограде монархической организацией «Республиканский Центр», руководимой Милюковым и Корниловым, помогает подготовке Корниловского наступления на Петроград.

После неудачи последнего и измены Корнилова, К. сам становится Главковерхом, но уже без всякой реальной силы и власти. В октябрьские дни бежал и эмигрировал за границу. Является одним из редакторов эсэровской газеты «Дни».

119. С'езд промышленников в мае 1915 г. — Этот с'езд положил начало организации военно-промышленных комитетов. По вопросу о войне с'ездом была принята резолюция с призывом «к об'единению в дружной работе, по примеру наших союзников, для того, чтобы дать армии все необходимое и вовремя». Резолюция признавала совершенно недостаточными все «правительственные попытки пойти навстречу этой потребности созданием продовольственного комитета и особого комитета по снабжению армии». Понятно, что все это беспокойство буржуазии имело в своей основе: стремление к обеспечению победы войны, затеянной в интересах буржуазии и в погоне за барышами.

120. Львов, Г. Е. (1861 — 1925) — князь, активный земский деятель; организатор общеземской помощи раненым во время русско-японской войны. Участник земских с'ездов и депутаций 1905 г. Член I Гос. Думы. В 1913 г. избран кандидатом в городск. головы в Москве, но не утвержден правительством. Во время войны главноуполномоченный всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым. Председатель I Врем. и коалиционного правительства (до 7 июля 1917 г.). Принимал участие в подпольной монархической организации «Республиканский Центр» и заговоре Корнилова.

121. Маклаков, В. А. (р. в 1870 г.). — Будучи студентом физ.-мат. ф-та Московского университета, был исключен с III курса. Кончив юридический факультет, сделался одним из самых выдающихся московских адвокатов. Выдвинулся особенно в 1905 — 1907 гг. защитами по политическим делам и речами на политич. собраниях. Член Гос. Думы II, III и IV созывов. Один из руководителей кадетской партии (к.-д.). Выступал в 1912 г. защитником бакинского миллионера Тагиева по делу об истязаниях. После Февральской революции был полномочным представителем Временного Правительства в Париже.

122. Верховная комиссия. — 5/III 1917 г. указом Временного Пр-ва Правительствующему Сенату была учреждена «Верховная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и др. должностных лиц». 12/III было опубликовано «положение о комиссии», согласно которому комиссия учреждалась при министре юстиции в составе председателя, пользующегося правами тов. министра юстиции, двух тов. председ. и четырех членов. Председателем комиссии был назначен Н. К. Муравьев, тов. председ.: сенаторы С. В. Иванов и С. В. Завадский, членами: В. А. Апушкин (главн. военный прокурор), Б. Н. Смитген (прокурор Харьковской судебной палаты), В. М. Зензинов и П. Е. Щеголев. Состав потом менялся, вследствие выбытия ряда членов. Комиссия произвела 88 опросов и допросила 59 лиц, из них 20 б. министров, 10 тов. министров, сенаторов и губернаторов, 4 генералов, 11 деятелей департаментов полиции и жандармерии,

10 общественных деятелей и 4 проходимцев (по терминологии П. Е. Щеголева). Материал, добытый комиссией, печатается Госиздатом. (См. «Падение царского режима», тт. I — VI.)

123. Щербатов, Н. Б. (р. в 1868 г.) — князь, образование получил в Пажеском корпусе. Служил недолго на военной службе. С 1907 г. — полтавский губ. предводитель дворянства. В 1912 г. избран членом Гос. Совета от полтавского земства. Был управляющим гос. коннозаводством. В 1915 г. был министром внутренних дел с 5 июля по 26 сентября, сменил Н. А. Маклакова, своей реакционной политикой восстановившего против себя Гос. Думу. Перед лицом военных затруднений царь решил назначить человека, который пользовался бы поддержкой «общественных» организаций. Таким явился князь Щербатов, выдвинутый дворянскими кругами. Однако, когда Щербатов подписался под заявлением 8 министров о нежелательности смены Ник. Николаевича с поста главнокомандующего и Ал. Фед. повела усиленную кампанию против этих министров, то одним из первых получил отставку Щ.

124. Поливанов, А. А. (1855 — 1920) — генерал-от-инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877 — 78 гг. По окончании академии генерального штаба был старшим ад'ютантом при штабе Киевского военного округа. Главный редактор журнала «Военный Вестник» и газеты «Русский Инвалид» (1899 — 1904 гг.). Начальник главного штаба (1905 г.), с 1906 г. — помощник военного министра. С 13 июня 1915 г. по 13 марта 1916 г. был военным министром. После Октябрьской революции в 1920 г. был чл. Особого Совещания при Главкоме, был послан в составе делегации в Ригу для ведения мирных переговоров с Польшей, где и умер.

125. Петров, Н. П. (р. в 1836 г.) — военный инженер, профессор технологического института и преподаватель Николаевской инженерной академии. Председ. временного управления казенных жел. дорог и председатель инженерного совета. Тов. министра путей сообщения (с 1893 г.); в 1900 г. — назначен членом Гос. Совета. Заседал в департаменте промышленности (1901 — 1905 гг.); с 1906 г. — председатель 2 департам. Гос. Совета; с 1908 г. — председатель Комиссии для исследования жел. дорог. П. принадлежит целый ряд научных трудов: «О непрерывных тормозных системах», «Трение в машинах» и мн. друг.

126. Бобринский, В. А. (р. в 1868 г.), граф — тов. председателя Гос. Думы. По окончании Михайловского артиллерийского уч-ща служил в гвардии. Состоял председателем Богородицкой (Тульской губ.) уездной земской управы, а затем уездным предводителем дворянства. Член Гос. Думы II, III и IV созывов; принадлежал к фракции националистов.

127. Варун-Секрет, С. Т. (р. в 1868 г.) — землевладелец; земский деятель; член Гос. Думы I, II, III и IV созывов; член продовольственной комиссии II Думы, октябрист. Был товарищем председателя IV Гос. Думы; председательствовал на заседании Думы, когда Милюков выступил против придворной распутинской партии во главе с Александрой Федоровной.

128. Самарин, А. Д. (р. в 1871 г.) — богородский уездный предводитель дворянства (1899 — 1908 гг.); московский губ. предводитель дворянства (с 1908 г.); член Гос. Совета (с 1912 г.). В 1915 г. несколько месяцев (с 4/VII по 26/IX) был обер-прокурором синода. Активно боролся против распутинского влияния в церковных и государственных делах. Был смещен по настоянию Распутина. Поводом к смещению послужило подписание коллективного письма м-ров к Николаю II об оставлении на посту верховн. главнокомандующего Ник. Ник.; С. приписывалось авторство этого письма. В конце 1916 г. С. был избран председателем совета об'единенного дворянства, выступившего за министерство доверия. Родзянко, ожидая ареста и разгона Думы, вызвал секретно в Петроград С. и поручил ему действовать в направлении совершения дворцового переворота, если правительство не пойдет на требования Думы.

129. Маниковский, А. А. (1865 — 1919) — служил на Ижевском заводе (1893 — 95 гг.); начальник артиллерии Кронштадтской крепости (1908 — 1914 гг.); комендант Кронштадтской крепости и главный руководитель оборонительных работ. Начальник Главного Артиллерийского Управления, затем помощник военного министра во время империал. войны. В последней должности оставался и после Октябрьской революции (до конца ноября 1917 г.). После непродолжительного ареста был освобожден советским правительством и назначен (1918 г.) начальником Главного Артиллерийского Управления, а затем начальником центрального Управления Снабжения, откуда в конце 1918 г. зачислен постоянным членом Военно-Законодательного Совета. В 1919 г. во время командировки в Туркестан погиб при крушении поезда. В 1919 г. выпустил книгу «Боевое снабжение русской армии в войну 1914 — 1918 гг.».

130. Рухлов, С. В. (1853 — 1918) — статс-секретарь, член Гос. Совета. Главноуправляющий торговым мореходством (1903 — 1905 гг.) — до присоединения этого управления к вновь организованному министерству торговли (1905 г.). С 1905 г. — член Гос. Совета. С 1909 по 1915 г. — министр путей сообщения. Им была усилена провозоспособность жел. дорог и ускорено жел.-дор. сообщение. Р. был первым председателем Всероссийского Национального Союза (1908 г.).

131. Шаховской, В. Н., князь — с 17/II 1915 г. по 27/II 1917 г. министр торговли в правительстве Горемыкина, Штюрмера и Трепова. Стал министром при помощи Распутина. Однако, когда 8 министров обратились к Николаю с просьбой не смещать Ник. Ник., Ш. был в числе их. После этого старался загладить свою вину перед Распутиным. В. Н. Шаховскому Советом Министров были даны особые полномочия по продовольственному делу, но и в этом деле он проявил себя малосведущим, как и в вопросах торговли и промышленности. Буржуазные организации несколько раз пытались добиться отставки Ш. и назначения на его место своего кандидата. Благодаря поддержке Распутина, Ш. удержался вплоть до Февральской революции.

132. Гор. Перемышль — был занят австрийцами 20 мая 1915 г.; гор. Львов — оставлен русскими войсками 9 июня 1915 г.; гор. Новогеоргиевск — занят немцами 5 августа 1915 г.; гор. Ковно — занят немецкими войсками 5 августа 1915 г.; Осовец — занят немцами 10/VIII 1915 г.; Брест-Литовск — занят немцами 15/VIII 1915 г.

133. Григорьев, В. Н. — генерал, был комендантом Ковенской крепости. 3 августа 1915 г., во время решительной атаки немцев на крепость, покинул ее, ускорив этим ее сдачу. За дезертирство Г. был предан суду и осужден на 15 лет каторги с лишением всех прав состояния.

134. Шавли — заняты немцами 28 июля 1915 г.; Либава — занята немцами 25 апреля 1915 г.; Митава — оставлена русскими войсками 4 августа 1915 г.

135. Алексеев, М. В. (1857 — 1918) — генерал-от-инфантерии. Офицером участвовал в русско-турецкой войне (1877 — 78 гг.). Кончил академию генерального штаба (в 1890 г.), служил в Главном штабе, в Военно-Ученом К-те и был одновременно профессором военной академии. В русско-японской войне — генерал-кварт. III Манчжурской армии. С 1908 по 1912 г. — начальник штаба Киевск. военн. округа. С 1912 г. командир 13 армейского корпуса. В начале войны нач. штаба Ю.-Зап. фронта, затем ком. С.-Зап. фронтом. С осени 1915 г. — нач. штаба верховн. главнокоманд., фактически руководил боевыми операциями русской армии в империалист. войне. После Октябрьской революции бежал на Дон к атаману Каледину. На деньги, полученные от русских и французских банкиров, формировал добровольческую армию. Участвовал в первом походе белогвардейцев против Сов. России.

136. Давление на Николая II со стороны Ал. Федоровны, Распутина и группировавшегося вокруг них кружка началось с первых месяцев войны, усиленно велось в течение первой половины 1915 г., пока, наконец, Николай 10 августа решил отстранить Николая Николаевича и самому стать верховным главнокомандующим. Отстранение Ник. Ник. вызывалось желанием Ал. Фед. и Распутина с К° направлять политику в угодном им направлении (сепарат. мир, борьба с Думой, расправа с массами и т. д.), препятствием для которой они видели ставку, глава которой Ник. Ник. пытался в единении с империалистской буржуазией полностью выполнять обязательства перед союзниками. Родзянко попытался высказать Николаю II в письменном докладе все мотивы гибельности этого решения. В докладе от 12/VIII Родзянко писал: «Ваше императорское величество. В дополнение к моему устному докладу, который я имел счастье повергнуть перед вами одиннадцатого августа, приемлю смелость вновь умолять ваше величество не подвергать вашу священную особу тем опасностям, в которые она может быть поставлена последствиями принятого вами решения...»

137. Куломзин. А. Н. (1838 — 1924) — управляющий делами к-та министров (1883 — 1902 гг.); упр. делами к-та Сибир.

жел. дор. (с 1891 г.); с 1902 г. — член Гос. Совета; присутств. член Гос. Совета с 1906 г. Председатель Гос. Совета (1915 — 1916 гг.). Один из видных правых деятелей Гос. Совета. К. занимался также научной деятельностью. Важнейшие труды его: «Постройка жел. дор. в России и на Западе», «Госуд. доходы и расходы России XVIII стол.» и др.

138. Образование прогрессивного блока. — Убедившись в том, что царское правительство не справится с задачей довести войну до «победного конца», буржуазия в лице своих общественных организаций поставила целью создать такое пр-во, которое было бы выразителем ее воли. С этой целью и было выработано соглашение между различными фракциями Гос. Думы и Гос. Совета об образовании парламентского блока. После ряда предварительных совещаний 22 августа 1915 г. в заседании представителей фракций окончательно было заключено соглашение об образовании блока на основе выработанной особой комиссией программы, был создан исполнительный орган парламентского блока, — им являлось бюро под председательством члена Гос. Совета В. Меллер-Закомельского. В состав бюро входили следующие представители отдельных фракций и групп, примкнувших к блоку, — от Гос. Совета: от академической группы — Д. Д. Гримм, М. М. Ковалевский, И. А. Васильев; от внепартийных — В. И. Гурко, М. А. Стахович, кн. А. А. Оболенский, гр. Д. А. Олсуфьев, А. Ф. Кони и И. А. Шебеко; от Гос. Думы: от кадетской фракции — П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов; от прогрессистов — И. Ефремов, В. Ржевский. От октябристов и октябристов-земцев — С. И. Шидловский, Е. Ковалевский, Милютин, А. Звегинцев, П. Ростовцев, Алексеенко, И. В. Годнев; от группы центра — П. Н. Крупенский, В. Н. Львов и от прогрессивных националистов — А. И. Савенко и В. В. Шульгин. В блок не вошли правые, которые принципиально были против политического об'единения, и левые (трудовики, социал-демократы — меньшевики), считавшие, что программа блока узка, и требовавшие расширения ее, причем на первом месте должна стоять борьба за политические свободы. В общем левые отнеслись к образованию блока сочувственно, меньшевики устами Чхеидзе обещали разоблачать соглашательские шаги с правительством, но на деле поддерживали блок.

139. Челноков, М. В. (р. в 1863 г.) — почетный гражданин, заводовладелец. Городской и земский гласный. Председатель Московской уездной управы (1891 — 94 гг.); член губернской земской управы (с 1895 г.). Во время русско-японской войны работал в общеземской организации. Участник с'ездов земских и городских деятелей 1905 — 06 гг. Член и секретарь II Гос. Думы, чл. III и IV Гос. Дум. Кадет. Городской голова с 28/V 1914 г. по 28/III 1917 г. Председатель Союза Городов с октября 1914 г. по апрель 1917 г. (См. «Падение царского режима», т. VI. Показания Челнокова.)

140. Летом 1915 г. ряд дворянских собраний, оппозиционно-настроенных, связанных с капиталистическими элементами страны, энергично выступил против политики правительства. Некоторые

дворянские общества даже постановили выйти из организации об'единенного дворянства. Что касается земских собраний, то они неоднократно выносили резолюции с протестом против гонения правительства на законодательные учреждения, а в 1916 г. они на с'езде вынесли решительное осуждение правительству и потребовали ответственного министерства (см. прим. 206).

141. Струков, А. П. (р. в 1851 г.) — гофмейстер. Участник русско-турецкой войны (1877 — 78 гг.). С 1866 г. — екатеринославский губ. предводитель дворянства. В 1906 г. — избран членом Гос. Совета. Один из лидеров об'единенного дворянства. В 1915 г. после создания прогрессивного блока (см. примеч. 138) С. выступил с письмом, в котором требовал роспуска Думы. Его требование было поддержано монархическими организациями и реакционным дворянством. В результате указом Николая от 3 сентября работы Гос. Думы были прерваны.

142. Андронников, М. М., князь (1875 — 1919) — проходимец, авантюрист, наживавшийся во время империалистической войны на коммерческих, спекулятивных делах. Друг Вырубовой. Служил секретарем у Витте, когда последний был министром финансов, выполняя у него самые интимные и секретные дела. Желая выдвинуться, А. сходится с епископом Феофаном, который помогает ему войти в дворцовые сферы. Для этой же цели он сближается с Варнавой и через него с Распутиным и с министром внутренних дел Макаровым, А. А., при котором играет видную роль в министерстве внутренних дел. Затем перешел на должность чиновника особых поручений при синодальном обер-прокуроре и здесь приобретает большой вес. Пользуясь своим влиянием на Распутина, А. проводит кандидатуру А. Н. Хвостова в мин. внутр. дел. При его посредстве проводились разного рода дела и концессии, получали должности и т. д. Рассорившись с Распутиным, А. попадает в немилость. В декабре 1916 г., за несколько дней до убийства Распутина, он был выслан из Петрограда.

143. Волжин, А. Н. (р. в 1862 г.) — обер-прокурор синода с 30/IX 1915 г. по 7/VIII 1916 г., рекомендован Распутиным. После своего назначения пытался противодействовать притязаниям Распутина, за что был заменен Раевым.

144. Мардарий (Ускович) — монах, черногорец, воспитанник Петроградской духовной академии, являлся конкурентом Распутина при царском дворе. Мардарий посещал многие питерские салоны и пользовался большим успехом. По настоянию Распутина через Вырубову было дано Белецкому задание установить за М. наблюдение. Вскоре генеральный штаб обвинил М. в шпионаже в пользу Австрии, в связи с его об'ездом лагерей военнопленных. Это помогло Распутину удалить М. от царского двора, и по окончании академии он был назначен на Кавказ.

145. Трепов, А. Ф. — статс-секретарь, член Гос. Совета, сенатор, егермейстер. С XI 1915 г. по 27/VII 1916 г. мин. путей сообщения, с 10/XI 1916 г. предс. Совета Министров, вместо Штюрмера, разоблаченного в Гос. Думе в начале ноября. Т. пытался установить миролюбивые отношения с Думой, для чего

почти совершенно отказался от применения 87 ст. (см. прим. 83), к которой часто прибегали его предшественники. Однако, поставленный в зависимость от придворной распутинской клики, он в то же время должен был говорить с Думой «твердым языком». Попытка Т. отстранить от влияния на правительственные дела Распутина путем предложения последнему денежной компенсации окончилась неудачей, и он получил отставку (27/XII 1916 г.).

146. Гурко, Вл. Иос. — д. ст. сов., камергер. В 1905 г. был тов. мин. вн. дел, выступал в I Гос. Думе с речами по аграрному вопросу. За «превышение власти и нерадение» в деле поставки хлеба в голодающие губернии (дело Лидваля) судился и был отрешен от должности. Во время войны — тверской губ. пред. дворянства; чл. Гос. Совета от Тверского земства; чл. особого совещания по обороне; участник прогрессивного блока.

147. Бьюкенен, Джордж (1854 — 1924) — английский дипломат. Был секретарем посольства в Риме и Берлине, затем послом в Софии и Гааге. В 1910 — 18 гг. был послом в России при царском, а потом при Временном Пр-ве. Оказывал сильное давление на русскую внешнюю политику, диктуя волю английских империалистов. Вся деятельность Временного Пр-ва и Керенского проходила под непосредственным влиянием Бьюкенена. Вопрос об отречении Николая был предварительно согласован с Б. Неудачное выступление на фронте 18 июня 1917 г. также было предпринято под давлением последнего. После Октябрьской революции Б. участвовал в подготовке иностранной интервенции. В 1919 — 21 гг. Б. был послом в Италии, после чего удалился от политической деятельности. Умер в 1924 г. Им написаны «Мемуары дипломата», переведенные на русский язык.

148. Михаил Александрович (1878 — 1918) — вел. князь, третий сын Александра III, брат Николая II. Генерал-лейтенант. Командовал Кавказской Туземной конной дивизией, 2-м кавал. корпусом. Затем был генерал-инспектором кавалерии. В феврале 1917 г. Николай отрекся в его пользу от престола. Не чувствуя за собой никакой реальной силы и боясь быть убитым, Михаил отказался от престола. Во время гражданской войны выставлялся некоторыми кругами контр-революции в качестве кандидата на «престол». Расстрелян на Урале в июне 1918 г.

149. Лукомский, А. С. (р. в 1868 г.) — окончил ак. ген. штаба в 1897 г. Служил в ген. штабе (1902 — 1907 гг.); нач. штаба дивизии (1907 — 1909 гг.); с 1909 по 1913 г. нач. мобил. отдела главного упр. ген. штаба. Помощник нач. канцелярии военного ведомства (1913 г.). Генер.-кварт. верховного главнокомандующего в империалистической войне. После Февральской революции (с 3/VI 1917 г.) — начальник штаба верховн. главнокоманд. Один из активных участников Корниловского выступления. В 1918 г. был председателем особого совещания при Деникине. Состоял представителем Врангеля при союзном командовании в Константинополе. Сейчас — эмигрант. Издал свои «Воспоминания», тт. I и II.

150. Плеве, П. А. (1850 — 1916) — окончил ак. Ген. штаба в 1877 г. Участвовал в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг., по

окончании которой служил в 1890 г. в Болгарии. С 90-х годов до начала империалистической войны командовал строевыми частями. Был командующим войсками Виленского и Московского военных округов. Участвовал в империалистической войне командующим 5 армии, которая потерпела ряд поражений в боях с австро-венгерскими частями, затем, оправившись, принял участие в наступлении на Галицию, в Лодзинской операции и т. д. В начале декабря 1915 г. с уходом по болезни ген. Рузского П. был назначен главнокомандующим армиями Северного фронта и на этом посту оставался до февраля 1916 г., когда был назначен членом Гос. Совета.

151. Васильчикова, М. А. — фрейлина Александры Федоровны и Марии Федоровны, жила постоянно в Австрии в своем имении Глогниц у станции Клейн-Вартенштейн около Вены. Когда началась война, Васильчикова не вернулась в Россию и с особого разрешения австрийцев осталась жить в своем имении. По поручению германских и австрийских правительств, написала Романовым 3 письма (10/III, 30/III и 14/V 1915 г.) с предложением начать переговоры о сепаратном мире. Не получив ответа, Васильчикова в начале декабря 1915 г. по поручению брата Александры Федоровны, великого князя герцога Гессенского Эрнста-Людвига, проникла в Россию и пыталась лично связаться с Романовыми, а также с членами правительства и видными политическими деятелями (между прочим, и с Родзянко). Вследствие нетактичных неудачных действий Васильчиковой, Николай вынужден был дать согласие на арест и высылку ее из Петрограда. Но и находясь в ссылке в Черниговской, а затем Вологодской губ., Васильчикова продолжала работу, порученную ей германским правительством. 1/I 1916 г. В. была лишена звания фрейлины к большому неудовольствию Александры Федоровны.

152. Мария Павловна (1854 — 1923) — вел. кн., вдова вел. кн. Владимира Александровича.

153. Немерцалов, В. И., священник — член Гос. Думы IV созыва от Самарской губ., входил в фракцию националистов-прогрессистов. Работал в комиссиях: по вероисповедным вопросам, о народн. здравии, о борьбе с немецким засильем и проч.

154. Юденич, Н. Н. (р. в 1862 г.) — окончил ак. ген. штаба в 1887 г. и служил в штабах. Участвовал в русско-японской войне, затем служил на Кавказе в штабе Кавказск. военн. округа. Во время империалистической войны — начальник штаба Кавказской армии, «покоритель Эрзерума», прославившийся погромами и насилиями над турецким населением. После Февральской революции — главнокомандующий Кавказским фронтом. После Октябрьской революции — активный контр-революционер, участник интервенции против Советской власти. В 1919 г. стал во главе армии и сев.-зап. правит., организованного англичанами в Эстонии, и дважды пытался прорваться в Петербург, но оба раза терпел поражения. 2 февраля 1920 г. Эстония подписала мирный договор с Советской Россией, и Юденич потерял базу, на которой он строил свою контр-революционную работу. Эмигрировал за границу.

155. Декларация прогрессивного блока, опубликованная 25/VIII, гласила следующее:

«Нижеподписавшиеся представители фракций и групп Гос. Думы и Гос. Совета, исходя из уверенности, что только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и что такою может быть лишь власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли к единогласному заключению, что важнейшая и насущнейшая задача создания такой власти не может быть осуществлена без выполнения нижеследующих условий: 1) создание об'единенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы; 2) решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывающихся на недоверии к общественной самодеятельности, в частности: а) строгое проведение начал законности в управлении; б) устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций; в) обновление состава местной администрации; г) разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами. Для осуществления такой политики должны быть приняты следующие меры как в порядке управления, так и в порядке законодательства». И далее идет перечисление ряда мер. Первые три пункта говорят об амнистии для осужденных за политические и религиозные преступления и о прекращении гонений за веру; четвертый говорит о разработке законопроекта об автономии Польши; пятый — об отмене ограничений в правах евреев; шестой — о примирительной политике в финляндском вопросе. Дальнейшие пункты: «7) восстановление деятельности профсоюзов и прекращение преследований представителей рабочих в больничных кассах по подозрению к принадлежности к нелегализованной партии; восстановление рабочей печати; 8) соглашение правительства с законодательными учреждениями относительно скорейшего проведения: а) всех законопроектов, имеющих ближайшее отношение к национальной обороне, снабжению армии, обеспечению раненых, устройству участи беженцев и другим вопросам, непосредственно связанным с войной; б) следующей программы законодательной работы, направленной к организации страны, для содействия победе и поддержания внутреннего мира: уравнение крестьян в правах с другими сословиями, введение волостного земства, изменение городового положения 1890 г., введение земских учреждений на окраинах, как-то: в Сибири, Архангельской губ., Донской области, на Кавказе и т. д., законопроект о кооперативах, законопроект об отдыхе торговых служащих, улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих, утверждение трезвости навсегда, о земских и

городских с'ездах и союзах, устав о ревизии, введение мирового суда всех губерний, где введение его приостановлено по финансовым соображениям, осуществление законодательных мер, в которых может встретиться необходимость при выполнении в порядке управления намеченной выше программы деятельности». Подписали эту декларацию: от прогрессивной группы националистов — граф В. Бобринский, от фракции центра — В. Львов, от фракции земцев-октябристов — И. Дмитрюков, от группы союза 17 октября — С. Шидловский, от фракции прогрессистов — И. Ефремов, от фракции народной свободы — П. Милюков, от группы членов Гос. Совета — В. Меллер-Закомельский, Д. Гримм.

156. Половцев, Л. В. (р. в 1867 г.) — дворянин-землевладелец, чл. Гос. Думы III и IV созывов; октябрист. Известен, главным образом, своей циничной выходкой при обсуждении в Гос. Думе запроса о насилиях над женщинами во время карательных экспедиций на Кавказе.

157. Телеграмма из Парижа, датированная 6 августа (24 июля) 1915 г., гласила: «Французская Палата Депутатов шлет Гос. Думе дружественной и союзной державы выражение своего глубокого восхищения. Она присоединяется к величественному, единодушному решению, в котором его величество император Николай II, его правительство и все представители русского народа об'явили себя неразрывно связанными одним желанием продолжать, при помощи самоотверженных подвигов доблестной русской армии и ее славного вождя, войну за независимость народов против германского милитаризма. Президент Палаты Депутатов Поль Дешанель». (См. Стеногр. Отчет IV Гос. Думы, сессия IV, засед. IV от 1/VIII 1915 г.)

158. Белецкий, С. П. — сын киевского мелкого торговца. По окончании университета поступил в канцелярию киевского генерал-губернатора, после чего перешел правителем канцелярии к ковенскому губернатору, ярому реакционеру — Роговичу. По рекомендации П. А. Столыпина, бывшего тогда ковенским губернским предводителем дворянства, Б. получил место в канцелярии виленского ген.-губернатора. После назначения Столыпина министром вн. дел. Б. получил место вице-губернатора в Самаре, а затем вице-директора департамента полиции. При преемнике Столыпина — А. А. Макарове Б. был назначен директором департамента полиции. Осенью 1915 г. при содействии Распутина Б. был назначен тов. министра внутр. дел. В виду интриг между Б. и министром вн. дел А. Н. Хвостовым, первый был назначен иркутским генерал-губернатором, причем ему были ассигнованы большие суммы на проектируемые им преобразования в Сибири. Еще до от'езда Б. выступил в печати против Хвостова, обвиняя его в организации покушения на Распутина. (См.: «Падение царского режима», т. IV. Показания Белецкого.)

159. Ржевский, Б. М. — авантюрист, доверенный А. Н. Хвостова (см. прим. 50). Во время выборов в IV Гос. Думу Р. много «потрудился» над проведением от Нижегородской губ. в Думу

лиц, зарекомендовавших себя махровыми черносотенцами. В бытность А. Н. Хвостова м-ром вн. дел Р. состоял агентом департамента полиции. Когда у Хвостова произошла размолвка с Распутиным, с которым он конкурировал в деле влияния на царицу, Р. был привлечен к организации убийства Распутина. Для этой цели А. Н. Хвостов командировал Р. за границу к Илиодору с тем, чтобы при помощи верных последнему людей осуществить план убийства Распутина. На границе Р. поскандалил, и это дало повод Белецкому, интриговавшему против Хвостова, арестовать Р. Показание Р., а также документы, найденные при обыске, вскрыли всю закулисную сторону отношений между Хвостовым, Белецким и Распутиным и привели к отставке сперва Белецкого, а потом и Хвостова. (См. «Падение царского режима», том IV, ГИЗ, 1926 г. Показания С. М. Белецкого, т. I, ГИЗ, 1925 г. Допрос А. Н. Хвостова.)

160. Рубинштейн, Д. Л. (р. в 1877 г.) — кандидат юридических наук, банковский делец, крупный аферист, был директором правления Русско-Французского банка, директором правления ряда промышленных обществ. Р. был в дружеских отношениях с Распутиным и материально поддерживал семью Распутина. Через Распутина Р. влиял на царя в деле назначения министров; так, м-ром юстиции был назначен Добровольский, рекомендованный Николаю Распутиным за взятку, полученную от Рубинштейна. В руках Р. была газета «Нов. Время», большинство акций которой было скуплено Р., и через нее он, как директор Русско-Французск. банка, влиял на политику правительства в союзническом направлении. Однако, Р. в то же время «работал» в интересах германского капитала, на сделках с которым составил себе большое состояние. 10/VII 1916 г. Р. был арестован военными властями по обвинению в «госуд. измене». Ему инкриминировались: учет векселей «немецкого банка» в Берлине, продажа акций о-ва «Якорь» германским дельцам, взимание высокого комиссионного вознаграждения в связи с русскими заказами, выполнявшимися за границей, и др. В виду усиленных просьб Ал. Фед., Николай передал дело Р. м-ру юстиции, и Р. был освобожден 6 декабря, но дело прекращено не было. По настоянию той же Ал. Фед. м-р юстиции Макаров, недоброжелательно относившийся к распутинской камарилье, был заменен Добровольским. Однако, и этому последнему не удалось прекратить дело в виду запросов в Гос. Думе по этому поводу.

161. Манус, И. П. — петроградский 1 гильдии купец, крупный банкир, делец и аферист. Манус владел наибольшим числом акций Международного коммерческого банка и состоял членом управления и директором ряда промышленных предприятий. Через Распутина, с которым у М. были самые тесные взаимоотношения, а также «влиятельного» в придворном кругу авантюриста Н. Ф. Бурдукова, состоявшего у М. на жалованьи, последний имел влияние на царя и царицу, причем влияние это шло в направлении сближения России с Германией, заключения сепаратного мира и т. д. М. вел крупные дела и участвовал в финансовых пред-

приятиях, связанных с германским капиталом. Назначение Протопопова министром вн. дел состоялось при активном содействии Мануса, действовавшего через Распутина и Бадмаева. Протопопов получал взятки от Мануса через Бурдукова и др. В. П. Семенников считает, что свидание Протопопова с Варбургом в Стокгольме (см. прим. 173), а также и предложения русского правительства о заключении сепаратного мира, сделанные в феврале 1917 г. Австрии, безусловно имеют тесную связь с политикой, которую делали по поручению германского капитала Манус и компания.

162. Находя справедливым мнение М. Н. Покровского о том, что, «имея к своим услугам кошелек самой богатой семьи в России, не говоря уже о приношениях бесчисленных поклонниц и толпы просителей, Распутин едва ли польстился бы немецким жалованьем», Семенников, однако, считает «очень мало вероятным, чтобы вокруг Распутина не существовало хорошо поставленной германской агентуры». «Распутин, — говорит он, — не таил про себя получаемых им от Романовых секретов, и они, несомненно, становились известны всему окружавшему его сброду, — дальнейшее же направление этих сведений к нужному пункту, при желании, было дать нетрудно». Семенников приводит ряд фактов, говорящих о том, что военные тайны, передававшиеся Николаем Алекс. Фед. под строжайшим секретом, последняя сообщала Распутину, а от него эти сведения расползались по всем уголкам. С другой стороны, Распутин давал постоянно «указания» стратегического характера, которые во многих случаях Николаем принимались к «руководству и исполнению». «Есть основание думать, — пишет Семенников, — что некоторые «стратегические» советы Распутина были связаны просто с интересами направлявших его отдельных спекулянтов (см. примеч. 160, 161). Не исключена, однако, и та возможность, что в некоторых случаях через Распутина передавались Романовым директивы германского штаба». (См. В. П. Семенников «Политика Романовых накануне революции», ГИЗ, 1926 г., стр. 179 — 181.)

163. После смещения Сухомлинова была назначена верховная комиссия для расследования дела. После 9-месячной работы комиссии в доме Сухомлинова был произведен обыск, и 20,IV 1916 г. он был заключен в Петропавловскую крепость и помещен в Трубецкой бастион в камере № 43, а не в Алексеевский равелин, как ошибочно указывает Родзянко. В крепости С. пробыл полгода; по постановлению следственных властей, крепость ему заменили домашним арестом.

164. Куропаткин, А. Н. — генерал-от-инфантерии, военный министр. В 1904 г. был назначен команд. Манчжурской армии, затем и главнокоманд. всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии. 3,III 1905 г. смещен с этой должности и назначен команд. 1 Манчжурской армии. Принимал участие в империалистической войне 1914 — 1917 гг.; одно время был главнокомандующим армиями Северного фронта. После революции 1917 г. учительствовал в

деревне. (См. «Дневник А. Н. Куропаткина», изд. Нижполиграф с предисловием М. Н. Покровского, 1923 г.)

165. Жоффр (р. в 1852 г.) — генерал, сын мелкого торговца вином. Офицером принимал участие в Франко-Прусской войне 1870 — 1871 гг. С 1885 г. служил в колониях. В 1901 г. был военным губернатором крепости Лиль, директором инженерного отдела военного министра. В 1910 г. был назначен членом высшего военного совета, а в 1911 г. нач. ген. штаба. В начале войны 1914 г. Ж. был назначен главнокомандующим армиями Севера и Северо-Востока. Его имя стало особенно популярным после боев на Марне. Однако, отход немцев не был вызван умелым командованием Ж., а слабостью немцев для защиты своих позиций на Марне. Позднее, с переходом к позиционной войне и особенно с неудачами верденской операции, Ж. перестал пользоваться авторитетом и после стычки с правительством и парламентом получил отставку. На его место был назначен ген. Нивелль, а он получил должность технического военного советника правительства и маршальский жезл. Весной 1917 г. Ж. был командирован в Америку для инструктирования армии Соед. Штатов. В 1918 г. был избран членом Французской Академии.

166. Лягиш, маркиз, — французский военный атташе в России; во время войны состоял при Ставке верховного главнокомандующего.

167. Вивиани и Тома. — В начале 1916 г., в связи с возобновившимися операциями германцев в районе Вердена, французское военное командование стало настойчивее требовать от русского правительства присылки войск, хлеба и пр. Французское правительство решило путем личного воздействия на царя и нач. штаба армии добиться выполнения необходимых Франции мероприятий. С этой целью и были командированы в Россию Тома и Вивиани.

Вивиани, Рене Рафаэль (род. в 1863 г.) — в 1893 г. избран в палату депутатов и вступил в соц. партию. Сторонник Мильерана, отстаивавшего право вхождения соц. в буржуазное правительство. В 1906 г. В. стал м-ром труда, выбыл из соц. партии и вошел в организацию независимых социалистов. В 1909 — 1911 гг. м-р юстиции. Во время войны снова был м-ром юстиции и зам. председателя Совета Министров.

Тома, Альбер (р. в 1878 г.) — историк, социалист-реформист, б. ученик вождя французской соц. партии Ж. Геда. В 1910 г. избран в палату депутатов, а во время войны был м-ром вооружений. Один из видных руководителей социал-предательского II Интернационала. С 1920 г. является директором Международного Бюро труда при Лиге наций. Написал ряд книг по истории профдвижения.

168. Тимашев, С. И. (1858 — 1920) — служил в мин. финансов (1884 — 86 гг.); нач. отд. департамента торговли и мануфактур (1886 — 1892 гг.); при мин. фин. Вышнеградском — директор особен. канц. кредитн. части (1892 — 1893 гг.). При Витте — тов. упр. Гос. банком (1893 — 1903 гг.); упр. Гос. банком

(1903 — 1909 гг.). С 1909 по 1915 г. министр торг. и промышл. С 1911 г. — член Гос. Совета.

169. Первая Гос. Дума (27/IV — 9/VI 1906 г.) была созвана на основе избирательного закона 11 декабря 1905 г., расширившего круг избирателей по сравнению с законом 6/VIII того же года о выборах в «Булыгинскую» думу, сорванного всеобщей октябрьской забастовкой. В I Думе были представлены помещики, буржуазия, крестьяне и рабочие. В то время как по землевладельческой курии один выборщик приходился на 2 000 душ (приблиз.) населения, по городской уже на 7 000, по крестьянской — на 30 000, а по рабочей — только на 90 000. Отсюда понятно, почему депутатов, принадлежавших к партии к.-д. и сочувствовавших ей, оказалось 259 человек (57,7%). К трудовикам принадлежало 116 деп. (25,9%), к октябристам 28 (6,4%), к с.-д. 10 (2,2%), беспарт. было 45 (10%). Классовый состав I Думы характеризуется тем, что кадеты были представителями крупной и средней буржуазии и буржуазной интеллигенции, трудовики — крестьянства и мелкой городской буржуазии, октябристы — крупного и среднего помещичьего землевладения и крупной буржуазии, с.-д. — представляли рабочих, которые шли за меньшевиками. Партия большевиков бойкотировала I Думу и призывала рабочий класс к усилению революционного напора на царское самодержавие. Буржуазная по своему составу Дума стремилась договориться с правительством о совместной работе, с этой целью и ответ на тронную речь и другие постановления Думы были составлены в очень осторожных выражениях. Но по основному — аграрному вопросу, обсуждавшемуся в Думе, буржуазное большинство разошлось с правительством, несмотря на все старания сглаживать острые углы, и за это было разогнано. Боясь революционного пролетариата и крестьянства больше всего, к.-д. Дума стремилась итти на соглашение с правительством, которое, не видя за к.-д. никакой реальной силы, распустило Думу.

170. Вторая Гос. Дума (20 февраля — 3 июня 1907 г.) — заседала в период спада революционной волны, в условиях свирепой расправы царского правительства с пролетариатом и крестьянством. Однако, во II Думе были представлены все классы общества, в отличие от I Думы, где представлены были не все социальные слои. Партийный состав II Думы был следующий: к.-д. и примыкающих к ним — 98, трудовиков — 116, с.-д. — 65, с.-р. — 37, октябристов и примыкающих к ним — 44, монархистов — 10, беспартийных — 50, националов: польское коло — 46, мусульмане — 30; казачья группа — 17. Во II Думе почти в три раза уменьшилось число депутатов, состоявших на государственной службе, на 1/3 уменьшилось — служивших по выборам и на 1/6 — число помещиков по сравнению с I Думой. (См. прим. 169.) Как и в I Думе, кадеты добивались совместной работы с правительством, но с еще большей энергией, так как поражение революции было явное. Трудовики попрежнему колебались между политикой поддержки буржуазии и политикой союза с революционным пролетариатом. Рабочий класс хоть и был представлен в большинстве меньшевиками, однако общее

число с.-д. фракции было довольно внушительным. Вообще состав II Думы характеризовался усилением крайних флангов; помещиков, с одной стороны, рабочих и крестьян — с другой. За 103 дня, которые просуществовала Дума, она в лице своего реакционного большинства по всем вопросам становилась на сторону правительства против требований соц.-демократов и трудовиков. Когда же по аграрному, крестьянскому, вопросу были произнесены решительные слова рабочими и крестьянскими депутатами, и правительство убедилось в том, что крестьяне не являются опорой трона, то Столыпин стал искать повода для разгона Думы. При помощи провокации правительство обвинило с.-д. фракцию в военном заговоре и под этим предлогом разогнало Думу, изменив одновременно избирательный закон.

171. Успехи Брусилова. — Вследствие наступления в мае 1916 г. германской армии на Верден и на итальянском фронте, русский ген. штаб решил повести наступление по всему фронту, особенно нажав на Западном фронте. Но в виду оттяжки наступления Западного фронта, Брусилов решил действовать своими армиями и в конце мая начал наступление против австрийцев. К 26 мая удалось прорвать австрийский фронт на протяжении 50 верст и взять в плен много офицеров и до ста тысяч солдат. Вплоть до августа шло наступление успешно, но, неподдержанный на других участках фронта, Брусилов, однако, вынужден был остановить его.

172. Бенкендорф, А. Н. граф, — посол в Англии, гофмейстер, действ. ст. сов. Посол в Копенгагене с 1897 по 1902 г.; с 1902 по 1916 г. — в Лондоне.

173. Свидание Протопопова с Варбургом в Стокгольме. (См. прим. 112.) По мнению В. П. Семенникова, это свидание является прямым продолжением переговоров о сепаратном мире, которые германское правительство пыталось вести через Васильчикову (см. прим. 151) с русским правительством. Варбург доказывал, что в интересах России прекратить бойню, отойти от Англии, которая является единственной виновницей войны. Практических результатов это свидание не имело. Лично для Протопопова это событие сыграло крупную роль: он был назначен министром вн. дел.

174. Эверт, А. Е. (1857 — 1917) — ген.-ад'ют., ген.-от-инфантерии. Участвовал в русско-турецкой войне (1877 — 1878 гг.). Кончил академию ген. штаба. Участвовал в русско-японской войне. Командующ. войсками Иркутского военного округа (1912 г.). Во время империалистической войны командовал X армией, затем был главнокомандующим Западным фронтом. После Февральской революции отстранен от должности и жил в Смоленске.

175. Замойский, А. С., граф — офицер гвардии Уланского полка. Церемониймейстер двора. Во время империалистической войны поступил добровольцем в Ставку. Был ординарцем у Николая Николаевича, потом постоянно находился при Николае II. Чувствуя шаткость самодержавия еще в 1915 г., в разговоре с б. вел. кн. Андреем Владимировичем высказывал мнение, «что

после войны безусловно будет революция, которая отберет землю у помещиков». Почему-то считал, что во главе этого аграрного движения станет Данилов-Черный (Г. Н. Данилов — ген. квартирмейстер штаба верх. главн.). В настоящее время З. является активным деятелем польской партии «реалистов».

176. Воскресенский, Б. Д. — инженер, б. нач. Южн. ж. д., потом упр. Моск.-Каз. жел. дорогой.

177. Кауфман, М. П. (1857 — 1926) — главноуполномоченный Красного Креста при Ставке верховного главнокомандующего. За настояние перед царем об удалении Распутина от двора — был отставлен. К. входил в кружок Воейкова — Фредерикса и старался влиять на царя в интересах этой группы.

178. Клейнмихель, М. Э. (р. в 1846 г.) гр. — урожденная Келлер, имела в Петербурге политический салон германофильского направления. В 1917 г. при аресте солдаты хотели расправиться с нею, как с «изменником». В 1918 г. она выехала за границу, где выпустила мемуары. (См. гр. Клейнмихель — «Из потонувшего мира». Изд. «Петроград», 1923 г. «Красный Архив» № 4 за 1923 г. «Начало войны», 1924 г.).

179. Наумов, А. Н. (р. в 1868 г.) — был чл. Самарской губ. земской управы; Самарский губ. предводитель дворянства; в 1906 г. основал местную партию (в Самаре) «правового порядка» с парт. органом «Голос Самары». Чл. Гос. Совета (1908 — 1909 гг.); чл. совета об'единенного дворянства; министр земледелия — с ноября 1915 г. по июль 1916 г. Назначен по настоянию А. Н. Хвостова (через Вырубову), который был заинтересован в уходе Кривошеина, возглавлявшего оппозицию министров против курса правительства Горемыкина — Хвостова. В министерстве Н. вел более или менее самостоятельную линию; так, он решительно протестовал против незаконного ассигнования 5 000 000 р. Хвостову, якобы, на «секретные» мероприятия. Н. являлся единомышленником Самарина и князя Щербатова (см. прим. 123) и стоял за согласованную работу правительства с Гос. Думой. На этой почве у Н. произошел ряд столкновений с Штюрмером, а затем, когда Н. не принял Распутина и не угодил Ал. Фед. по делу о кустарном комитете, где последняя попечительствовала, Штюрмеру удалось добиться у царя отставки Наумова. (См. «Падение царского режима», т. I. Показания А. Н. Наумова от 4/IV 1917 г.)

180. Терещенко, М. И. — крупный финансист и сахарозаводчик до революции 1917 г. В первом Временном Правительстве — министр финансов. В коалиционном правительстве — министр иностранных дел, вместо Милюкова, подавшего в отставку. Вел империалистическую политику, сохраняя верность договорам, заключенным царским правительством с Антантой.

181. Каледин, А. М. (1861 — 1918) — генерал. Окончил ак. ген. штаба в 1889 г., служил на разных штабных должностях. В империалистической войне командовал VIII армией. После Февральской революции в августе 1917 г. избран был казачьим войсковым кругом наказным атаманом Войска Донского. После Октябрьской революции вел борьбу с Советской властью, но, бу-

дучи разбит партизанскими отрядами красногвардейцев, застрелился 28 января 1918 г.

182. Безобразов, В. М. — ген.-ад'ютант, командир гвардейского корпуса. Во время империалистической войны участвовал в операциях гвардии в Восточной Пруссии. В декабре 1915 г. за неудачные распоряжения отстранен от командования гвардией. По ходатайству некоторых членов царской семьи получил командование над особым гвардейским отрядом. Благодаря бездарности и самоуверенности Б. почти весь отряд погиб под Ковелем. За это он в июле 1916 г. был смещен окончательно.

183. Лерхе, Г. Г. (р. в 1869 г.) — дворянин, камергер двора; член III Гос. Думы, октябрист; уполн. Крас. Креста во время войны.

184. Вельяминов, Н. А. — проф., с 1915 г. был лейб-хирургом, академик, сверхшт. врач царской главной квартиры.

185. Лэди Пэджет — жена Артура Пэджета, генерал-ад'ютанта английского короля.

186. Раух, Г. О. (р. в 1860 г.) — генерал, с 1889 г. служил в ген. штабе. Во время войны 1914 — 1917 гг. командовал 1 и 2 гвард. корпусами. В 1917 г. отчислен в резерв чинов Киевского военного округа.

187. Сахаров, В. В. (р. в 1853 г.) — ген. от кавалерии; окончил ак. ген. штаба в 1878 г.; служил на разных должностях в штабах, командовал 38 драгунским полком. В 1900 г. во время подавления боксерского восстания в Китае командовал войсками, действовавшими в Сев. Манчжурии. В русско-японской войне (1904 — 1905 гг.) принимал активное участие, занимая пост нач. полевого штаба Манчжурской армии, затем нач. штаба главнокомандующего на Д. Востоке. В империалистическую войну 1914 — 1917 гг. во главе II армии участвовал в наступлении Брусилова летом 1916 г. В октябре 1916 г. назначен командующим Дунайской армии, а затем, с образованием особого Румынского фронта, назначен начальником штаба фронта.

188. Манасевич-Мануйлов, И. Ф. (1870 — 1918) — чиновник особых поручений при мин-ре вн. дел В. К. Плеве, сотрудник газеты «Новое Время». Состоял при графе С. Ю. Витте, в бытность его председ. Сов. мин., затем при Б. В. Штюрмере. 19/VIII 1915 г. арестован по обвинению в шантаже и вымогательстве денег у банков, но выпущен 19/X. Дело о нем должно было слушаться в Петроградском суде в конце 1916 г., но приостановлено по требованию Распутина и придворных кругов. В виду запросов в Гос. Думе, царское правительство вынуждено было дать делу ход, и судебное разбирательство состоялось в феврале 1917 г. М. Мануйлов был приговорен к 1½ годам тюремного заключения. М.-Мануйлов был связан с биржевыми дельцами (Рубинштейн и др.). Сам играл на бирже и занимался спекуляцией.

189. Татищев, В. С., граф — председатель правления и директор Соединенного банка в Москве, председатель правления т-ва для торговли в Персии и Средней Азии, участник крупнейших золотопромышленных, железнодорожных и страховых предприятий. Кандидатуру В. С. Татищева в министры финансов уси-

ленно выдвигал мин. вн. дел А. Н. Хвостов, чтобы при содействии Татищева легче распоряжаться 10 000 000-фондом, который был отпущен на выборы в V Гос. Думу. По ходатайству Хвостова Александра Федоровна усиленно рекомендовала Николаю Татищева, но назначение его министром финансов не состоялось в виду того, что Распутин выдвинул кандидатуру Барка.

190. «Воля России» — была организована Протопоповым при поддержке банков и ряда промышленных предприятий. В «Речи» от 28/XI 1916 г. № 328 Протопопов привел перечень предприятий (всего 43), которые по его словам отпустили деньги на газету, причем он отвергал касательство банков к ней. Сведения о держателях акций и количестве их предприятий свидетельствуют, что газета была организована на деньги банков, гл. обр. Международного банка, Азовско-Донского и Русского для внешней торговли.

191. Раев, Н. П. (род. в 1856) — сын петербургского митрополита Палладия, в 90-х годах XIX в., в миру Раева. Обер-прокурор синода с 30/VIII 1916 г. Р. сменил Волжина, о котором Ал. Фед. писала в своем письме от 25/VI 1916 г., что «он совершенно не подходящий человек для занимаемого им поста». По словам Ал. Фед. Р. «прекрасный человек, близко знающий церковные дела с самого детства», и, что особенно важно, «совсем не похож на Волжина».

192. Шингарев, А. И. (1869 — 1918) — земский врач до 1899 г. С 1899 по 1905 г. — земский деятель. Член «Союза освобождения» и земских с'ездов. В 1907 г. административно уволен с земской службы. Член Гос. Думы II, III и IV созывов. Видный деятель кадетской фракции Думы. После Февр. революц. был министром земледелия, затем финансов (после Терещенко) в первом коалиционном правит. Вышел в отставку вместе с другими кадетами 2 июля, намеренно создав министерский кризис. Ш. является автором санит.-статистической книги «Вымирающая деревня», ярко характеризующей быт крестьян в царское время.

193. Проект Протопопова по организации продовольственного дела. По словам А. Д. Протопопова (см. записку его от 28/VIII), он предлагал вернуть заведывание продовольствием министру вн. дел. «К количеству, нужному для армии, прибавить запас в 100 милл. пудов; все это количество разложить по губерниям, производящим... Губернские земства должны были разложить количество хлебов, падающее на губернии, по уездам. Распоряжением уездных земств производилась бы раскладка количества хлебов, которое надо собрать с уездов, по волостям. Оно распорядилось бы покупкою по твердой цене хлебов у владельцев и крестьян, приемом, хранением и отправкою хлебов. Когда все количество хлебов, назначенное к раскладке, было бы куплено, твердые цены уничтожить и допустить свободную торговлю хлебами по вольной цене, сняв запрещение вывоза хлеба из губернии. 100 милл. пудов хлеба, собранного по раскладке, и 60 милл. пудов хлеба, засыпанного в крестьянских хлебных магазинах, образовали бы в руках правительства запас на случай чрезмерного роста цен. Вся органи-

зация на местах, существовавшая при министерстве земледелия, перешла бы в ведение земств».

194. Ковалевский, М. М. (1851 — 1915) — профессор, историк, с 1914 г. член Академии наук. В 1887 г. за «неблагонадежность» был уволен от должности профессора Моск. ун.; уехал за границу; читал лекции в заграничных университетах; организовал в Париже высшую русскую школу общественных наук. После первой революции вернулся в Россию; организовал партию демократических реформ (газета «Страна»); был членом I Гос. Думы; читал лекции в пб. унив. и полит. инст. От академической курии в 1907 г. был избран в Гос. Совет, в котором занял место на скамьях академической «левой» группы. С 1909 был одним из редакторов «Вестника Европы».

195. Веревкин, А. Н. (1864 — 1922) — тов. м-ра юстиции с 1/I 1910 г. по 1/I 1917 г. Был тов. м-ров И. Г. Щегловитова, А. А. Хвостова, А. А. Макарова и Н. А. Добровольского. Был верным исполнителем директив своих нач-ков. Сильно добивался поста м-ра юстиции, для чего вошел в сношения с распутинской компанией. (См. «Падение царского режима», т. VI, ГИЗ, 1926 г.)

196. Игнатьев, П. Н. (р. в 1870 г.) граф. — Под влиянием Л. Н. Толстого ушел в деревню со школьной скамьи, где пробыл безвыездно 14 лет. С 1909 г. работал в министерстве земледелия по приглашению Кривошеина. С января 1915 г. по 27 декабря 1916 г. был м-ром просвещ. Заняв пост м-ра нар. просв. после реакционера Кассо, И. пытался ввести кой-какие улучшения в систему просвещения, но встретил противодействие со стороны руководителей правит. политики. В совете мин-ров И. входил в группу Кривошеина (Кривошеин, Поливанов, Харитонов, Барк, Игнатьев), старавшуюся направить политику правительства на совместную работу с Гос. Думой. (См. «Падение царского режима».)

197. Протест в Думе польского коло против немецкого акта о создании польского государства. — В заседании от 1/XI 1916 г. чл. Г. Думы Гарусевич сделал от имени польского коло заявление, в котором говорилось: «Об'явленные Германией и Австрией акты о независимости Царства Польского и устройстве Галиции создают новые международные задачи... Создаваемое Германией из части польских земель самостоятельное польское государство, поставленное во многих отношениях в зависимость от немецких держав, было бы орудием немецкого империализма... Мы решительно протестуем против этого немецкого акта, подтверждающего разделы Польши и стремящегося воспрепятствовать исторической необходимости об'единения Польши, немыслимого без Кракова, Познани, Силезии и польского моря... Мы, представители польского народа, неоднократно и настойчиво указывали правительству на грозящую России и Польше со стороны Германии опасность — вырвать из рук России и коалиции взятый в начале войны достопамятный почин в разрешении польского вопроса. Между тем, правительство не только не сделало ничего для укрепления веры, что решение России, об'явленное в историческом воззвании к польскому народу, непоколебимо, что возврата к прошлому быть

не может, но напротив, делало многое как бы именно для того, чтобы потушить эту веру и надежду, и оставило даже в силе все прежние ограничения поляков в Российской империи».

198. В своей речи в заседании Думы от 1/XI Милюков сказал следующее: «То, что А. Д. Протопопов сделал в Стокгольме (см. прим. 173), было сделано в наше (т. е. «парламентской делегации») отсутствие. Я не могу сказать, какую именно роль эта история сыграла в той уже известной нам приходжей, через которую, вслед за другими, прошел и А. Д. Протопопов на пути к министерскому креслу. Там, вероятно, эти вещи любят. Я вам назвал этих людей: Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та «придворная партия», победой которой, по словам «Neue Freie Presse», было назначение Штюрмера и которая группировалась вокруг молодой царицы» (Александры Федоровны).

199. Всероссийский союз городов — был сформирован на с'езде городских голов в Москве 8/9 августа 1914 г. 14 — 15 сентября того же года собрался 2 с'езд союза городов, на котором было представлено 195 городов, в том числе 75 губернских. Союз городов работал почти исключительно на государственные средства. 26 августа 1914 г., вскоре после его организации, правительством было отпущено 3 милл. руб. На первое августа 1915 г. на приход союза было записано 35 574 232 р., в том числе 32 099 000 р. правительственных; от городов поступило всего 1 300 000 руб. и 2 милл. составили пожертвования. Работа союза городов первое время заключалась в помощи больным и раненым. Деятельность союза городов протекала при полной согласованности с работой земского союза, организованного 30 июля 1914 г. и оформлённого 21/VIII. Осенью 1915 г. земский и городской союз выделили из себя особую организацию, так наз. «Земгор», ставившую себе целью снабжение армии предметами военного снаряжения. Организационное обособление «Земгора» было необходимо, так как земский и городской союзы, как работающие под флагом Красного Креста, не могли заниматься снабжением армии.

200. Выступление Шуваева и Григоровича в Думе 5/XI 1916 г. А. Д. Протопопов показывал, что, в виду обострения отношений между правительством и Думой, Штюрмер предложил сделать попытку склонить Думу к более спокойному настроению и уверить ее, что правительство искренно желает работать совместно с нею. Сделать такое заявление в Думе от имени правительства было поручено военному и морскому министрам (кажется, по мысли А. Ф. Трепова). Совету Министров казалось, что Д. С. Шуваев и И. К. Григорович скорее затронут патриотические чувства членов Гос. Думы и достигнут желаемого результата. Военный и морской министры произнесли в Гос. Думе речи, в которых указывали, что они считают себя обязанными, особенно в переживаемую войну, работать совместно с Думой. Их речи имели успех, и им была устроена овация.

201. Риттих, А. А. (р. в 1868 г.) — м-р земледелия с 29/XI 1916 г. По его инициативе было издано постановление о раз-

верстке хлеба по губерниям для нужд войны. Из предположенных к сбору около 630 миллионов пудов оказалось реально полученных 4 000 000.

202. А. Ф. Трепов заявил следующее: «Жизненные интересы России так же понятны нашим верным союзникам, как и нам, и, соответственно сему, заключенное нами в 1915 г. с Великобританией и Францией соглашение, к которому присоединилась и Италия, окончательно устанавливает право России на проливы и Константинополь. Русский народ должен знать, за что он льет свою кровь, и, по состоявшемуся ныне взаимному уговору, соглашение наше с союзниками сегодня оглашается с этой кафедры. Повторяю, полное единение в этом деле между союзниками твердо установлено, и нет сомнения, что Россия, получив в свое державное обладание свободный выход в Средиземное море, предоставит свободу плавания румынскому флагу, не впервые развевающемуся в боях рядом с русскими знаменами».

203. Марков I, Н. Л. (р. в 1841 г.) — действ. ст. сов., дворянин; председатель правления Юго-Восточн. ж. д.; член III и IV Гос. Думы, октябрист.

204. Панчулидзев, С. А. — управляющий архивом Гос. Совета.

205. Трубецкой, Е. Н., князь, — проф. Моск. ун-та, кандидат в «кабинет общественных деятелей», который проектировал Витте в октябре 1905 г. Вступив осенью 1905 г. в кадетскую партию, вскоре вышел из нее и принял активное участие в организации партии «мирного обновления». (См. «Письмо кн. Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Гос. Думы» — «Кр. Архив», т. X, 1925 г.)

206. Общеземский с'езд в Москве в 1916 г., открывшийся 9 декабря речью «по текущему моменту» кн. Г. Е. Львова, вынес резолюцию: «Должно быть создано правительство, достойное великого народа и сильное ответственностью перед народом и народным представительством, и только когда это совершится, самые великие трудности, стоящие перед Россией, не окажутся для нее непреодолимыми. Пусть Гос. Дума в начатой ею решительной борьбе, памятуя о своей великой ответственности, оправдает те ожидания, с которыми к ней обращается вся страна, и пусть вся страна живет одной волей — спасти Россию. Время не терпит, истекают все сроки и отсрочки, данные нам историей».

207. Васильчикова, С. Н. — княгиня, жена члена Гос. Совета, урожд. кн. Мещерская. Муж ее, князь Б. А. Васильчиков, был во время войны чл. верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну.

208. Десятого ноября с поста предс. Совета Министров был смещен Б. В. Штюрмер и заменен Треповым. Заседания Думы были отсрочены до 19 ноября. Когда на трибуне Думы появился Трепов и пытался прочесть декларацию правительства, социал-демократы и трудовики устроили ему враждебную демонстрацию. По предложению Родзянко сначала 4, а затем еще 4 депутата были исключены на 8 заседаний. После речей исключенных депу-

татов, протестовавших против исключения и разоблачавших думское большинство, Трепов получил возможность кончить чтение декларации. Как сообщает Шляпников, исключение левых депутатов не вызвало в рабочей среде резкого протеста. Это об'яснялось тем, что левые депутаты, после ареста и ссылки депутатов-большевиков, все меньше прислушивались к голосу массы, все больше занимались парламентской игрой и совершенно не пытались разоблачать классовую природу заявлений и домогательств думского прогрессивного блока. (См. А. Шляпников. «Канун семнадцатого года», ч. II.)

209. Добровольский, Н. А. (1854 — 1918) — егермейстер, обер-прокурор 1 департамента сената. Был назначен мин. юстиции 20/X 1916 г. по рекомендации распутинской шайки. В Совете министров Д. проводил директивы Ал. Фед. и Распутина.

210. Муравьев, Н. К. — предс. верховной следств. комис. Временного Правительства, московский присяжный поверенный.

211. Голицын, Н. Д. (1850 — 1925) — князь, д. т. сов., сенатор, чл. гл. упр. Красного Креста, с мая 1915 г. предс. к-та по оказанию помощи русским военнопленным, шефом которого состояла Александра Федоровна. Был губернатором в ряде губерний. Чл. Гос. Совета. С января по конец февраля 1917 г. был председателем Совета Министров по настоянию Ал. Фед. (См. «Падение царск. режима», т. II, изд. 1925 г.)

212. Курлов, П. Г. (1860 — 1923) — генерал, кончил Александровскую военно-юридическую академию, с 1889 г. состоял при прокуроре моск. военно-окружн. суда, занимая последовательно должности прокурора вологодск. окр. суда, тов. прокурора моск. суд. палаты. В 1903 г. назначен курским вице-губернатором, а в 1905 — минским. В 1906 г. чл. совета м-ва вн. дел. В 1907 г. нач. главн. тюремного упр. С 1 января 1909 г. по октябрь 1911 г. состоял командующим отдельн. корпуса жандармов и тов. м-ра вн. дел. В 1916 г. с помощью Распутина был снова назначен тов. министра вн. дел, но имя Курлова было настолько дискредитировано, что указ о его назначении был опубликован вместе с указом об его увольнении. В начале войны был определен состоящим в распоряжении главн. нач. снабжения Северо-Западного фронта, затем был исполняющим обязанности по гражданскому управлению Прибалтийскими губерниями. (См. «Падение царского режима», т. II.)

213. Крымов — кавалерийский генерал, близкий — руководящим кругам буржуазии. Накануне февраля выдвигался буржуазией как активный руководитель и участник подготовляемого дворцового переворота. После Февральской революции участник корниловского выступления, имевшего целью установить диктатуру буржуазии. Войска ген. К. при встрече с войсками Врем. Правит. и представителями советских организаций отказались поддерживать корниловское движение и перешли на сторону советов, а К. застрелился после краха своего предприятия в 1917 г.

214. Кирилл Владимирович (р. в 1876 г.) — великий князь, сын вел. князя Влад. Александровича, двоюродный брат

Николая II; контр-адмирал. Состоял штаб-офицером для поручений при верх. главнокомандующем, затем командовал гвардейским экипажем. Во время февральского переворота предоставил наиболее надежные элементы своего экипажа в распоряжение ген. Хабалова (см. прим. 225) для подавления революц. движения. После Октябрьской революции эмигрировал за границу, где сгруппировал вокруг себя монархические организации и выставил свою кандидатуру в «самодержца всероссийского». Между ним и другим конкурентом на «русский престол» Ник. Николаевичем идет грызня и посейчас.

215. Вел. кн. Николай Михайлович (1859 — 1918) — историк, исследователь эпохи Александра I. Член Французской Акад. Наук. Выступал против Распутина. Обратился с письмом в конце 1916 г. к Николаю II с указанием на гибельность политики правительства. После убийства Распутина, в организации которого принимал участие, был выслан из Петербурга.

216. Коновалов, А. А. — крупнейший текстильный фабрикант Московского района. Член IV Гос. Думы, влиятельнейший чл. прогрессивного блока. В дни столыпинщины прославились происходившие в его особняке встречи московск. профессоров и фабрикантов, положившие начало «союзу капитала и науки». После Февральской революции до октября 1917 г. министр торговли и промышленности; перед Октябрьской революцией замест. председателя. 25/X был арестован в Зимнем дворце, но вскоре освобожден. В настоящее время живет в Париже, работая по об'единению б. фабрикантов и промышленников.

217. Резолюция новгородского дворянства в январе 1917 года об опасностях, угрожающих России. — Созванное для выбора на новое трехлетие губ. предводителя дворянства собрание дворян Новгородской губернии выслушало доклад М. В. Родзянко (в качестве дворянина Новгородской губ.) о политическом положении и вынесло резолюцию, в которой между прочим заявляло следующее:

«Только в тесном единении со своим законным, природным государем придет святая Русь к лучезарному окончанию кровавой распри, минуя гибельные внутренние потрясения, наступления которых с таким нетерпением ожидает лютый враг. Но к несчастью родины, правители, явившиеся порождением безответственного влияния, отвращают лицо царское от печальников земли, ее избранников. Клевету и злобу на свой же народ несут они к престолу. Свое нерадение, свое неумение тщетно пытаются они прикрыть преступной ложью. Не в правде, а в лести полагают свой долг перед царем. Но если, к величайшей скорби народной, Гос. Дума и Гос. Совет не будут созваны, и являющиеся врагами общественного блага правители, которым страна не верит, будут подкапываться под устои народного представительства; если светоч, озаряющий тернистые кровавые пути к величию и счастью родины, будет затушен, — настанет мрак разнузданных страстей и неудержимой злобы. И тогда престол, Россия и ее упования будут ввергнуты в пропасть, в глубине коей по-

гибнут лучшие силы и надежды России, ее честь, ее целость, ее достоинство, ее мощь и слава».

218. Беляев, М. А. (1863 — 1918) — ген.-от-инфантерии. Окончил академию генер. штаба. Во время русско-японской войны был в полевом штабе наместника. По окончании войны служил в главном штабе. В начале войны 1914 — 1917 гг. назначен нач. главного штаба. В январе 1917 г., после ухода в отставку Шуваева, занял пост военного м-ра; на этом настояла Ал. Фед. После Февральской революции был арестован и находился под следствием по делу о недостатках боевой подготовки армии. После Октябрьской революции освобожден.

219. Покровский, Н. Н. (р. в 1865 г.). — С 1904 г. был директором департамента окладных сборов. С 1906 г. по 1913 г. тов. м-ра финансов. С января 1914 г. по февраль 1916 г. чл. Гос. Совета. С 25/I 1915 г. по 30/I 1916 г. гос. контролером, а с 30/XI 1916 г. по 4/III 1917 г. министром иностранных дел. В Гос. Совете входил в группу беспартийных. Был тов. предс. комиссии по призрению раненых и больных воинов при верх. совете. П. был против политики Протопопова, считая, что она ведет к сепаратному миру. (См. «Падение царского режима», т. VI).

220. Думерг, Г. (р. в 1863 г.) — французский политический деятель, адвокат, служил в колониях. В 1893 г. впервые был избран в палату депутатов, как кандидат радикал-социалистов, партии буржуазно-интеллигентской. В 1902 г. Д. занял пост м-ра колоний, затем был м-ром иностр. дел, торговли и народного просвещения. В 1913 — 1914 г. Д. был недолго председателем Совета Министров. В 1920 г. перешел из палаты депутатов в Сенат. В 1924 г. он был избран председателем Сената, а затем, после отставки Мильерана, избран президентом республики.

221. Кастельно, де-Кюрьер, De Curières de Castelnau (р. в 1851 г.) — член французской делегации, приезжавшей в России в январе 1917 г. Генерал, с 1896 г. служил в военном министерстве, состоял нач. I бюро (организация и мобилизация армии). В 1900 г. командовал 37 пех. полком, в 1906 г. командовал бригадой, а в 1909 г. — дивизией. В 1913 г. назначен членом высшего военного совета. Во время войны с Германией К. был команд. II армии, расположенной в Лотарингии, затем группой из четырех армий в Шампани. 11 декабря 1915 г. К. был назначен нач. штаба Жоффра. Зимою 1915 — 1916 гг. он ездил в Салоники для ознакомления с положением дел на балканском фронте. В январе 1917 г. ушел с поста нач. штаба и был послан с миссией в Россию. В марта 1917г., по возвращении из России, К. было поручено командование восточной группой армий, и на этом посту он оставался до окончания военных действий. После перемирия назначен председателем комиссии по устройству военных кладбищ. В последние годы играет активную роль в национ. организациях; клерикал и крайний правый.

222. Распоряжение о выделении Петроградского военного округа из состава Северного фронта. — Протопопов представляет дело так: «Начиная с ноября, — пишет он в записке от 31/VIII, — настроение в столице

я во всей стране стало подниматься... У меня снова явилась мысль о необходимости иметь наготове план охраны не только полицейской, но и войсковой... В половине января А. П. Барк мне передал план охраны... По плану предполагалось прекратить беспорядки в четыре дня... План я представил царю... Царь оставил план у себя и поблагодарил меня... После царя я был у царицы; рассказал ей вкратце про план охраны, хвалил С. С. Хабалова, сказал, что ему следует дать больше самостоятельности и выделить Петроградский военный округ из состава Северного фронта, иначе ген. Рузский уволит ген. Хабалова; просил царицу его принять. С. С. Хабалов был принят царем и царицей. В конце января царь сказал мне, что Петроградский округ выделен в особую армию». («Падение царск. режима», т. IV, стр. 92—93.)

223. Стишинский, А. С. (р. в 1857 г.). — В 1880-х годах служил в мин. внутр. дел. Был одним из поборников реакционной земской политики при Александре III и, в частности, был сторонником «Положения о земских начальниках» (1889 г.). С 1893 по 1896 г. управлял земским отделом мин. внутр. дел; с 1899 г. по 1904 г. был тов. мин. внутр. дел; с 1904 г. член Гос. Совета. В 1906 г. был главноуправляющим земледелием и землеустройством. В I Гос. Думе выступал за реакционную земельную политику самодержавия. В Гос. Совете был все время видным деятелем правых.

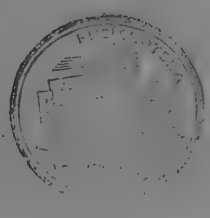
224. Письмо Милюкова. — В своих показаниях от 7/VIII 1917 г. П. Н. Милюков сообщает по этому поводу следующее: «Я помню, — говорит он, — в феврале заседание представителей различных общественных организаций и членов блока, в котором участвовал и я, и в котором обсуждался вопрос о форме выражения поддержки Гос. Думы общественным мнением, главным образом, рабочими кругами, и проектировалось шествие рабочих к Гос. Думе. Я тогда высказался против этой формы, указывая, что такое шествие легко взять в тиски и расстрелять. Весьма энергичным защитником этой формы явился рабочий Абросимов, который впоследствии оказался провокатором. Так создалась та атмосфера, которая вызвала меня на написание письма, приглашавшего рабочих остаться спокойными и которое часто выставлялось против меня, как желание предотвратить революционную развязку. Я указывал в этом письме, что не следует выходить на улицу в тот момент, когда зовут туда темные силы. В дальнейшем оказалось, что это было время прохоповской затеи и подготовки расстрела революции пулеметами... Чувствуя, что создается обстановка, аналогичная тому, что сделал Дурново в Москве в декабре 1905 года, я настаивал, чтобы этой формы борьбы не предпринимать. Это было причиной, почему я опубликовал это письмо». («Падение царского режима», т. VI, стр. 351).

А. Шляпников считает, что письмо Милюкова «является показателем контр-революционного отношения Милюкова к наметившемуся народному движению. Всякое проявление политической активности в народных низах, — пишет Шляпников, — он припи-

сывал «коварному замыслу врагов» — немецким шпионам. Только один прогресивный блок мог заниматься политическими вопросами, все, что было вне его, то — от лукавого немца».

225. Хабалов, С. С. (1858 — 1924) — генерал, был назначен нач. Петроград. военного округа по рекомендации Протопопова. Хабалов предназначался для подавления револ. рабоч. движения, которое усиливалось в течение 1916 года и к началу 1917 г. грозило перейти в вооруженную борьбу с правительством. Хабалов в феврале пытался «оправдать» надежды, возлагавшиеся на него Протопоповым и царем. Им была вооружена полиция пулеметами, вытребованы с фронта верные правительству части и т. д. В течение 4 — 5 дней Хабалов самым жестоким образом боролся с разраставшимся революционным движением. (См. «Падение царского режима», т. I.)

226. Рабочая группа военно-промышленного комитета. — Об аресте ее Протопопов пишет в записке от 31/VIII: «Из полученных докладов и других случайных сведений у меня сложилось убеждение, что петроградские рабочие готовы решиться на забастовку и на шествие к Гос. Думе 14/II, только еще не сорганизованы (см. примеч. 225). Лица, могущие их сорганизовать, «главари» и «зачинщики» движения, были известны в полиции, в том числе были и члены рабочей секции военно-промышленного комитета. Я считал опасным введение рабочих секций в состав центрального к-та и военно-промышленных к-тов, образованных на местах. Я видел в этом организацию рабочих во всей России, центральный орган которой находится в Петрограде. Секция рабочих депутатов центрального военно-промышленного комитета, по моему мнению, служила связующим звеном между революционно настроенным рабочим населением и оппозицией... Мне казалось, что надо прервать связь между оппозицией и рабочими, т. е. арестовать членов рабочей секции военно-пром. комитета... Поводом для ареста рабочей секции были сообщенные сотрудниками департаменту полиции сведения о присутствии на собраниях секции посторонних лиц, произносимые рабочими депутатами речи и постановленные резолюции». (См. «Падение царского режима», т. IV, стр. 86.)



ОГЛАВЛЕНИЕ

		стр.
	. . . . .	
	Вместо предисловия	9
I.	Мистицизм царицы и пророки Запада — епископ Феофан и появление Распутина. — В чем сила его влияния на царицу. — Столкновение с Гермогеном и Илиодором и обер-прокурором синода Саблером	11
II.	П. А. Столыпин о Распутине. — Инцидент с нянюшкой царских детей. — Опала петербургского митрополита Антония. — Запрос о Распутине в Г. Думе. — Разговор со вдовствующей императрицей о Распутине	29
III.	Аудиенция по делу о Распутине. — Доклад о Распутине. — Документы о Распутине. — Разговор с царским духовником. — Отказ в аудиенции.	43
IV.	Прием членов Думы и недовольство царя. — Последствия приема. — Бородинские торжества. — Выборная кампания в IV Думу. — Аудиенция Родзянки, переизбранного в председатели	59
V.	Торжество по случаю 300-летия дома Романовых. — Изгнание Распутина из собора. — Радко-Дмитриев в Петербурге	65
VI.	Интриги правых. — Бойкот Думы. — На открытии памятника Столыпину. — Епископ Агапит. — Предупреждения А. И. Гучкова	75
VII.	Аудиенция 22/XII 1913 г. — Спор о покупке дредноутов за границей. — Встреча эскадры адмирала Битти. — Гавань в Ганге	84
VIII.	Объявление войны. — Непорядки в Красном Кресте. — На Варшавском вокзале. — Сапоги для армии и министр Н. А. Маклаков. — Государь во Львове	92
IX.	В Ставке после отступления. — Проект Особого Совещания по обороне. — На съезде промышленников. — Николай II и Н. Маклаков. — Архангельский порт. — В. к. Сергей Михайлович	111
X.	Государь — верховный главнокомандующий. — Влияние императрицы усиливается. — Горемыкин распускает Ду-	
		271

стр.

му. — Как был уволен А. Д. Самарин. — Путиловский завод. — Англичане и торговый флот 127

XI. Забастовки. — Изобретатель Братолюбов и г-жа Брасова. — Письмо Горемыкину. — Фрейлина М. А. Васильчикова . . 140

XII. Питирим и Штюрмер. — Государь в Гос. Думе. — Гнющее мясо и недостаток продовольствия. — Приезд Вивиани и Тома. — На обеде у Штюрмера. — Русская парламентская делегация. — Проект диктатуры 146

XIII. Штюрмер-диктатор. — Гвардия на фронте. — Аэропланы из-за границы 168

XIV. Манасевич-Мануйлов и Хвостов старший. — Протопопов министр. — Условия председателя Думы. — Королевич греческий. — Отказ в аудиенциях. — У Штюрмера 177

XV. „Junge Zarin" в речи П. Н. Милюкова и последствия. — Штюрмер и Протопопов требуют разгона Думы. — Марков 2-ой устраивает скандал. — После убийства Распутина. — Спиритизм Протопопова 188

XVI. Развал тыла. — Генерал Крымов настаивает на перевороте. — Завтрак у в. к. Марии Павловны. — Визит в. к. Михаила Александровича. — Аудиенция 7 января 204

XVII. Представители Антанты в Петрограде. — Полиция и пулеметы. — Последняя аудиенция. — Аресты рабочих. — Согласие царя на ответственное министерство и неожиданный отъезд. — Оборвалось 215

Примечания 221

741

1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

МОНАРХИЯ ПЕРЕД КРУШЕНИЕМ

1914—1917

Бумаги Николая II и другие документы

Статьи В. П. Семенникова

Стр. VIII, 311. Ц. 3 р.

Избранные документы личного архива Николая II по разделам: Миссия Альбера Тома (письмо Пуанкаре к Николаю II). Русско-английские трения 1916 г. (дипломатич. документы). Из переписки царя с министрами, доклады Штюрмера царю, проект выборов в V Гос. думу, план военной диктатуры (1916). Ген. Алексеев и Гучков и т. д. — Комментарии и приложения. — Указатель имен.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата